

ПРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРЕДИКАТОРА

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы

современной лингвистики

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Сравнительный анализ выражения
реального условия в персидских
и русских сложноподчинённых
предложениях (временной аспект)

Метафорические средства обозначения 'гордости'
в русском и китайском языках

2024 / № 4

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2024 / № 4

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Иванов Н. В. — д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Красноперова Л. С. — канд. филол. наук, доц., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. — д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguamgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. — 2024. — № 4. — 124 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

———— Issued 6 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhironova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

L. S. Krasnoperova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masharov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "Cyber-Leninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2024. – № 4. – 124 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бхатти Н. В., Харитонов Е. Ю. Способы выражения вежливости в речевых актах в индоевропейских языках (на материале русского, английского, немецкого и урду) . . . 6	
Виноградова Е. В. Принципы построения макро- и микроструктуры русско-английского тезауруса по судостроению 18	
Евграфова Ю. А. Основные особенности АСМР-дискурса (на материале сюжетных видеотекстов) 28	
Малюгина А. В. Эмфатические дискурсивные маркеры в оценке коммуникативно-релевантных особенностей английского менталитета (на материале романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида») 40	
Нестерова О. Б. Формирование общественного мнения в англоязычных СМИ на примере «зелёной» повестки 53	
Оборская С. А. Заимствованная лексика кхмерского языка в XXI веке: тематический аспект 67	
Тайебиантур Ф., Ибрагимшарифи Ш. Сравнительный анализ выражения реального условия в персидских и русских сложноподчинённых предложениях (временной аспект) 81	
Юй Вэньсинь. Метафорические средства обозначения 'гордости' в русском и китайском языках 89	

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Гусева А. Е., Корчагина Е. П. Вербализация национально-культурных стереотипов посредством зоонимной фразеологии (на материале английского и немецкого языков) 97	
Скворцова Н. С. Контрастная образность как основа аспектуального противопоставления 110	

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

N. Bhatti, E. Kharitonova. Means of Expressing Politeness in Speech Acts in Indo-European Languages (Based on Russian, English, German and Urdu) 6

E. Vinogradova. Principles for Modeling the Macro- and Microstructure of Russian-English Thesaurus in Shipbuilding. 18

Yu. Evgrafova. Main Features of ASMR-Discourse (Case Study of Narrative Videotexts) 28

A. Malyugina. Emphatic Discourse Markers in the Assessment of Communication-Related Peculiarities of the English Mentality (Based on the Material of F. Bacon’s Novel “New Atlantis”) 40

O. Nesterova. Swaying Public Opinion by English-Language Media. Case Study of the “Green” Agenda 53

S. Oborskaia. Loanwords of the Khmer Language in the XXI Century: Thematic Aspect 67

F. Tayebianpour, Sh. Ebrahimsharifi. Comparative Analysis of the Conditional Tense Expression in Russian and Persian Complex Sentences (Temporal Aspect) 81

Yu Wenxin. Metaphorical Means Utilized to Express Pride in Russian and Chinese Languages 89

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

A. Guseva, E. Korchagina. Verbalization of the National and Cultural Stereotypes Through Zoonymic Phraseology Based on the Material of the English and German Languages. . . 97

N. Skvortsova. Contrastive Imagery as the Basis of Aspectual Distinction. 110

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.1

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-6-17

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И УРДУ)

Бхатти Н. В.*, Харитонов Е. Ю.

Государственный университет просвещения, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2,
Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: nataliebhatti@hotmail.com

Поступила в редакцию 11.01.2024

После доработки 01.02.2024

Принята к публикации 02.02.2024

Аннотация

Цель данной работы – выявление доминирующих способов выражения вежливости в таких речевых актах, как обращение, просьба, извинение, благодарность, отказ, и сравнительно-сопоставительный анализ языковых средств, служащих маркерами вежливости в русском, английском, немецком языках и урду.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет изучение лексических и грамматических способов экспликации вежливости на материале русского, английского, немецкого и урду. Языковой материал для проведения исследования, а именно примеры использования этикетных формул в устном общении на исследуемых языках, отбирался по принципу частотности их применения в указанных языках в ходе непосредственного взаимодействия с носителями и на основе просмотра видеоисточников и прочтения социальных сетей. Материал был проанализирован при помощи описательного и лингвистического методов.

Результаты. Проведённый анализ материала позволяет прийти к заключению, что каждый из изученных языков располагает богатым арсеналом средств, эксплицирующих вежливость в различных коммуникативных ситуациях. Средства вежливости распределяются во всех языках по критерию формальности / неформальности общения. Общая тенденция к упрощению формулировок прослеживается ярче в английском и немецком языках, слабее в русском и урду.

Теоретическая и/или практическая значимость изучения маркеров вежливости заключается в установлении прагматической ценности указанных структур и расширении теории речевых актов в компаративном аспекте наиболее распространённых в мире индоевропейских языков.

Фактический материал, представленный в статье, может быть использован для преподавания как теоретических, так и практических лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: индоевропейские языки, маркеры вежливости, регистры общения, речевые акты

Для цитирования:

Бхатти Н. В., Харитоновна Е. Ю. Способы выражения вежливости в речевых актах в индоевропейских языках (на материале русского, английского, немецкого и урду) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-6-17>

Original research article

MEANS OF EXPRESSING POLITENESS IN SPEECH ACTS IN INDO-EUROPEAN LANGUAGES (BASED ON RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN AND URDU)

N. Bhatti*, E. Kharitonova

Federal State University of Education, ulitsa Radio 10A build. 2, Moscow 105005, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: nataliebhatti@hotmail.com*

Received by the editorial office 11.01.2024

Revised by the author 01.02.2024

Accepted for publication 02.02.2024

Abstract

Aim. To define the main ways of expressing politeness in such speech acts as address, request, apology, gratitude and rejection and comparing the language means which serve as politeness markers in Russian, English, German and Urdu.

Methodology. The core content of the research is the study of lexical and grammatical ways of expressing politeness in four Indo-European languages: Russian, English, German and Urdu. The frequency of use of the etiquette formulas in the analysed languages in the process of direct communication with native speakers (Urdu, Russian) and their occurrence in video sources or social networks (English, German) served as the criteria for choosing them for the present work. Descriptive and linguistic-stylistic methods were implemented in the research.

Results. The study has enabled the authors to conclude that each of the languages in question has a wide range of means to express politeness in different communicative situations. Polite expressions are distributed across the registers of communication. There is a general of simplification of structures, which is more obvious in English and German and less obvious in Russian and Urdu.

Research implications. The research reveals the pragmatic value of the studied language means and contributes to the theory of speech acts as it presents a detailed comparative overview of the four widely spread languages in the world. The presented facts can be used for teaching theoretical and practical linguistic subjects.

Keywords: Indo-European language, politeness markers, registers of communication, speech acts

For citation:

Bhatti, N. V. & Kharitonova, E. Yu. (2024). Means of expressing politeness in speech acts in Indo-European languages (based on Russian, English, German and Urdu). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-6-17>

Введение

Отталкиваясь от классической теории речевых актов Дж. Остина [1], построенной на их целевой направленности, множество исследователей-лингвистов дополняли и пересматривали данную классификацию (Дж. Серль [2], Н. Д. Арутюнова¹, Е. А. Красина [3], И. П. Сусов [4] и др.). В настоящей работе под речевым актом понимается «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в данном обществе нормами коммуникации» [5, с. 52].

Будучи ключевым компонентом коммуникации, речевые акты заслуживают пристального изучения с позиций сопоставления языковых средств выражения интенций говорящего с целью произвести воздействие на адресата. Подобное воздействие будет расцениваться как положительное и успешное в рамках проявления категории вежливости [6]. Данная категория привлекает внимание исследователей как в общенаучном плане [7; 8; 9], так и с опорой на различные типы дискурса [10; 11] и материал различных языков [6; 12].

Категория вежливости может быть маркирована различными языковыми способами (фонетически, орфографически, лексически, морфологически и синтаксически). Выявление доминирующих способов выражения вежливости в речевых актах на материале русского, английского, немецкого и урду и их сравнительно-сопоставительный анализ явились целью настоящей работы. Выбор языков обусловлен их принадлежностью к разным типам культур по индикаторам Герта Хофстеде [13].

В ходе данного исследования авторы преследовали также практическую цель, направленную на сбор и анализ языкового материала, эксплицирующего семан-

тику вежливости в русском, английском, немецком и урду, для дальнейшего использования в процессе работы со студентами лингвистического направления. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в качестве иллюстративного материала как при преподавании теоретических дисциплин (*Межкультурная коммуникация, Сравнительная типология, Основы языкознания* и др.), так и на практических занятиях по иностранным языкам.

Для проведения исследования были использованы описательный и лингвостилистический методы. Описательный метод позволил собрать и обработать достаточное количество материала для дальнейшего более глубокого анализа, который был выполнен посредством лингвостилистического метода. Последний направлен на изучение употребления языковых единиц в речевой деятельности с целью установления закономерностей их применения в разных коммуникативных ситуациях под влиянием различных экстралингвистических факторов.

Учитывая частоту возникновения коммуникативных ситуаций, соответствующих исследуемым речевым актам, в качестве языкового материала взяты результаты наблюдения за использованием этикетных формул в устном общении на изучаемых языках. Иными словами, за основу взят активный и пассивный языковой опыт авторов, включающий как личное общение с носителями изучаемых языков, так и просмотр видеоматериалов (фильмов, телепередач, интервью и проч.), а также анализ материалов социальных сетей, отражающих коммуникативные ситуации, предполагающие использование обращения, благодарности, извинения, просьбы, отказа.

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412–413.

Сравнительный анализ языковых маркеров вежливости в речевых актах «обращение», «просьба», «извинение», «благодарность» и «отказ» в русском, английском, немецком и урду

Речевой акт является фрагментом коммуникации. В рамках такого акта говорящий строит своё высказывание во внутренней речи, затем переводит его во внешнюю речь путём кодирования внутреннего высказывания в звуки. Адресат воспринимает звуковое послание, декодирует его и распознает смысл высказывания. Высказывание, как правило, порождает импульс для ответного высказывания, что превращается в обмен репликами, другими словами, осуществляется речевая коммуникация. Под речевой коммуникацией понимается общение людей как взаимодействие с целью обмена информацией (чтение, письмо и т. д.) [3].

Выделяют следующие концепции к теории вежливости: вежливость с позиций этики (Н. И. Формановская [14], С. А. Рисинзон [15]); вежливость как речевые максимы (Г. П. Грайс [16], Дж. Лич [17], Р. Лакофф [18]); вежливость как сохранение лица (Э. Гоффман [19], П. Браун, С. Левинсон [20]); вежливость с позиций выявления статуса человека (В. Е. Гольдин [21], В. И. Карасик [22; 23]).

Стратегии, помогающие регулировать речевое поведение собеседников, обеспечивают соблюдение речевых норм и раскрывают специфику сознания представителя определённой лингвокультуры. В данной работе авторы опираются на теорию С. Левинсона [20], которая подразделяет вежливость на два типа: позитивную и негативную. Подобная классификация помогает глубже понять алгоритм взаимодействия коммуникантов, речевое поведение которых демонстрирует либо солидарность, либо дистанцирование в общении. Другими словами, вежливость представляет собой соблюдение баланса

сближения и отдаления собеседников в процессе коммуникации.

Ещё одно понятие, которое будет играть существенную роль в анализе вежливости в речевом взаимодействии коммуникантов, – это пресуппозиция. Она включает контекст и ситуативные характеристики, при которых происходит общение. Адекватное восприятие и понимание друг друга собеседниками гарантировано при совпадении пресуппозиций говорящего и адресата. В противном случае происходит нарушение языковых норм и разрыв коммуникации.

С позиций вежливости наиболее маркированными в языковом плане являются такие речевые акты, как обращение, просьба, извинение, благодарность и отказ. Рассмотрим подробнее средства выражения вежливости в выбранных для анализа языках.

Речевой акт «обращение»

Обращение является зачином коммуникации и задаёт тональность всему процессу коммуникации. То, насколько успешно говорящий выбрал тональность начала разговора, повлияет на весь ход беседы. В первую очередь следует выделить использование в обращении титулов. В ходе исторического развития общества в России обращение с использованием титулов было утрачено, взамен мы, как правило, употребляем разные вокативы: *Иван Петрович, тётя Валя* и др. [24].

В формальном регистре общения в английском языке используется этикетное слово, титул или маркер профессиональной принадлежности вместе с именем или фамилией: *Doctor Smith, Miss Mary, Private Ryan, Professor Brown*. Тенденция к стиранию сословных и других различий в англоговорящем социуме постепенно приводит к использованию одних личных имён при общении друг с другом без придания коммуникации оттенка фамильярности.

Немцы употребляют как обращения Frau и Herr, так и титулы с фамилией (*Herr / Frau Lenz, Doktor Krause*), а в урду наряду с английскими титулами (*Dr Mahboob, Mr Bhutt, Mrs Amara Bhatt*) используются *sahib*¹, *saab, sahiba, bibi, memsahib*. Обращение просто по имени не является вежливым.

Ещё одним знаковым компонентом вежливого обращения является выбор личного местоимения. В русском языке это местоимения *вы* и *ты*, передающие, соответственно, дистанцию/уважение или их отсутствие в отношениях говорящих. В английском языке нормой обращения является местоимение *you*, универсальность которой, по сути, свидетельствует о невыраженности семантики вежливости в английском языке на уровне местоимений. В немецком языке находим вежливое местоимение *Sie* в оппозиции к фамильярному *du*.

В урду представлены три местоимения 2-го лица: *tu, aap* и *tum*. По аналогии с русским *вы aap* может служить средством обращения к группе людей и средством экспликации уважительного отношения к единичному адресату. Можно обнаружить примеры употребления местоимения *aap* с глаголом в единственном числе при обращении к единичному адресату: *Aap kaise ho?* 'Как вы (поживаете)?', что является грамматической чертой диалекта Пенджаби, распространённом в северо-восточной провинции Пакистана Пенджаб и индийском штате Пенджаб. Можно предположить, что влияние этого диалекта нашло своё отражение в урду. Единственное число глагола с *aap* свидетельствует о меньшей степени формальности, нежели множественное число. Примером может послужить обращение родителей к детям для иллюстрации первого случая и обращение детей к родителям во втором случае. Использование местоимения *tum* практически совпадает с

соответствующим русским *ты. Tum kaise ho?* 'Как ты? / Как у тебя дела?' Местоимение *tu* имеет крайне неуважительное значение и используется говорящим при интенции оскорбить собеседника (*Tu acha insan nahin hai*. 'Ты плохой человек') [25].

Речевой акт «просьба»

Просьбу изначально можно рассматривать как потенциально невежливое речевое действие, так как она ограничивает другому коммуниканту возможность принятия решения. То есть, применительно к интенции просьбы в коммуникативной компетенции говорящего есть представление о том, что попросить надо вежливо, а значит, определённым речевым способом выразить уважительное отношение к слушающему, иначе коммуникативное взаимодействие собеседников может не реализоваться, поскольку вместо того, чтобы обеспечивать свободу выбора в поведении, просьба требует от партнёра действовать в чужих интересах, отодвинув собственные интересы на задний план. Именно это, прежде всего, предопределяет множественность способов выражения просьбы.

С точки зрения языковых средств, просьба оформляется грамматически в виде вопросительного предложения или предложения с глаголом в форме повелительного наклонения без вопросительного слова. В немецком языке таким примером будет служить: *Könnten Sie mir (bitte) das Salz reichen?* 'Не могли бы вы мне передать соль?' В русском языке для вежливой просьбы вполне подойдёт предложение в форме повелительного наклонения с лексемой «пожалуйста»: *Передай/те, пожалуйста, салфетки*. В английском языке просьба в повелительном наклонении является очень невежливой. В качестве стандартной вежливой просьбы используются вопросительные конструкции, начинающиеся с модальных глаголов *can, could, would, may, might*. Причём, выбор модального глагола будет сигнализировать о разном уровне регистра общения (от дружеского до превосходящего

¹ В статье используется романизированный вариант письменного урду.

по рангу или социальному положению). Смягчение императивов разделительным вопросом и словом «please» также возможно. Русский язык и урду не демонстрируют такое разнообразие модальных глаголов, служащих маркерами вежливости, как английский или немецкий.

В урду также наблюдается вариативность средств выражения вежливости на грамматическом уровне: от самой простой и фамильярной *ya parhna* ‘читай!’ до *mahir bani kar ka pair dain* ‘пожалуйста, читайте’ с глаголом во множественном числе как маркером вежливости. Модальный глагол *sakna* ‘мочь’ широко встречается в вежливых обращениях. *Kya ap isse pair saky hein?* ‘Можете прочесть?’

Сослагательное наклонение передаёт желательность выполнения действия и снижает уровень конкретности. Например, в русском языке: *Я был бы вам благодарен, если бы вы повторили то, что сказали*; в английском языке: *We should be grateful if you would be so kind as to let us have your cheque as soon as possible*. ‘Мы были бы очень признательны, если бы вы отправили нам свой чек как можно скорее’; в немецком языке чаще всего за счёт использования модальных глаголов *können, dürfen, mögen*: *Könnten Sie noch einmal wiederholen* ‘Вы не могли бы ещё раз повторить’ *Dürfte ich mich hier setzen?* ‘Могу ли я здесь сесть?’ *Ich möchte eine Cola* ‘Я бы хотел колу’.

Постепенно использование сослагательного наклонения в урду выходит из обихода, наблюдается тенденция к упрощению форм. Тем не менее ещё можно услышать такие вежливые варианты: *kyaa ap hamaare sath kana kayan gai?* ‘Could you, please, eat with us’, ‘Не присоединись бы вы к нам за трапезой?’

В немецком языке сослагательное наклонение передаёт и косвенную просьбу, как бы дистанцируясь от ответственности за данную информацию, например: *Er sagte, der Gast möge doch bitte etwas später wiederkommen* ‘Он сказал, что гостю стоило вернуться чуть позже’.

Во всех четырёх языках можно обнаружить ряд клишированных выражений, предваряющих непосредственное требование и придающих высказыванию вежливый оттенок вводные фразы: *Не будете ли вы так любезны, Было бы здорово, Would you be so kind as... It would be great... Wäre es Ihnen möglich... ‘Вы бы не могли...’, Wären Sie so freundlich... ‘Не были бы Вы так любезны...’; Es wäre gut, wenn ... ‘Было бы хорошо, если ...’ kha app itnay mehrban hon ga... ‘не будете ли вы так добры’, ‘ya both acha ho gha ‘было бы здорово’...*

Речевой акт «извинение»

Употребление извинений (время, место, частотность) обусловлено культурно-историческими факторами. По сравнению с немецким и английским языками, где извинения произносятся по минимальному поводу и довольно часто, в русском языке извинения минимизируются и чаще воспринимаются слушающим без комментария. В русскоязычной культуре извинения произносятся большей частью тогда, когда говорящий действительно берёт вину на себя, а не автоматически.

В русском языке лексема «извините» – это принятая, широкоупотребительная форма вежливого извинения, его эквивалент «извиняюсь» является просторечным, выходящим за рамки литературной нормы. Первое выражает искреннее извинение, второе имеет ироничный подтекст, так как подразумевает акт извинения самого себя. «Извините» и «простите» различаются по регистру общения, первое выступает как более формальное средство выражения извинения. Тем не менее оба являются формами императива, и в случае, когда общение происходит на подчеркнуто формальной дистанции, заместителем может служить фраза «прошу прощения».

В английском языке *sorry* давно стало обыденным и дежурным словом в общении англичан и практически утратило свой смысл как средство выражения извинения. Оно произносится в широком

спектре контекстов, где, зачастую, никакое признание вины и не предполагается. *Pardon* и *excuse me* имеют узкую коннотацию, первое маркирует классовую принадлежность говорящего (представитель низшего сословия с претензиями на аристократичность), второе нацелено скорее на получение разрешения, нежели на принесение извинений. Самый простой способ извиниться за содеянное – использовать фразу *I apologize*. Он же, пожалуй, самый верный для передачи семантики действительного извинения. *Please forgive me* имеет такую же коннотацию и так же передаёт оттенок искренности извинения. *My bad* – сленговое выражение, используемое говорящим для признания вины. *My mistake!* применяется в значении признания небольшой оплошности, его эквивалент из латинского *Mea culpa!* можно встретить при общении в формальном регистре.

В немецком языке формулы извинений сильно ритуализированы. Извинения могут состоять из одного слова *Entschuldigung*, и из вариантов сочетаний с данным словом, например, *Entschuldigen Sie bitte*, *Entschuldige bitte*, *Ich bitte um Entschuldigung*, *Ich muss mich bei dir entschuldigen*. Интересно отметить, синонимы *Entschuldigung* и *Verzeihung* не являются абсолютными. *Verzeihung* употребляют чаще в том случае, когда извинение произносится не просто из вежливости, а означает просьбу простить за серьёзный проступок, что соотносится с русскими «извините» и «простите».

В урду *Maaf Karna* – эквивалент английского *sorry* ‘извините’, используется в ряде случаев: для того, чтобы извиниться, для того, чтобы выразить сочувствие или соболезнование. *Mafi* ‘простите’ универсальный и широко употребляемый способ извинения. ‘Мои извинения’ или ‘моя вина’ передаются в урду при помощи *mazrat* или *meri ghalti*. В формальном регистре общения извинения будут выражаться следующим образом: *mujhe afsos hai kya mera yai matlab nahi*

tha... ‘простите, я не имел намерения...’; *bra ha karam mujhe maaf mangne ki ijazat dien* ‘позвольте принести извинения’; *brahe mahr bani mujhe maaf krein* пожалуйста, извините меня; *mein apni galti ke liye mazrat khwa hon* ‘прошу прощения за свою ошибку’ и т. д.

В общении с друзьями или родными в качестве извинения могут встретиться *ohh! mazrat* ‘Whoops! Sorry!’ ‘Ой, прости!’; *is k liye mazrat* ‘Sorry about that’ ‘прости за это’. В общении очень близких друзей можно услышать *mera qasoor*, *bhai* ‘My fault, bro’ ‘моя вина, дружище / брат’.

Во всех четырёх языках извинения употребляются в качестве просьбы вступить в разговор и служат средством привлечения внимания (особенно на улице при вопросе о дороге, о времени и тому подобное).

Речевой акт «благодарность»

Благодарность выступает положительным речевым актом во многих культурах, это способ выражения признательности за оказанную услугу, помощь, поддержку, внимание или добро. Средства выражения благодарности и ситуативная обусловленность зависят от типа культуры и её ценностей. В русской коммуникативной культуре не благодарят так часто, как это принято у европейцев. Но если акт благородности реализуется, то он воспринимается с полной серьёзностью.

Благодарность в русском языке выражается при помощи лексической единицы «спасибо», а также словосочетаниями с ней в зависимости от разной степени признательности говорящего (*большое спасибо*, *огромное спасибо*, *сердечное спасибо* и др.). Чтобы подчеркнуть дистанцию собеседников в коммуникации могут быть использованы формулировки *благодарю (вас)*, *искренне признателен* и т. д.

В английской среде благодарность является неотъемлемой частью повседневного общения. Нейтральное по стилю словосочетание *thank you* используется очень часто в разных коммуникативных

ситуациях. Более формальными способами поблагодарить будут: *I appreciate it; It was really kind of you to...; I'm grateful / thankful...* Наименее формальным является *Cheers!*

В немецком языке существуют следующие средства выражения благодарности: *Danke, Vielen Dank, Besten Dank, Danke schön, Danke sehr. Danke* стилистически нейтрально, остальные более эмоционально окрашены.

В урду выражениями благодарности будут служить: *shukriya* 'спасибо', *bohāt shukriya* 'большое спасибо', *meharbanī* 'пожалуйста'.

Речевой акт «отказ»

Отказ может быть намеренным и ненамеренным. В первом случае коммуникант действует продуманно, использует заготовленные речевые обороты для достижения результата. Во втором случае говорящий действует спонтанно без продуманных коммуникативных стратегий, зачастую под влиянием эмоций.

В русском языке основным языковым средством для оформления отказа является отрицательная частица «не», которая сама по себе стилистически нейтральна. В совокупности с остальными вежливыми формулами (*спасибо, простите*) она может передавать отказ на разных регистрах общения: *Спасибо, я не хочу; Простите, мне это не нужно.*

В английском языке вежливый отказ может передаваться следующими фразами: *... I'm sorry, I can't...; I have other plans...; I wish I could, but I can't...; I'm sorry, but I have other commitments...; Sorry, I don't think I'll be able to...; It's very kind of you, but...; I really shouldn't...; I would love to, but...; That sounds good, but...; I greatly appreciate your invitation, but...* Менее формальное общение допускает использование следующих оборотов: *Not today, thanks; I'm all set; No way, Jose; Nah.* Таким образом, отказ в английском языке будет содержать два компонента: извинение и отрицательную частицу *not*, часто сопровождающуюся противительным союзом

but, вводящим компенсаторную или поясняющую фразу.

В немецком языке категоричность отказа уменьшают лексемы, несущие семантику сожаления *leider, danke*. Выражение вежливости достигается и за счёт употребления конструкции *würde + Infinitiv: Ich würde das anders machen* 'Я бы сделал это иначе'.

В урду формальный отказ будет звучать: *Nahi, aap ka shukria* 'нет, спасибо' (с местоимением *aap* – вы). В кругу друзей возможен вариант *Nahi, tumhara shukria*, где неформальность выражается в использовании местоимения *tum* – ты. Тем не менее некоторые носители языка избегают использования местоимения *tum*, прибегая к фразе *Nahi, shukria* в качестве отказа, даже если общение ведётся в кругу близких людей.

Компенсаторная семантика, вводимая союзом *lekin* 'но', так же, как и в английском, характерна для урду в качестве отказа: *Maaf kijiye, lekin mujhay parhna hai* 'Sorry, but I have to study' 'Простите, но мне надо поработать'. Говоря о пакистанской культуре, следует отметить следующий факт: обычно отказаться от приглашения в Пакистане очень сложно, поскольку это расстраивает и оскорбляет приглашающего, поэтому участники беседы стараются сделать свой отказ максимально вежливым и мягким.

Заключение

Таким образом, анализ языкового арсенала выражения вежливости в русском, английском, немецком и урду позволяет прийти к следующим выводам.

Вежливость является важнейшим компонентом общения во всех четырёх языках, маркируя коммуникацию сразу по нескольким социолингвистическим парадигмам. Основными способами выражения вежливости являются лексический, морфологический и синтаксический. Говорящий, соблюдая принцип вежливости, может выбрать среди множества способов представления интен-

ции обращения / просьбы / извинения / благодарности / отказа наиболее уместные в создавшейся ситуации речевого общения.

Тенденция к упрощению структур наблюдается во всех языках. Это естественный процесс, отражающий особенности человеческой натуры. Однако в английском и немецком языках всё ярче проявляется некоторое стирание смыслов, например, таких лексических единиц, как *sorry* / *Entschuldigung* и *thank you* / *Danke*, за счёт того, что они используются слишком часто в ситуациях, которые не требуют извинений и/или благодарности. Эти лексемы превратились в автоматический вежливый ответ, не сопровождающийся глубокими раздумьями, угрызениями совести или искренней благодарностью говорящего. Из этого следует, что вовлечённость в ситуацию отодвигается на

второй план, и индивид абстрагируется от происходящего, что ведёт к редуцированию эмпатии и чувства личной ответственности.

В отношении практической ценности проведённого исследования стоит отметить, что полученные результаты могут послужить полезным дополнительным материалом для преподавания ряда лингвистических дисциплин. Урду даёт необходимый контраст для иллюстрации обнаруженных различий в проявлении вежливости по сравнению с другими, более знакомыми индоевропейскими языками. Что касается пользы для практического освоения иностранных языков, то выбранные по своей распространённости речевые акты и этикетные формулы английского и немецкого языков позволяют довести овладение ими до автоматизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII Теория речевых актов: сборник научных трудов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
2. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII Теория речевых актов: сборник научных трудов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
3. Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999. 310 с.
4. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.
5. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. 1999. № 2. С. 52–61.
6. Бхатти Н. В., Горбачева О. А., Харитоновна Е. Ю. Категория вежливости в индоевропейских языках: сравнительный аспект (на материале английского, немецкого, русского и урду) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 3. С. 151–160. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160.
7. Брагина Н. Г., Иссерс О. С., Мендоза И., Ратмайр Р. Категория языковой вежливости и ее комплексное описание (к постановке проблемы) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 2. С. 217–232. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).217-232.
8. Ерзинкян Е. Категория вежливости в современной лингвистике: основные направления исследования // Оւնոր լեզուները բարձրագույն դպրոցում (Иностранные языки в высшей школе). 2020. Т. 23. № 1 (26) (2019). С. 162–172. DOI: 10.46991/FLNE/2019.23.1.162.
9. Павлова А. В., Голощапова М. В. К вопросу о стратегиях вежливости в дискурсе искусственных билингвов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 102–111. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-102-111.
10. Barsukova M. I., Rodionova T. V. The means of expressing the category of politeness in medical discourse (On the material of the doctor and patient speech communication) (Способы выражения категории вежливости в медицинском дискурсе (на материале речевого общения врача с пациентом)) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. № 4. С. 377–384. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-4-377-384.

11. Цуциева М. Г. Коммуникативно-речевая реализация категории вежливости в современном немецком политическом дискурсе // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Т. 13. С. 346–357. DOI: 10.21638/spbu33.2023.119.
12. Дубровченко Е. М. Реакции на изменение коммуникативной дистанции в англоязычном общении // *Вопросы современной лингвистики*. 2023. № 4. С. 53–62. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62.
13. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2001. 596 p.
14. Формановская Н. И. *Культура общения и речевой этикет*. М.: Изд-во ИКАР, 2002. 234 с.
15. Рисинзон С. А. *Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете*: дисс. докт. филол. наук. Саратов, 2010. 662 с.
16. Грайс Г. П. *Логика и речевое общение* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
17. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London – New York: Longman, 1983. 250 p.
18. Lakoff R. T. The Logic of Politeness: Or, minding your p's and q's // *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society* / eds. C. Corum, T. Cedric Smith-Stark, A. Weiser. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 292–305.
19. Goffman E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry Interpersonal and Biological Processes*. 1955. Vol. 18. Iss. 3. P. 213–231. DOI: 10.1080/00332747.1955.11023008.
20. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
21. Гольдин В. Е. *Этикет и речь*. М.: Просвещение, 1983. 109 с.
22. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2019. № 4. С. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
23. Карасик В. И. *Язык социального статуса*. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.
24. Бхатти Н. В., Ковш Е. В., Харитоновна Е. Ю. Коммуникативные особенности употребления вокативов в индоевропейских языках (на примере русского, английского, немецкого и урду) // *Perswazja językowa w różnych dyskursach (Речевое воздействие в разных дискурсах)*. Т. 6 / red. Ż. Śladkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2021. S. 128–139.
25. Бхатти Н. В. Местоимения второго лица в русском, английском и урду // *Значимые личности в языке и культуре: к юбилею со дня рождения Ю. М. Лотмана: сборник статей по материалам Межвузовского научно-практического семинара (Москва, 27 апреля 2017 г.)*. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 25–31.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1986). Word as action. In: *New in foreign linguistics. Issue XVII: Theory of speech acts*. Moscow: Progress publ. pp. 22–129 (in Russ.).
2. Searle, J. R. (1986). What is a speech act? In: *New in foreign linguistics. Issue XVII: Theory of speech acts*. Moscow: Progress publ. pp. 151–169 (in Russ.).
3. Krasina, E. A. (1999). *Semantics and pragmatics of Russian performative utterances* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
4. Susov, I. P. (2009). *Linguistic Pragmatics*. Vinnitsa: Nova Knyga publ. (in Russ.).
5. Kozhina, M. N. (1999). Speech genre and speech act (some aspects of the problem). In: *Speech Genres*, 2, 52–61 (in Russ.).
6. Bhatti, N. V., Gorbacheva, O. A. & Kharitonova, E. Yu. (2022). Category of politeness in Indo-European languages: comparative aspect (based on English, German, Russian, and Urdu). In: *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 28 (3), 151–160. DOI: 10.18287/2542-0445-2022-28-3-151-160 (in Russ.).
7. Bragina, N. G., Issers, O. S., Mendoza, I. & Rathmayr, R. (2021). The category of linguistic politeness and its complex description: on the problem statement. In: *Communication Studies*, 8 (2), 217–232. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).217-232 (in Russ.).

8. Yerznkanyan, Ye. (2020). The category of politeness: an overview of current (im)politeness theories. In: Օտար լեզուները բարձրագույն դպրոցում (*Foreign Languages in Higher Education*), vol. 23, no. 1 (26) (2019), 162–172. DOI: 10.46991/FLHE/2019.23.1.162 (in Russ.).
9. Pavlova, A. V. & Goloschapova, M. V. (2020). Politeness strategies in discourse of artificial bilinguals. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 102–111. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-102-111 (in Russ.).
10. Barsukova, M. I. & Rodionova, T. V. (2022). The means of expressing the category of politeness in medical discourse (On the material of the doctor and patient speech communication). In: *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 22 (4), 377–384. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-4-377-384.
11. Tsutsieva, M. G. (2023). Communicative-speech realization of the category of politeness in modern German political discourse. In: *German Philology at the St. Petersburg State University*, 13, 346–357. DOI: 10.21638/spbu33.2023.119 (in Russ.).
12. Dubrovchenko, E. M. (2023). Reactions to changes in communicative distance in English communication. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 53–62. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62 (in Russ.).
13. Hofstede, G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2001.
14. Formanovskaya, N. I. (2002). *Communication Culture and Speech Etiquette*. Moscow: IKAR publ. (in Russ.).
15. Risinzon, S. A. (2010). *General and ethnocultural in Russian and English speech etiquette* [dissertation]. Saratov (in Russ.).
16. Grice, H. P. (1985). Logic and conversation. In: *New in foreign linguistics. Issue XVI*. Moscow: Progress publ. pp. 217–237 (in Russ.).
17. Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman.
18. Lakoff, R. T. (1973). The Logic of Politness: Or, minding your p's and q's. In: Corum, C., Cedric Smith-Stark, T. & Weiser, A., eds. *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society. pp. 292–305.
19. Goffman, E. (1955). On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. In: *Psychiatry Interpersonal and Biological Processes*, 18 (3), 213–231. DOI: 10.1080/00332747.1955.11023008.
20. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, NY: Cambridge University Press.
21. Goldin, V. E. (1983). *Etiquette and speech*. Moscow: Prosveshcheniye publ. (in Russ.).
22. Karasik, V. I. (2019). Norms of behaviour in linguistic worldview. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
23. Karasik, V. I. (1991). *Language of social status*. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences publ., Volgograd Pedagogical Institute publ.
24. Bhatti, N. V., Kovsh, E. V. & Kharitonova, E. Yu. (2021). Communicative Features of the Use of Vocatives in Indo-European Languages (Based on Russian, English, German and Urdu). In: Śładkiewicz, Ż., ed. *Perswazja językowa w różnych dyskursach (Speech Impact in Different Discourses)*. Vol. 6. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego publ. pp. 128–139.
25. Bhatti, N. V. (2017). Second-person pronouns in Russian, English and Urdu. In: *Significant personalities in language and culture: on the anniversary of the birth of Yu. M. Lotman: a collection of articles based on the materials of the Interuniversity Scientific and Practical Seminar (Moscow, April 27, 2017)*. Moscow: Moscow State Regional University publ. pp. 25–31 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бхатти Наталья Викторовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0002-4887-6859; e-mail: nataliebhatti@hotmail.com

Харитоновна Елена Юрьевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой индоевропейских и восточных языков Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0001-7181-2354; e-mail: charitonova-elena@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Bhatti (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Indo-European and Oriental Languages, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0002-4887-6859; e-mail: nataliebhatti@hotmail.com

Elena Yu. Kharitonova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Indo-European and Oriental Languages, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0001-7181-2354; e-mail: charitonova-elena@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'276.6:025.4.06

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-18-27

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРЫ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО ТЕЗАУРУСА ПО СУДОСТРОЕНИЮ

Виноградова Е. В.

Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 23, Российская Федерация

e-mail: vinogradova.katrin@gmail.com

Поступила в редакцию 11.07.2023

После доработки 16.07.2023

Принята к публикации 18.07.2023

Аннотация

Цель. Описание и обоснование принципов, лежащих в основу работы по моделированию двуязычного тезауруса русскоязычной и англоязычной терминосистем судостроительной тематики.

Процедура и методы. Работа над выводением принципов создания двуязычного судостроительного тезауруса проводилась в рамках метода тезаурусного моделирования, который подразумевает логико-лингвистическое конструирование данной предметной области.

Результаты. На основе теоретической базы исследований в области лингвистического моделирования и терминоведения, сформулированы девять принципов по организации терминологии судостроения в тезаурусную модель таким образом, чтобы обеспечить возможность последующего контрастивного анализа русскоязычной и англоязычной терминосистем и выявления межъязыковой терминологической асимметрии на разных уровнях.

Практическая значимость заключается в возможности применения результатов в разработке тезауруса, отражающего англоязычную и русскоязычную терминосистемы судостроительной тематики в сопоставлении, с целью последующего выявления терминологической асимметрии.

Ключевые слова: двуязычный тезаурус, лингвистическое моделирование, судостроительная терминология

Для цитирования:

Виноградова Е. В. Принципы построения макро- и микроструктуры русско-английского тезауруса по судостроению // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 18–27. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-18-27>

Original research article

PRINCIPLES FOR MODELING THE MACRO- AND MICROSTRUCTURE OF RUSSIAN-ENGLISH THESAURUS IN SHIPBUILDING

E. Vinogradova

University of Tyumen, ulitsa Lenina 23, Tyumen 625003, Russian Federation

e-mail: vinogradova.katrin@gmail.com

Received by the editorial office 11.07.2023

Revised by the author 16.07.2023

Accepted for publication 18.07.2023

Abstract

Aim. To describe and substantiate the principles that form the basis for bilingual thesaurus modeling of the Russian and English shipbuilding terminology.

Methodology. The work aimed at construction of the bilingual shipbuilding thesaurus is carried out within the scope of thesaurus modeling method that implicates logical and linguistic modeling of the presented subject area.

Results. Basing on the theoretical foundation regarding linguistic modeling and terminological studies, nine principles were proposed to organize shipbuilding terminology into a thesaurus model so that it would be possible to implement contrastive analysis of Russian and English terminology systems and detect the inter-lingual terminological asymmetry at different levels.

Research implications. The theoretical and practical significance of the study is the possibility to implement the results in constructing the thesaurus revealing the Russian and English shipbuilding terminology systems in comparative aspect and further determining of the terminological asymmetry.

Keywords: bilingual thesaurus, linguistic modeling, shipbuilding terminology

For citation:

Vinogradova, E. V. (2024). Principles for modeling the macro- and microstructure of Russian-English thesaurus in shipbuilding. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 18–27. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-18-27>

Введение

Статья отражает промежуточные результаты работы, ведущейся в рамках диссертационного исследования Виноградовой Е. В., направленного на выявление и описание асимметрии русскоязычной и англоязычной терминосистем судостроения методом тезаурусного моделирования.

Цель данной статьи – описать и обобщить принципы построения макро- и микроструктуры двуязычного отраслевого тезауруса судостроительной тематики, сформулированные в ходе проводимого диссертационного исследования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления и систематизации терминологических несоответствий в английском и русском языках в области судостроения. Англо-русского тезауруса по судостроительной тематике на данный момент в общем доступе не имеется. Разработка принципов моделирования подобного тезауруса обуслови-

вает новизну проводимой в рамках данного исследования работы.

Исследование проводится на материале порядка 2200 терминов на русском и на английском языках, которые были отобраны из тематической справочной литературы методом сплошной выборки.

Предметом исследования является структурная организация судостроительной терминологии на английском и русском языках в рамках составления двуязычного судостроительного тезауруса. Исследование проводится методом тезаурусного моделирования, в рамках которого осуществляется лингвистическое конструирование предметной области судостроения. В частности, в статье описаны принципы построения тезауруса, сформулированные в результате изучения словарей, энциклопедий и дидактических материалов по судостроению методом анализа и синтеза, а также в результате обобщения накопленного опыта в области тезаурусного моделирования.

Терминология судостроения, как правило, рассматривалась авторами в рамках исследований более обширного пласта лексики – морской терминологии [1; 2], однако в последнее время намечается тенденция к исследованию судостроительной терминологии как самостоятельной лексической системы в отрыве от таких смежных отраслей, как судостроительство и мореплавание, морское право, что отражается в некоторых недавних исследованиях [3; 4]. Рассмотрение судостроительной лексики как самостоятельной терминосистемы представляется нам обоснованным [5, с. 148], так как область проектирования и конструирования судов хоть и связана с последующей эксплуатацией готового продукта, но всё же представляет собой самостоятельную обширную инженерную отрасль, располагающую обширной дидактической базой и производственными мощностями.

Важной составляющей любой отрасли, и судостроение не исключение, является возможность осуществлять научно-исследовательский, технологический и коммерческий обмен в профессиональном сообществе на международном уровне. А. Н. Бродунов указывает, что в условиях структурной перестройки судостроительной промышленности на мировом уровне особенно актуальными становятся «возможность импорта комплекующих» и «поиск внешних заказчиков» [6, с. 75], что подтверждает необходимость поддержания международной профессиональной коммуникации в сфере судостроения.

В каждой отрасли существует своя система специального знания, в которой «термин выступает неким средством хранения знания и одновременно средством общения специалистов» [7, с. 34]. Когда встаёт необходимость межъязыковой профессиональной коммуникации, особого внимания требует «процесс перевода термина как бесконечный выбор лингвистической формы и понятийного содержания, за которым стоит вероят-

ность переводческой ошибки» [8, с. 163]. Одной из причин ошибки при переводе терминов выступает несимметричное развитие терминосистем одной и той же отрасли в разных языковых узусах. В русско-английском коммуникативном поле судостроительной отрасли имеется нерешённая проблема терминологической асимметрии, под которой мы понимаем несоответствие терминосистем судостроения в английском и русском языках. В целях осуществления успешной межъязыковой коммуникации между судостроителями русскоговорящих и англоговорящих стран необходимо исследовать и описать данную проблему и выработать способы преодоления коммуникативных неудач и ошибок.

Ведерникова Ю. В. указывает, что для снятия трудностей в общении специалистов, вызванных неустоявшимся категориально-понятийным аппаратом терминосистемы, «эффективным является применение тезаурусного подхода, так как он позволяет четко разграничить типы семантических отношений в терминопole (ТП), выстроив их в логическую систему» [9, с. 47].

Опираясь на исследования, посвящённые разработке теоретической и практической базы такого лингвистического явления, как тезаурус [10; 11], в рамках данного исследования сформулировано следующее рабочее определение: тезаурус – это структурно организованная модель терминосистемы предметной области, в основе которой (модели) лежит иерархическая структура понятий и семантических связей между ними.

Под макроструктурой тезауруса в данном исследовании понимается структурная организация тезауруса, включая общую информацию по тезаурусу, его иерархическую структуру, принцип индексации. Под микроструктурой тезауруса понимается структурная организация данных по каждой единице (т. е. термину) в отдельности. Таким образом, микроструктура тезауруса представляет собой

принцип организации информации в словарной статье тезауруса.

Принципы конструирования англо-русского тезауруса по судостроению и их обоснование

Прежде всего, макроструктура разрабатываемого нами тезауруса строится на принципе *двуязычности*, который заключается в том, что тезаурус отражает русскоязычную терминосистему «судостроение» и англоязычную терминосистему “shipbuilding”. Данная языковая пара является наиболее актуальной для русскоязычных пользователей, на которых, по большей части, ориентирован конструируемый тезаурус (но не ограничивается ими), так как автор тезауруса является носителем русского языка. Именно английский язык признан международным и наиболее актуальным в области морской тематики [12, p. 67].

Так как одной из неотъемлемых составляющих терминологических исследований является системный подход, и «каждый термин существует лишь как член терминологической системы» [13, с. 11], то вслед за многими исследователями [14; 15] мы применяем принцип *системности* при построении тезауруса и руководствуемся замечанием Ю. Н. Караулова о том, что метод тезаурусного моделирования допускает двустороннюю системность – «когда уже не тезаурус выступает как отражение системности в лексике, а наоборот, сама системность наводится, предписывается лексике с помощью тезауруса» [10, с. 172].

Ввиду структурности понятий и наличия множества взаимосвязанных классификаций в предметной области судостроения [16, с. 73], следующим принципом целесообразно выбрать принцип *иерархичности*. Он заключается в том, что тезаурус выстраивается по семантической иерархии от прототипического ядра терминосистемы к категориям и субкатегориям следующего порядка. Иерархичность обеспечивается за счёт

ступенчатого развёртывания терминосистемы по ярусам: от первого яруса, на котором располагается прототипическое ядро «Судно» (русскоязычной терминосистемы) и “Ship” (англоязычной терминосистемы), к последующим ярусам. На втором ярусе тезауруса располагаются семантические категории исследуемых терминосистем, вслед за которыми на третьем ярусе находятся соответствующие субкатегории. Количество категорий и субкатегорий не фиксировано и не ограничено, так как понятийное дерево терминосистемы складывалось в языке стихийно и подлежит не строгой регламентации, а лишь установлению и регистрации в виде подвижной тезаурусной модели.

В тезаурусах для разграничения приоритетности между представленными терминами, как правило, используется обозначение дескриптор (также заглавный термин, заглавное слово) – «термин, который рассматривается как основной способ ссылки на понятие в рамках тезауруса» и недескрипторы (или же аскрипторы), «которые используются как вспомогательные элементы, текстовые входы, помогающие найти подходящие дескрипторы» [17, с. 24]. В терминологии Ю. Н. Караулова недескрипторы называются ключевыми словами, которые также, как и дескрипторы, номинируют важные и системообразующие понятия в тезаурусе, но которые лишены «самостоятельной “дескрипторной” статьи, поскольку относящиеся к ним слова целиком включаются в подчиняющий их дескриптор» [10, с. 150]. При этом, как правило, под терминами-аскрипторами (ключевыми словами) скрываются синонимы дескриптора. В разрабатываемом нами тезаурусе используется большой перечень семантических и ассоциативных связей, о которых будет рассказано ниже, поэтому мы вынуждены ввести собственные обозначения приоритетности терминов в тезаурусе: заглавный термин и адвентивный термин. Статус заглавного

термина получают все термины, которым отводится самостоятельная дескрипторная статья с соответствующими семантическими и ассоциативными связями. Под адвентивным термином (адвентивный от англ. «побочный», «второстепенный», «сопутствующий») мы понимаем термин, который является полноправной частью терминосистемы, связан семантически или ассоциативными отношениями с заглавным(-и) термином(-ами), однако по ряду причин не имеет отдельной словарной статьи. К адвентивным терминам можно отнести термины, семантика которых значительно пересекается с понятийным полем заглавного термина и которые, следовательно, не нуждаются в отдельной словарной статье, так как их понятийное поле исчерпывающим образом передаётся в другой заглавной статье. К адвентивным терминам относятся множественные гипонимы, особенно в случае с двухкомпонентными терминами, когда один из компонентов является заглавным термином. Например, в словарной статье к заглавному термину «остойчивость» приводятся два гипонима «остойчивость на тихой воде» / «остойчивость на волнении», которым не отводятся отдельные статьи в тезаурусе (т. е. это адвентивные термины), а также гипероним «мореходные качества», который имеет отдельную словарную статью выше по иерархии обобщения (т. е. это заглавный термин). Выделение такого рода терминов (адвентивных) в отдельную словарную статью было бы избыточным и нецелесообразным, так как их семантика раскрывается через заглавный термин, который при моделировании тезауруса располагается иерархически выше.

Из принципа иерархичности логично следует следующий принцип, лежащий в основе разрабатываемого в рамках данного исследования тезауруса, принцип *технологической консеквентности*. Данный принцип подразумевает анализ и упорядочение терминов по категориям в соответствии с этапами технологического процесса постройки судна (рис. 1). При выстраивании иерархической структуры терминосистемы учитывается, относится ли термин к этапу проектирования судна, к этапу строительства корпуса на судостроительном предприятии с последующим спуском на воду, либо к финальному этапу достройки судна.

С одной стороны, от категоризации отраслевой терминологии ожидают чёткого разграничения ввиду точности технических наук. С другой стороны, вслед за Н. Н. Болдыревым отметим неопределённость границ категорий как одного из принципиальных отличий прототипического подхода [18, с. 115]. Действительно один и тот же термин может входить сразу в несколько базисных категорий тезауруса, так как он имеет не одно узвальное значение, и даже в пределах одного узвального значения он может быть семантически связан с терминами других категорий тезауруса. В этой связи считаем релевантным использование в качестве пятого принципа *пересечение*. Ю. Д. Апресян описал принцип пресечения в контексте систематизации синонимичных рядов [19, с. 271], в то время как мы применяем данный принцип вообще на все аспекты связей, передаваемых тезаурусом, так как пересечение семантических и ассоциативных связей между терминами разных категорий и субкате-

Рис. 1 / Fig. 1. Этапы производства судна / Ship manufacturing stages

Источник: составлено автором

горий неизбежно присутствует в терминосистеме и даже служит одним из системообразующих факторов.

Разрабатываемый тезаурус является двуязычным и охватывает терминосистему «судостроение» и терминосистему “shipbuilding”, в которых имеется ряд несоответствий в семантике терминов и в структурах самих терминосистем. Это отражается в виде сложностей при переводе морских текстов, которые насыщены труднопереводимыми реалиями и терминологией специфического языкового узуса [20, с. 67]. Ввиду того, что наше исследование направлено на дальнейшее выявление терминологической асимметрии между русским и английским языками, макроструктура тезауруса основывается на принципе *параллельности*, то есть при наличии переводного эквивалента термина (частичного экви-

валента) словарная статья будет привязана и иметь ссылку на соответствующую словарную статью на втором языке, что позволит в дальнейшем выявить несоответствия в терминосистемах русского и английского языков.

Седьмой принцип *пополняемости* заключается в том, что ввиду непрерывного развития любой языковой системы, и судостроительной терминосистемы в частности, моделируемый тезаурус может расширяться. В web-версию тезауруса могут вноситься уточнения и дополнения по мере выявления новых терминов и смещения значения уже учтённых терминов.

На уровне микроструктуры тезауруса применяется принцип *лексико-семантического и ассоциативного представления отношений между терминами*. В табл. 1 представлены все возможные элементы

Таблица 1 / Table 1

Структура словарной статьи, отражающая семантические и ассоциативные взаимосвязи между терминами / Thesaurus entry structure revealing semantic and associative relations between terms

Путь
Термин – определение
а. Семантические связи
– синонимы
– антонимы
– паронимы
– омонимы
– холонимы – меронимы
– гиперонимы – гипонимы
б. Ассоциативные связи
– пространственные
– находится в/на противоположной части судна
– примыкает к
– имеет свойство / характеристику
– зависит от
– влияет на

словарной статьи, которые могут быть в её наполнении с точки зрения лексико-семантических характеристик термина. Прежде всего, в каждой статье приводится собственно заглавный термин, которому посвящена словарная статья, и дефиниция этого термина. Далее под индексом «а.» приводятся семантические связи заглавного термина: синонимы (аналогичные или схожие по значению термины), паронимы (схожие по написанию или звучанию термины с другим значением), омонимы с дефиницией (другое лексическое значение того же самого термина), холонимы и меронимы (т. е. термины, отражающие отношения «целое» – «часть»), гиперонимы и гипонимы (термины, отражающие отношения «общее – «частное»). Под индексом «б.» приводятся ассоциативные связи заглавного термина с другими терминами, которые, как правило, выражаются через глагол: пространственные (например, *находится* на противоположной части

судна, *примыкает* к другой части судна и др.), *имеет* свойство/характеристику, *зависит* от, *влияет* на. По мере наполнения тезауруса, могут быть выявлены новые связи, которые будут добавлены к структуре словарной статьи в соответствующий раздел по индексу.

Стоит отметить, что терминология, в отличие от естественного языка, имеет меньше семантических связей в виду особенностей формирования и употребления терминов. По этой причине наполняемость словарной статьи всеми упомянутыми категориями связей невозможна. Для каждого заглавного термина индивидуально выявляются виды связей (семантические и ассоциативные) и приводятся в словарной статье под соответствующим индексом. В табл. 2 приведён пример русскоязычной словарной статьи для заглавного термина «остойчивость». В словарной статье используется графический метод выделения полужирным шрифтом заглавных терминов – тех, ко-

Таблица 2 / Table 2

Пример словарной статьи для термина «остойчивость» / Example of thesaurus entry for the Russian term “остойчивость”

Ru-1.2

Остойчивость – способность судна, выведенного наклонением из положения равновесия, возвращаться в это положение после прекращения действия сил, вызвавших это наклонение.

а. Семантические связи

- *антоним* валкость
- *пароним* устойчивость на курсе
- *гипероним* **мореходные качества**
- *гипоним* поперечная **остойчивость** / продольная **остойчивость**
- *гипоним* **остойчивость** на тихой воде / **остойчивость** на волнении

б. Ассоциативные связи

- *зависит от* **крен**, **дифферент**
- *влияет на* **непотопляемость**

торым также посвящена отдельная словарная статья. На этапе создания веб-версии тезауруса термины, признанные заглавными, будут снабжены гиперссылкой, выводящей пользователя на соответствующую словарную статью.

Также в работе над тезаурусом соблюдается принцип *единообразия*, который подразумевает соблюдение принятой последовательности расположения данных в каждой словарной статье тезауруса. Каждой словарной статье по иерархии присваивается порядковый номер (в зависимости от категории, субкатегории и т. д.), который указан в начале словарной статьи (адвентивные термины не имеют номера). Также порядковые номера имеют пометку Ru либо En для обозначения языка (русского либо английского соответственно). Индексация и соблюдение единообразного порядка при перечислении связей термина позволит в дальнейшем провести сравнительный анализ словарных статей заглавных терминов, признанных тематическими словарями эквивалентными вариантами перевода. Таким образом, на последнем этапе работы можно будет выявить элементы асимметрии в логико-понятийной структуре англоязычной и русскоязычной терминосистем судостроения.

Заключение

Терминология судостроения является самостоятельным пластом лексики соответствующей промышленной отрасли.

Международная коммуникация между русскоязычным и англоязычным судостроительными профессиональными сообществами активно продолжается и требует решения проблемы терминологической асимметрии. Тезаурусный подход является оптимальным решением при моделировании терминосистемы судостроения на двух языках. В результате исследования имеющегося массива данных по предметной области «судостроение» и на основе теоретической базы в области тезаурусного моделирования и терминоведения были сформулированы девять принципов, лежащих в основе построения двуязычного отраслевого тезауруса по судостроительной тематике: принципы двуязычности, системности, иерархичности, технологической консеквентности, семантического пересечения, параллельности, пополняемости, на которые опирается макроструктура тезауруса; принцип лексико-семантического и ассоциативного представления отношений между терминами и принцип единообразия, которые лежат в основе микроструктуры тезауруса. На основе описанных принципов сконструирована модель тезауруса, которая будет наполнена содержанием (терминами и семантико-ассоциативными связями между ними) на следующем этапе исследования, с целью дальнейшего контрастивного анализа русскоязычной терминосистемы «судостроение» и англоязычной терминосистемы “shipbuilding”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камалян А. А. Современные исследования морской терминологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. Вып. 17. М.: Национальный книжный центр, 2019. С. 71–75.
2. Balagiu A., Patesan M. Homonymy within English Marine Engineering Terminology // Scientific Bulletin of Naval Academy. 2018. Vol. XXI. Iss. 1. P. 240–246. DOI: 10.21279/1454-864X-18-I1-037.
3. Акаева Х. А. Некоторые черты прикладной терминосистемы, актуализирующиеся в английской и испанской терминосистеме кораблестроения // Современное педагогическое образование. 2021. № 2. С. 143–147.
4. Беспамятная Л. В., Палий Ю. В. История становления терминологии кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5-4 (119). С. 73–76. DOI: 10.23670/IRJ.2022.119.5.117.

5. Виноградова Е. В. Терминология судостроения как объект лингвистического исследования // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 11. С. 144–151.
6. Бродунов А. Н. Зарубежный опыт судостроительного производства в современных условиях (на примере США и Великобритании) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. Т. 3. № 4 (13). С. 75–82.
7. Федюченко Л. Г. Определение понятия «термин» в рамках когнитивного терминоведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 29–36. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36.
8. Табанакова В. Д. С чего начинается перевод термина в специальном тексте? // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 4 (24). С. 163–173.
9. Ведерникова Ю. В. Тезаурусный подход к моделированию английской когнитивно-лингвистической терминологии на примере терминополья термина *blending theory* (теория блендинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-4 (54). С. 47–50.
10. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Издательство «Наука», 1981. 367 с.
11. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Издательство Московского Университета, 1977. 168 с.
12. Visan I.-R. Errors and Difficulties in Translating Maritime Terminology // Translation Studies: Theory and Practice. 2023. Vol. 3. No. 1 (5). P. 66–84. DOI: <https://doi.org/10.46991/TSTP/2023.3.1.066>.
13. Авербух К. Я. Общая теория термина. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.
14. Асмукович И. В. Моделирование двуязычного терминологического тезауруса по авиации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-2 (29). С. 26–30.
15. Серова Т. С., Шишкина Л. П. Иноязычный экологический лексикон тезаурусного типа как средство формирования категориально-понятийного аппарата будущих специалистов // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 117–132.
16. Клепиковская Н. В. Системная организация английской судостроительной терминологии // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 70–73.
17. Лукашевич Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 508 с.
18. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 480 с.
19. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
20. Борисова Е. Б. Особенности перевода текстов международных морских конвенций // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15. № 2. С. 67–73. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.8.

REFERENCES

1. Kamalyan, A. A. (2019). Modern researches in the English marine terminology. In: *Actual problems of English linguistics and linguodidactics: collection of scientific papers*. Iss. 17. Moscow: Natsionalnyy knizhnyy tsentr publ. pp. 71–75.
2. Balagiu, A. & Patesan, M. (2018). Homonymy within English Marine Engineering Terminology. In: *Scientific Bulletin of Naval Academy*, XXI (1), 240–246. DOI: 10.21279/1454-864X-18-11-037.
3. Akaeva, Kh. A. (2021). Some features of applied term system actualized in English and Spain term system of shipbuilding. In: *Modern Pedagogical Education*, 2, 143–147.
4. Bepamyatnaya, L. V. & Palij, Yu. V. (2022). History of shipbuilding terminology in English, German, Russian and Ukrainian languages. In: *International Research Journal*, 5-4 (119), 73–76. DOI: 10.23670/IRJ.2022.119.5.117.
5. Vinogradova, E. V. (2022). Shipbuilding terminology as a linguistic research object. In: *Modern Humanities Success*, 11, 144–151.

6. Brodunov, A. N. (2007). Foreign experience of shipbuilding production in modern conditions (on the example of the USA and Great Britain). In: *National Interests: Priorities and Security*, vol. 3, 4 (13), 75–82.
7. Fedyuchenko, L. G. (2019). Term definition for the purpose of cognitive terminology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 29–36. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-29-36.
8. Tabanakova, V. D. (2014). With what the term translation in the special text begins? In: *Scientific Newsletter Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research*, 4 (24), 163–173.
9. Vedernikova, Yu. V. (2015). A thesaurus approach to the modeling of the English cognitive-linguistic terminology by the example of the term field of the notion blending theory. In: *Philology. Theory & Practice*, 12-4 (54), 47–50.
10. Karaulov, Yu. N. (1981). *Linguistic construction and thesaurus of the literary language*. Moscow: Nauka publ.
11. Morkovkin, V. V. (1977). *Experience of Ideographic Description of Lexicon*. Moscow: Lomonosov Moscow State University publ.
12. Visan, I.-R. (2023). Errors and Difficulties in Translating Maritime Terminology. In: *Translation Studies: Theory and Practice*, vol. 3, 1 (5), 66–84. DOI: <https://doi.org/10.46991/TSTP/2023.3.1.066>.
13. Averbukh, K. Ya. (2006). *General theory of the term*. Moscow: Moscow region State University publ.
14. Asmukovich, I. V. (2013). Aviation bilingual terminological thesaurus compiling. In: *Philology. Theory & Practice*, 11-2 (29), 26–30.
15. Serova, T. S. & Shishkina, L. P. (2010). Foreign language ecological lexicon-thesaurus as a means of category-conceptual apparatus formation for future specialists. In: *Siberian pedagogical Journal*, 2, 117–132.
16. Klepikovskaya, N. V. (2010). System organisation of shipbuilding terminology. In: *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 4, 70–73.
17. Lukashevich, N. V. (2011). *Thesauruses in information retrieval problems*. Moscow: Lomonosov Moscow State University publ.
18. Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: YASK publ.
19. Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Vol. II. Integral description of language and system lexicography*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kultury" publ.
20. Borisova, E. B. (2021). Some features of translation the international maritime conventions texts. In: *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 15 (2), 67–73. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградова Екатерина Вадимовна (г. Санкт-Петербург) – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры английской филологии и перевода Тюменского государственного университета;

ORCID: 0000-0002-1948-0097; e-mail: vinogradova.katrin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Vinogradova (Saint-Petersburg) – External Postgraduate Student (Philology), Department of English Philology and Translation, University of Tyumen;

ORCID: 0000-0002-1948-0097; e-mail: vinogradova.katrin@gmail.com

Научная статья

УДК: 81'37

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-28-39

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АСМР-ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СЮЖЕТНЫХ ВИДЕОТЕКСТОВ)

Евграфова Ю. А.

Национальный исследовательский университет «МЭИ», 111250, г. Москва,
ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1, Российская Федерация
e-mail: yu.evgrafova@mail.ru

Поступила в редакцию 07.02.2024

После доработки 14.02.2024

Принята к публикации 15.02.2024

Аннотация

Цель. Рассмотрение феномена АСМР как ментального, дискурсивного пространства; выделение особенностей АСМР-дискурса.

Процедура и методы. Ключевым исследовательскими методами выступили описательный метод, метод контекстуального анализа, функционально-прагматический метод. Проведён анализ 40 видеотекстов с числом просмотров от 200 тысяч общей длительностью ~1440 минут (~24 часа). Выделение особенностей АСМР-дискурса проведено при помощи реализации дискурсивно-семиотического подхода.

Результаты. Доказан высокий уровень альтероцентричности АСМР-дискурса. Выделены такие его особенности, как симметризация, расслоение субъекта, авторефлексивность, эвкативность, эмпатия и иммерсивность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в развитие ряда положений дискурсивной семиотики и когнитивной лингвистики. Перспективой дальнейшего исследования является применение предложенного в настоящей статье метода для выделения манипулятивных приёмов и техник, «вызывающих мурашки» и создающих «пространство наслаждения» (термин Р. Барта). Практический материал исследования может быть также использован при обучении иностранному языку и для создания нативной рекламы.

Ключевые слова: АСМР, дискурс, дискурсивно-семиотическое пространство, видеотекст, гетерогенный текст

Для цитирования:

Евграфова Ю. А. Основные особенности АСМР-дискурса (на материале сюжетных видеотекстов) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-28-39>

Original research article

MAIN FEATURES OF ASMR-DISCOURSE (CASE STUDY OF NARRATIVE VIDEOTEXTS)

Yu. Evgrafova

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", ulitsa Krasnokazarmennaya 14 build. 1, Moscow 111250, Russian Federation
e-mail: yu.evgrafova@mail.ru

Received by the editorial office 07.02.2024

Revised by the author 14.02.2024

Accepted for publication 15.02.2024

Abstract

Aim. To study the phenomenon of ASMR as a mental, discursive space; to highlight the peculiarities of ASMR discourse.

Methodology. The descriptive method, the method of contextual analysis, and the functional-pragmatic method were the key research methods. The material of the study was 40 video texts with the number of views over 200 thousand, with a total duration of ~1440 minutes (~24 hours). The discourse-semiotic approach was used to identify the properties of ASMR-discourse.

Results. A high level of alterocentricity of ASMR-discourse was proven. Such properties as symmetrisation, subject stratification, autoreflexivity, evocativity, empathy and immersion were discovered.

Research implications. The study contributes to the development of a range of points of discourse semiotics and cognitive linguistics. The prospects for future research are the application of the method proposed in this paper to identify manipulative techniques and methods that "give tingles" and create a "space of pleasure" (R. Barthes's term). The practical material of the study can also be used in teaching a foreign language and for creating native advertising.

Keywords: ASMR, discourse, discursive-semiotic space, videotext, heterogeneous text

For citation:

Evgrafova, Yu. A. (2024). Main features of ASMR-discourse (case study of narrative videotexts). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 28–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-28-39>

Введение

За последние 13 лет в сети Интернет стали популярны видеотексты, сделанные с применением техники ASMR – autonomous sensory meridian response или АСМР, автономной сенсорной меридиональной реакции, введённой в широкое употребление в 2010 г. Дженнифер Аллен. Эта реакция возникает во время сеанса, который строится на шуршании, скрежете, постукивании, потрескивании и пр., т. е. в ответ на внешние раздражители. АСМР-сеанс может иметь ведущего, который либо шёпотом говорит что-то зрителю, сопровождая

свою речь и движения причмокиванием, либо молчит. АСМР-сеансы проводятся в спа-салонах (например, в Yuan Spa¹, Whisperlodge²), на театральной сцене (например, АСМР-спектакль «Виктор идёт в театр»³, АСМР-спектакль по

¹ См.: ASMR – Discover Your Deepest Relaxation [Электронный ресурс] // Yuan Spa : [сайт]. URL: <https://yuanspa.com/autodraft-2/> (дата обращения: 06.01.2024).

² Whisperlodge : [сайт]. URL: <https://whisperlodge.nus/> (дата обращения: 06.01.2024).

³ См.: Виктор идёт в театр. Отзывы на спектакль [Электронный ресурс] // Афиша : [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/performance/viktor-idet-v-teatr-232741/> (дата обращения: 16.01.2024).

произведению Габриэля Гарсиа Маркеса «Одиночество»¹), интегрируются в фильмы (например, в ряде сцен таких фильмов, как “Amélie”, “Edward Scissorhands”, “Watchmen”, “Split”, “Harry Potter and the Deathly Hallows”, “Harry Potter and the Chamber of Secrets”, “Inglourious Basterds”² и др.) и рекламу (например, реклама социальной сети YRUS «ASMR – побалуй глазные яблочки»³). Однако чаще всего ASMP-сеансы снимают на видео и затем выкладывают на различные онлайн-платформы, например, RuTube.

Широкую известность феномен ASMP приобрёл во время пандемии COVID-19. В тот период связь с реальностью стала «хрупкой», а людям были особенно нужны уверенность в будущем и покой, которые им могло дать опосредованное участие в ASMP-сеансах через просмотр ASMP-видеотекстов, размещённых на различных платформах. Формируемый ими ASMP-дискурс постепенно превратился в феномен, требующий философского, социального, психологического, социолингвистического, семиотического и когнитивно-дискурсивного осмысления. **Актуальность** исследования ASMP-дискурса также определяется необходимостью восполнить пробелы в изучении психоэмоционального воздействия, оказываемого на зрителя ASMP-сеансами.

Степень разработанности феномена ASMP остаётся недостаточной. За период 2016–2024 гг. было опубликовано 34 работы. ASMP исследуется с позиций

психологии и психофизиологии [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], коммуникативистики и когнитивистики [8; 9; 10; 11], рекламы [12], образования [13] и эстетики [14; 15]. До настоящего момента ASMP в дискурсивно-семиотическом аспекте учёными не рассматривалась.

Настоящее исследование ставит **целью** рассмотрение феномена ASMP как ментального, дискурсивного пространства, в котором формируется свой набор сущностей и их свойств, а также отношений между ними. **Объект** исследования составляет ASMP-дискурс, формирующийся в видеотекстах, а **предмет** исследования – его отличительные особенности.

Описание материала и методов исследования

В ASMP-дискурс входят разнообразные по содержанию тексты, среди которых можно выделить два основных типа: 1) сюжетные, в которых ведётся «диалог» с воображаемым зрителем, и 2) бессюжетные, в которых через демонстрацию определённых действий (расчёсываются волосы манекена, царапается мыло, вырезаются фигурки из дерева и мн. др.) задействуются разного рода триггеры. Сюжетный тип ASMP-видеотекстов представлен ролевой игрой (посещение парикмахера, врача, косметолога и т. п.), «болталкой» (ведущий шёпотом общается со зрителем на свободную или заданную самой аудиторией тему, например, читает сказку), sassy / girlfriend (встреча с подругой). В таких видеотекстах присутствует нарративизация коммуникации. В бессюжетных же видеотекстах нет выраженных экспозиции, кульминации и развязки – сюжет как таковой отсутствует. Демонстрируемые триггеры (шёпот, причмокивания и звуки, издаваемые от манипуляций с предметами) являются фрагментом реальности, не имеющим начала и конца. Происходит а-нарративизация коммуникации.

Для данного исследования интерес представляют сюжетные ASMP-

¹ Первый ASMR-спектакль в Омске [Электронный ресурс] // Омский государственный драматический театр «Пятый театр»: [сайт]. URL: <https://5ththeatreomsk.ru/pervyj-asmr-spektakl-v-omske/> (дата обращения: 11.01.2024).

² ASMR in Movies & TV (Part 1) // FunWithGuru: YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hO_1bXs3miA&t=149s (дата обращения: 03.12.2023).

³ Реклама YRUS "ASMR – побалуй глазные яблочки" // All Reklama: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uq7IDeqEgqc> (дата обращения: 06.01.2024).

видеотексты, поскольку в них контактируются как невербальные, так и вербальные компоненты. В качестве **материала** исследования методом сплошной выборки были отобраны видеотексты с числом просмотров от 200 тысяч. Всего было проанализировано 40 видеотекстов, общая длительность которых составила ~1440 минут (~24 часа). Источником материала послужили следующие YouTube-каналы: ASMR KittyKlaw¹ (2,14 млн подписчиков); Gentle Whispering ASMR² (2,3 млн подписчиков); ASMR MOOD³ (813 тыс. подписчиков); ASMR Detected⁴ (440 тыс. подписчиков); tanya asmr⁵ (415 тыс. подписчиков); ALENA LUBIMOVA⁶ (367 тыс. подписчиков); ASMR Cake Black⁷ (302 тыс. подписчиков); ASMRmania⁸ (274 тыс. подписчиков); Asmr Box⁹ (272 тыс. подписчиков); ASMR Darya Lozhkina¹⁰ (200 тыс. подписчиков); Starling ASMR Russian¹¹ (139 тыс. подписчиков); Yarik

ASMR¹² (101 тыс. подписчиков); ASMR Клуб¹³ (95,8 тыс. подписчиков) и др.

Исследование проводится в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и дискурсивной семиотики. В ходе исследования помимо общеизвестных филологических **методов** (интерпретация, анализ, синтез) и частных лингвистических методов (описательный метод, метод контекстуального анализа, функционально-прагматический метод) потребовалась реализация дискурсивно-семиотического подхода. Предложенный алгоритм исследования АСМР-дискурса и его особенностей включает следующие функционально-смысловые и коммуникативно-прагматические приёмы: 1. Установление ядерно-семантической основы видеотекста. 2. Определение его прагматической темы и прагматической направленности. 3. Сегментация видеотекста, выявление и интерпретация базовых структур и компонентов, служащих передаче смыслового содержания. 4. Выявление особенностей мультимодальных связей внутри текста. 5. Анализ коммуникативно-прагматического пространства видеотекста: семантико-прагматических особенностей речевого поведения адресанта (ведущего). 6. Приём коммуникативно-прагматического обобщения полученных ранее (пп. 1–4) сведений для целостного осмысления анализируемого материала и установления его семантико-прагматических особенностей. 7. Выделение основных характеристик АСМР-дискурса.

В данной статье представлены результаты исследования, полученные в ходе применения приведённого выше алгоритма.

¹ ASMR KittyKlaw // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ASMRKittyKlaw> (дата обращения: 06.01.2024).

² Gentle Whispering ASMR // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@GentleWhisperingASMR> (дата обращения: 06.01.2024).

³ ASMR MOOD // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ASMRMOOD> (дата обращения: 06.01.2024).

⁴ ASMR Detected // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ASMRDetected> (дата обращения: 06.01.2024).

⁵ tanya asmr // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@tanyaasmr1> (дата обращения: 06.01.2024).

⁶ ALENA LUBIMOVA // YouTube. URL: https://www.youtube.com/@kroxha__ (дата обращения: 06.01.2024).

⁷ ASMR Cake Black // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@CakeBlackASMR> (дата обращения: 06.01.2024).

⁸ ASMRmania // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ASMRmania> (дата обращения: 06.01.2024).

⁹ Asmr Box // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@AsmrBoxVideo> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁰ ASMR Darya Lozhkina // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ASMRDaryaLozhkinaRUSSIAN> (дата обращения: 06.01.2024).

¹¹ Starling ASMR Russian // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@starlingasmrrussian4207> (дата обращения: 06.01.2024).

¹² Yarik ASMR // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@YarikASMRPOMIRCHIY> (дата обращения: 06.01.2024).

¹³ ASMR Club // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/@ASMRClubVideo> (дата обращения: 06.01.2024).

Ментальное пространство АСМР как дискурс

Термин АСМР не имеет чётко установленного определения в современном научном сообществе. Ряд учёных трактуют АСМР с позиций психофизиологии и рассматривают его как «феномен восприятия, характеризующийся приятным ощущением покалывания в затылке, распространяющегося в виде мурашек по коже шеи и спине к конечностям» [3, с. 180], и имеющий «потенциал в области угнетения центральной нервной системы и возможности введения в гипнотический транс» [4, с. 97]. Другие учёные рассматривают феномен АСМР в контексте вызываемых им эмоций и аффектов и ставят его в ряд эмоционально-ориентированных стратегий применяемых, например, с целью эскапизма [1] или как инструмент психотерапии [2; 5].

М. В. Загидуллина полагает, что АСМР-видеотексты «представляют собой новый тип коммуникационного обмена», в котором выстраивается определённая эстетическая атмосфера [8], и связывает их с «таким коммуникационным феноменом, как гаптика (в аспекте вербализации соответствующих ощущений)» [8, с. 30]. Просмотр АСМР-сеансов, записанных в формате видео, она называет ««смотрением» “гаптических видео”» [8, с. 31], основной целью которых является получение ««мета-медиаэстетических» ощущений – ... определенных переживаний и удовольствия от транслируемых на экране действий с предметом, переведенное в статус сознательного опыта» [8, с. 32]. Возросшая популярность феномена АСМР, по мнению М. В. Загидуллиной, обусловлена дефицитом материальности и материального в контексте виртуализации культуры [9].

Для данной работы наиболее близка позиция Д. Л. Шкарина, который считает феномен АСМР «собирательным обозначением ряда психофизиологических состояний, индуцируемых комплексом

специфических воздействий: аудиовизуальных стимулов, подаваемых на пониженной громкости и адресно обращенных непосредственно к получателю» [10, с. 80]. Он рассматривает АСМР в социальном контексте как технологию воздействия на адресата на психофизиологическом и психологическом уровнях, благодаря которому адресат освобождается от «жёстких социокультурных установок, программирующих протекание эмоционального потока» и удовлетворяет потребность «живого чувства себя в современном мире функциональности» [10, с. 83, 85].

Видеотексты, выстроенные при помощи АСМР-технологии, создают такое ментальное пространство, в котором репрезентированы и одновременно узнаваемы адресатом события реальной жизни, её ценности, фреймы и сценарии. Они объединены единым замыслом эмоционального воздействия на адресата с целью его успокоения и расслабления, вокруг которого выстраивается вся их архитектура, и представляют собой смысловое единство, реализующееся мультимодально – АСМР-дискурс.

АСМР-дискурс, будучи разновидностью экранного дискурса, обладает рядом таких его признаков, как массовость, дистанция между адресантом и адресатом, избирательность и итеративность. Вместе с тем в АСМР-дискурсе конструируется ментальное пространство, возможный ментальный мир, у которого есть свой набор отличительных признаков.

Основные особенности АСМР-дискурса

Сюжетные АСМР-видеотексты, составляющие АСМР-дискурс, берут за свою основу реальную действительность, разыгрывая ту или иную бытовую ситуацию и/или разговор с воображаемым адресатом на основе сценариев, стратегий и тактик, изоморфных тем, что используются в реальной жизни. На-

пример, видеотекст «АСМР Школьный ДОКТОР – твой самый приятный Стоматологический осмотр ✂ ASMR DOCTOR – MEDICAL EXAM¹» выстраивается вокруг темы регулярного планового осмотра у школьного стоматолога и подчиняется логике этого события: сначала «доктор» здоровается и объясняет, что планируется сделать, заполняет анкету «пациента» (имя, возраст, аллергические реакции). Далее им проверяется общее состояние здоровья: проводится общий осмотр и пальпация зоны лица и шеи, задаются вопросы о перенесённых болезнях, вредных привычках и проблемах со здоровьем «пациента». Затем начинается анализ полости рта: дёсен, прикуса, слюноотделения, зубы «простукиваются» и осматриваются в зеркало. В результате проверки «доктор» советует «пациенту» провести гигиеническую чистку зубов. В конце он показывает, как правильно чистить зубы и язык, рассказывает про зубную щётку, зубную нить, ополаскиватель полости рта.

В развёртывании сюжета участвуют такие предметы, как белый медицинский халат, синие нитриловые перчатки, пародонтологический зонд (предназначен для обследования поверхности зубов), стоматологическое зеркало (оно даёт увеличенное изображение, используется для осмотра и простукивания зуба), анатомическая модель полости рта, зубная щётка, зубная нить, ополаскиватель полости рта. Все они являются предметами, обладающими, во-первых, функциональным статусом в реальной действительности – статусом «утвари», связанной с техническими операциями, относящимися к стоматологии, и, во-вторых, статусом объективации естественной потребности индивида в лечении зубов. В рассма-

триваемом видеотексте они используются по своему прямому назначению: на докторе белый медицинский халат, синие нитриловые перчатки она надевает перед тем, как приступить к осмотру, пародонтологический зонд и стоматологическое зеркало применяются для обследования состояния зубов, на анатомической модели полости рта доктор показывает, как правильно чистить зубы. Все действия комментируются: *Итак, мы, наконец переходим к осмотру полости рта; Пожалуйста, сначала сомкни свои челюсти вместе – я буду смотреть состояние твоих дёсен; Так, открываем ротик* (доктор берёт зонд и зеркало). *Сейчас я буду тебя спрашивать больно или нет; Я вижу несколько пломбочек, но они в прекрасном состоянии; У меня есть такая модель, ... в рамках профилактического осмотра давай обсудим правильную гигиену полости рта; Касательно зубной щётки. Это очень важно ...; Очень важным является также использование зубной нити. Используешь зубную нить?; Также, можно использовать ополаскиватель для полости рта ...* и т. д.

В рассматриваемом АСМР-видеотексте повторяется сценарий из реальной жизни, конструируемый фрагмент реальности выстраивается на «естественной» связи между «означаемым» и «означающим» как двумя сторонами знака – материальной и психической, а также на связи между знаком в целом (состоящим из «означаемого» и «означающего») и предметом. Например, демонстрируемый на экране «пародонтологический зонд» изоморфен реальному стоматологическому инструменту «пародонтологический зонд», и между ними нет никакой промежуточной инстанции, дополнительного значения – интерпретанты. Здесь следует отметить, что несмотря на то, что АСМР-видеотексты являются продуктом индивидуального творчества АСМРтистов, составляющие их акты высказывания не преобразуют и не обновляют значение, а воспроизводят его без перестройки и

¹ АСМР Школьный ДОКТОР – твой самый приятный Стоматологический осмотр ✂ ASMR DOCTOR – MEDICAL EXAM // ASMR Darya Lozhkina : YouTube-канал. URL: <https://youtu.be/ztdwJpnZRsw?si=JyDg-cqVCgmd9S-o> (дата обращения: 23.09.2023).

атомизации. В АСМР-дискурсе предметы исчерпываются тем, для чего они служат, благодаря чему фрагмент реальности воспроизводится в экранном пространстве симметрично реальной действительности. В случае с рассматриваемым примером – симметрично коммуникативной ситуации «регулярного планового осмотра у школьного стоматолога».

Подобная **симметризация** обеспечивает «узнавание» и полное понимание происходящего на экране. Это позволяет адресату расслабиться и погрузиться в то, что демонстрируется на экране.

Одна из проблем, которая встаёт в исследовании АСМР-дискурса, – это категория субъекта. В видеотекстах-АСМР, помимо очевидного субъекта как единицы конкретного лингвистического анализа (субъект предложения) и субъекта-отправителя, обнаруживаются и другие его слои. Например, в рассмотренном выше видеотексте адресант расслаивается на производителя речи, т. е. реального человека (АСМР-иста Дарью Ложкину), и на субъект речи, т. е. персонажа (школьного стоматолога). Каждый из них имеет свои намерения. Основной целью школьного стоматолога по ходу развития сюжета обозначается осмотр полости рта. Тогда как АСМР-ист Дарья Ложкина имеет своей целью психофизиологическое и психологическое воздействие на адресата, итогом которого явилось бы расслабление и появление мурашек.

Прагматическая интерпретация отобранных АСМР-видеотекстов позволяет говорить о **расслоении** в АСМР-дискурсе **субъекта** на единицу конкретного лингвистического анализа (субъект предложения), на субъект речи (персонажа-ведущего) и на производителя речи (реального человека), а также на внутреннее «Эго» – намерения говорящего персонажа и на намерения реального человека, создавшего видеотекст.

В некоторых АСМР-видеотекстах производитель и субъект могут быть локализованы в самой экранной «речи».

Например, в видеотексте “[ASMR] Eye Exam for Your Blurry Vision (Binaural Medical Roleplay)”¹ АСМР-истка Семеди перед началом АСМР-сеанса благодарит спонсора видео: *Thanks so much Skillshare for sponsoring this video ... (Выражаю благодарность спонсору этого видео – Skillshare ...)*. Подобным образом поступают практически все АСМР-исты, поскольку в АСМР-сообществе считается дурным тоном внедрять открытую рекламу в сам сеанс.

Ещё одной отличительной особенностью АСМР-дискурса является создаваемая в нём при помощи местоимений квазисоциальная структура. Например, в видеотексте «АСМР Ролевая игра Чистка и массаж лица | ASMR Role play Face cleaning and massage»² воссоздаётся визит к косметологу, в котором дискурс-монолог приобретает форму псевдо-диалога с воображаемым адресатом. Вот некоторые примеры реплик ведущего: *Я здесь уберу ещё волосик. Вот. Всё; Смотрите, мы начнём со снятия вашего макияжа, полностью, на всём лице: кожа, губки, глазки; мы сделаем вам, масочку; я одену пока, перчаточки; У Вас очень хорошая кожа. Вы часто ходите на процедуры чистки?; Так что я думаю, Вам понравится ...* и т. д. Местоимение «я» выражает говорящего, утверждает его в изображаемом фрагменте реальности: «я» – косметолог, который будет проводить процедуру массажа и чистки лица. «Мы» обозначает границы социального субъекта, в данном случае косметолог – клиент, незаметно встраивая в него адресата. Так выстраивается авторефлексивное самоопределение и осознание адресатом «себя в тексте». Ис-

¹ [ASMR] Eye Exam for Your Blurry Vision (Binaural Medical Roleplay) // Semide ASMR: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p6QqWm3nV5I&list=PL9S6coLEGVbd7Z1s10g96yvpDTlTb5nX-8&index=2> (дата обращения: 25.09.2023).

² ASMR Ролевая игра Чистка лица и массаж // ASMR KittyKlaw: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nQyLvxtkvJQ> (дата обращения: 09.11.2023).

пользование местоимения «Вы», а также обращения на «Вы» предполагает определённую реакцию адресата на сказанное. Такое эвокативное использование местоимения «Вы» сигнализирует адресату по ту сторону экрана, что он также является активным субъектом «живого» дискурса. **Авторефлексивность и эвокативность** АСМР-дискурса располагает адресата к расслаблению и принятию себя в той роли, которую ему отвёл АСМРтист.

В АСМР-дискурсе всё внимание адресанта сосредоточено на «другом», на воображаемом адресате, и весь псевдо-диалог ориентирован на его потребность расслабиться. Такая **альтероцентричность** позволяет адресату достичь состояния расслабления. Адресант начинает управлять когнитивным состоянием адресата, и последний, «веря» в происходящее, погружается в демонстрируемое на экране. Происходит виртуальный обмен ощущениями и языковыми значениями, соотносимыми с некоторым фрагментом опыта, т. е. **интерсубъективация**. В отобранном корпусе видеотекстов были обнаружены вербальные и невербальные маркеры интерсубъектности. К вербальным относятся дейктические местоимения; дейктические локальные и темпоральные наречия, глаголы ментального (эмоционального и интеллектуального) состояния участников общения; глаголы перцептивного восприятия; модальные глаголы; вводно-модальные слова; повелительное наклонение глагола; императив *давайте*; «эго-формы» 1 л. ед.ч. наст. вр., выражающие субъективную модальность. К невербальным маркерам интерсубъектности, обнаруженным в АСМР-дискурсе относятся: супрасегментные единицы: интонация (нисходящий тон), показатели стыка сегментных единиц (паузы при ожидании «ответа»), медленный темп речи, низкая громкость и тембр голоса; крупный план АСМРтиста; оккультаризация: внутренняя, с позиции зрителя; жесты: медленные, плавные; звуки: шуршание, журчание, постукивание.

Результатом интерсубъективации является осознанное сопереживание адресата тому, что демонстрируется на экране, т. е. **эмпатия**. Или, своего рода, эмпатическое слушание в том смысле, что адресат начинает эмоционально реагировать на воспринимаемые внешние триггеры и подстраивать под них свои психофизиологические реакции.

Отличительной особенностью АСМР-дискурса является его **иммерсивность**, т. е. иллюзия участия в происходящем. Благодаря контаминации вербальных и невербальных компонентов происходит полное погружение в происходящее. Речь ведущего поддерживается жестами и звуками, способствуя полимодальной синхронизации, просодические средства усиливают фокус внимания на произносимом для достижения эффекта погружения и «мурашек». Крупный план ведущего, расположение камеры так, как будто она – это глаза зрителя, визуально сокращают дистанцию между адресантом и адресатом, а вербальные маркеры интерсубъектности, сеть местоимений, используемых авторефлексивно и эвокативно, создают эффект непосредственной беседы. Таким образом конструируется совместное ментальное пространство, в котором достигается эмпатия и создаётся «эффект присутствия».

Выводы

Основными характеристиками АСМР-дискурса можно обозначить следующее.

1. Симметризация. При создании АСМР-видеотекста используются «образы» из реальной действительности. Они являются константой, выступают как прототип, которому симметрично уподобляются языковые и неязыковые средства в АСМР-видеотекстах, подгоняются под него как строительный материал для будущей «модели» реальности.

2. Расслоение субъекта. В общем и целом, можно говорить о расслоении в АСМР-дискурсе «локаций» субъекта: 1) в

пространственно-временном континууме экранной «речи», 2) в отношении к акту высказывания («я» – производитель высказывания, «я» – субъект высказывания) и 3) в отношении «я» – производителя высказывания к его истинным намерениям и целям высказывания.

3. Авторефлексивность и эвокативность. Сеть местоимений 1-го и 2-го лица позволяет адресату встраиваться в изображаемую социальную реальность и «принимать непосредственное участие» в АСМР-сеансе.

4. Альтероцентричность. В АСМР-видеотекстах воспроизводится альтероцентрический вид межличностного общения, отличающийся: 1) нацеленностью адресанта на потребность адресата в «мурашках», 2) осознанием запросов адресата и постоянного поиска новых триггеров с целью их удовлетворения; 3) развитием и поддержанием в адресате способности чувствовать «мурашки».

5. Эмпатия. В АСМР-дискурсе конструируется совместное ментальное пространство адресанта и адресата. Адресат начинает разделять точку зрения адресанта, верит в происходящее, откликается на триггеры и испытывает ощущение мурашек.

6. Иммерсивность. Контаминация вербальных и невербальных компонентов в видеотексте приводит к такому суггестивному воздействию на адресата, что он начинает погружаться в искусственно созданную реальность.

Заключение

Проведённое исследование позволило обнаружить следующее. АСМР-дискурс – это альтероцентрический тип дискурса, ориентированный на потребности адресата в «мурашках». В нём происходит присваивание: адресат превращён в потребителя, который «берёт» и использует предлагаемое адресантом с целью достижения расслабления.

Семантика АСМР-дискурса нетривиальна, предметные ситуации репрезентируются в нём буквально и выражаются «естественно». Первичным статусом предмета в АСМР-дискурсе является прагматический статус: его обыденное использование, первичные значения в реальной действительности, связанные с той или иной функцией в повседневной жизни. АСМР-дискурс функционализирован, и это ведёт к отсутствию в нём уникальных смыслов.

В АСМР-дискурсе адресант управляет когнитивными состояниями адресата, непрерывно «возвращает» его к изображаемой реальности. Средством вовлечения и существования в ней являются местоимения 1-го и 2-го лица. Задействованная сеть этих местоимений в видеотексте, во-первых, воспроизводит конкретную социальную перспективу повседневности, и, во-вторых, превращает адресата из пассивного зрителя в активного участника АСМР-сеанса.

АСМР-дискурс – это иммерсивная среда, средством воплощения которой являются различные стратегии использования триггеров, вербальных и невербальных компонентов. Адресантом целенаправленно создаётся единое бесшовное пространство АСМР-сеанса, внутрь которого «втягивается» адресат, который начинает верить в происходящее. Эмпатическое слушание приводит к реконструкции адресатом квазисенсорных образов без непосредственного внешнего раздражителя, т. е. к ощущению «поглаживания», «дуновения» и т. п., реальным мурашкам.

Дальнейшее изучение АСМР-дискурса с позиций семиотики, социолингвистики и психолингвистики позволит раскрыть и описать реализующиеся в нём манипулятивные приёмы и техники для «вызова мурашек» и создания «пространства наслаждения» (термин Р. Барта).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балахонская Л. В., Густокашина А. А. Потребление «комфортного контента» как стратегия совладания со стрессом у поколения Z // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (Челябинск, 22–24 ноября 2022). Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. С. 189–194.
2. Горшкова А. С. ASMR-контент как потенциальный психотерапевтический инструмент: психологический анализ // Психология в пространстве образования и личностного развития: перспективные практики научного исследования и сотрудничества: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Калуга, 09–10 декабря 2021 г.). Калуга: ФБГОУ ВПО Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2022. С. 213–219.
3. Смирнова И. И. АСМР: особенности коммуникативного взаимодействия // Вестник научных конференций. 2016. № 1-5 (5). С. 180–181. URL: <https://ukonf.com/doc/cn.2016.01.05.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
4. Трохова А. В. Когнитивная природа автономной сенсорной меридиональной реакции // NovaInfo.Ru. 2018. Т. 1. № 92. С. 97–100. URL: <https://novainfo.ru/article/15861> (дата обращения: 20.01.2024).
5. Шушакова М. В., Ашуров Г. М., Авцинов Ф. О. Влияние АСМР-триггеров (автономной сенсорной меридиональной реакции) на частоту дыхательных движений, сердечных сокращений и артериальное давление // Мечниковские чтения-2022: материалы 95-ой Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 28 апреля 2022 г.). Ч. I. СПб.: Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова, 2022. С. 264–265.
6. Poerio G. L., Blakey E., Hostler T. J., Veltri T. More than a feeling: Autonomous sensory meridian response (ASMR) is characterized by reliable changes in affect and physiology // PloS One. 2018. Vol. 13. Iss. 6. Article No.: e0196645. DOI: 10.1371/journal.pone.0196645.
7. Valtakari N. V., Hooge I. T. C., Benjamins J. S., Keizer A. An eye-tracking approach to Autonomous sensory meridian response (ASMR): The physiology and nature of tingles in relation to the pupil // PloS One. 2019. Vol. 14. Iss. 12. Article No.: e0226692. DOI: 10.1371/journal.pone.0226692.
8. Загидуллина М. В. О вербализации гаптических ощущений (на примере слайм-культуры) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 28–45. DOI: 10.17223/19986645/78/2.
9. Загидуллина М. В. Огонь в контексте медиаэстетики: ASMR-образность как новый коммуникационный тренд // Горизонты цивилизации. 2019. № 10. С. 143–155.
10. Шкарин Д. Л. Уровневый анализ ASMR-технологии и определение ее значения в современном социальном контексте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1 (33). С. 79–87. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-79-87.
11. Barratt E. L., Davis N. J. Autonomous Sensory Meridian Response (ASMR): a flow-like mental state // PeerJ. 2015. Iss. 3. Article No.: e851. DOI: 10.7717/peerj.851.
12. Ревенко А. А., Смирнова Д. С. Автономная сенсорная меридиональная реакция как новая медийная технология аудиовизуального продукта // Вестник МГЭИ (on line). 2020. № 2. С. 155–177. DOI: 10.37691/2619-0265-2020-0-2-155-177.
13. Губатенко М. Н. Теоретические аспекты использования АСМР-видео как инструмента изучения иностранного языка // Мир педагогики и психологии. 2023. № 8 (85). С. 32–36. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/teoreticheskie-aspekty-ispolzovaniya-asmr-video-kak-instrumenta-izucheniya-inostrannogo-yazyka.html> (дата обращения: 20.01.2024).
14. Чернышов А. В. ASMR-искусство // Медиамузыка. 2022. № 13. С. 1. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/13_1.html (дата обращения: 20.01.2024).
15. Gallagher R. Eliciting Euphoria Online: The Aesthetics of “ASMR” Video Culture // Film Criticism. 2016. Vol. 40. Iss. 2. URL: <https://quod.lib.umich.edu/fc/13761232.0040.202?view=text;rgn=main> (дата обращения: 20.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.3998/fc.13761232.0040.202>.

REFERENCES

1. Balakhonskaya, L. V. & Gustokashina, A. A. (2022). Generation Z comfort content consumption as stress coping strategy. In: *MEDIAEducation: digital environment under forced transformation: Conference proceedings VII International scientific practical conference (Chelyabinsk, November 22-24, 2022)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University publ. pp. 189–194 (in Russ.).
2. Gorshkova, A. S. (2022). ASMR-content as a potential instrument of psychotherapy: psychological thought. In: *Psychology in the space of education and personal development: promising practices of scientific research and cooperation: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference (Kaluga, December 9-10, 2021)*. Kaluga: Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky publ. pp. 213–219 (in Russ.).
3. Smirnova, I. I. (2016). ASMR: Features of Communicative Interaction. In: *Bulletin of Scientific Conferences*, 1-5 (5), 180–181. URL: <https://ukonf.com/doc/cn.2016.01.05.pdf> (accessed: 20.01.2024) (in Russ.).
4. Trokhova, A. V. (2018). Cognitive nature of the autonomous sensory meridional response. In: *Novainfo.Ru*, 1 (92), 97–100. URL: <https://novainfo.ru/article/15861> (accessed: 20.01.2024) (in Russ.).
5. Shushakova, M. V., Ashurov, G. M. & Avtsinov, F. O. (2022). Effect of ASMR triggers (autonomous sensory meridian response) on the frequency of respiratory movements, heart rate and blood pressure. In: *Mechnikov Readings-2022: Proceedings of the 95th All-Russian Scientific and Practical Student Conference with International Participation (St. Petersburg, April 28, 2022). Part I*. St. Petersburg: North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov publ. pp. 264–265 (in Russ.).
6. Poerio, G. L., Blakey, E., Hostler, T. J. & Veltri T. (2018). More than a feeling: Autonomous sensory meridian response (ASMR) is characterized by reliable changes in affect and physiology. In: *PloS One*, 13 (6), e0196645. DOI: 10.1371/journal.pone.0196645.
7. Valtakari, N. V., Hooge, I. T. C., Benjamins, J. S. & Keizer, A. (2019). An eye-tracking approach to Autonomous sensory meridian response (ASMR): The physiology and nature of tingles in relation to the pupil. In: *PloS One*, 14 (12), e0226692. DOI: 10.1371/journal.pone.0226692.
8. Zagidullina, M. V. (2022). On verbalization of haptic sensations (on the example of the slime culture). In: *Tomsk State University Journal of Philology*, 78, 28–45. DOI: 10.17223/19986645/78/2 (in Russ.).
9. Zagidullina, M. V. (2019). Fire and Media Aesthetics: ASMR-Patterns as a New Communication Trend. In: *Horizons of Civilization*, 10, 143–155 (in Russ.).
10. Shkarin, D. L. (2018). Level analysis of ASMR technology and ascertaining its place in the contemporary social context. In: *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 1 (33), 79–87. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-79-87 (in Russ.).
11. Barratt, E. L. & Davis, N. J. (2015). Autonomous Sensory Meridian Response (ASMR): a flow-like mental state. In: *PeerJ*, 3, e851. DOI: 10.7717/peerj.851.
12. Revenko, A. A. & Smirnova, D. S. (2020). Autonomous sensory meridional reaction as a new media technological audiovisual product. In: *Herald of Moscow Humanitarian Economic University (on line)*, 2, 155–177. DOI: 10.37691/2619-0265-2020-0-2-155-177 (in Russ.).
13. Gubatenko, M. N. (2023). Theoretical aspects of using ASMR videos as a language learning tool. In: *The World of Pedagogy and Psychology*, 8 (85), 32–36. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/teoreticheskie-aspekty-ispolzovaniya-asmr-video-kak-instrumenta-izucheniya-inostrannogo-yazyka.html> (accessed: 20.01.2024) (in Russ.).
14. Chernyshov, A. V. (2022). ASMR Art. In: *Media Music*, 13, 1. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/13_1.html (accessed: 20.01.2024) (in Russ.).
15. Gallagher, R. (2016). Eliciting Euphoria Online: The Aesthetics of "ASMR" Video Culture. In: *Film Criticism*, 40 (2). URL: <https://quod.lib.umich.edu/f/fc/13761232.0040.202?view=text;rgn=main> (accessed: 20.01.2024). DOI: <https://doi.org/10.3998/fc.13761232.0040.202>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евграфова Юлия Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «МЭИ»;

ORCID: 0000-0002-4201-5281; e-mail: yu.evgrafova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Evgrafova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Advertising, public relations and linguistics, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”;
ORCID: 0000-0002-4201-5281; e-mail: yu.evgrafova@mail.ru

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-40-52

ЭМФАТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ОЦЕНКЕ КОММУНИКАТИВНО-РЕЛЕВАНТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф. БЭКОНА «НОВАЯ АТЛАНТИДА»)

Малюгина А. В.

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 394065,

г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53, Российская Федерация

e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.01.2024

После доработки 12.02.2024

Принята к публикации 14.02.2024

Аннотация

Цель. Рассмотреть способы эмфазы посредством дискурсивных маркеров в английском художественном дискурсе XVII века. Оценить роль эмфатических дискурсивных маркеров в выражении национальной специфики, отражающей особенности национального менталитета в такой коммуникативно-релевантной черте, как сдержанность речи.

Процедура и методы. Описание специфики эмфатических дискурсивных маркеров, их частотности и вариативности в английской и русской версиях исследуемого романа осуществлено на основе методов лингвистического описания, контекстуального анализа, приёмов сравнения и количественных подсчётов. Рассмотрены особенности перевода эмфатических дискурсивных маркеров в результате сопоставительного анализа параллельных художественных текстов.

Результаты. Доказано функционирование дискурсивных маркеров как одного из элементов эмфатических средств. Рассмотрены особенности функциональной семантики эмфатических дискурсивных маркеров. Определена их генетическая связь с наречиями в большинстве случаев. Выявлены наиболее частотные модели перевода эмфатических дискурсивных маркеров. Проведена оценка уровня экспрессивности в английском и русском текстах романа по эмфатическим дискурсивным маркерам. Обоснована связь эмфатических дискурсивных маркеров с национально-культурной спецификой.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии потенциала эмфатических дискурсивных маркеров как вспомогательных регулятивных средств, используемых для усиления выразительности речи, в изучении эмоциональной маркированности смыслового содержания высказывания.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, национально-культурная специфика, перевод, художественный дискурс, экспрессивность, эмфаза, эмфатические дискурсивные маркеры

Для цитирования:

Малюгина А. В. Эмфатические дискурсивные маркеры в оценке коммуникативно-релевантных особенностей английского менталитета (на материале романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида») // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 40–52. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-40-52>

Original research article

EMPHATIC DISCOURSE MARKERS IN THE ASSESSMENT OF COMMUNICATION-RELATED PECULIARITIES OF THE ENGLISH MENTALITY (BASED ON THE MATERIAL OF F. BACON'S NOVEL "NEW ATLANTIS")

A. Malyugina

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, prospect Patriotov 53, Voronezh 394065, Russian Federation
e-mail: malyugina-anna@yandex.ru*

Received by the editorial office 24.02.2024

Revised by the author 12.02.2024

Accepted for publication 14.02.2024

Abstract

Aim. To consider the ways of expressing emphasis with discourse markers in the English fiction of the 17th century. To assess the role of emphatic discourse markers in the expression of national identity reflecting the peculiarities of the national mentality in such a communication-related feature as speech moderation.

Methodology. The paper describes the peculiarities of emphatic discourse markers, their frequency and variability in the English and Russian versions of the novel in question by means of linguistic description and context analysis, as well as by methods of comparison and quantitative calculations. The author describes the translation patterns of emphatic discourse markers applying a comparative analysis of the parallel literary texts.

Results. The author proves the functioning of discourse markers as one of the elements of emphatic means. The paper considers the features of the functional semantics of emphatic discourse markers. Their genetic relatedness to adverbs has been determined in most cases. The author reveals the most frequent translation patterns of emphatic discourse markers and assesses the level of expressiveness in the English and Russian texts of the novel in terms of emphatic discourse marker usage. The connection of emphatic discourse markers with national and cultural identity is substantiated as well.

Research implications. The research reveals the potential of emphatic discourse markers as auxiliary regulatory means used to enhance the expressiveness of speech in studying the emotional labeling of the semantic content of an utterance.

For citation:

Malyugina, A. V. (2024). Emphatic discourse markers in the assessment of communication-related peculiarities of the English mentality (based on the material of F. Bacon's novel "New Atlantis"). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 40–52. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-40-52>

Введение

В настоящее время известны различные объяснения взаимосвязи культуры и языка. Одно из них заключается в том, что язык является главным компонентом культурной самобытности нации. В языках различных народов отражаются особенности национального сознания, этнические стереотипы, культурные ценности, а также поведенческий код определённого общества [1, р. 370]. Поскольку язык отражает социальные явления, исторические события, значимые для конкретной культуры, языковые средства этнической группы имеют имплицитный культурный фон [2].

Национальная языковая картина мира как национально-культурное своеобразие мировидения формируется, прежде всего, на лексическом уровне языка. Различные языковые единицы, – устойчивые выражения, идиомы, пословицы, поговорки, анекдоты и др. – объективируют особенности национального характера [3, с. 61].

Зеркалом национальной языковой картины мира в определённой исторической эпохе является также художественная литература. Обращение исследователей к художественным текстам обусловлено стремлением выявить ключевые лингвокультурные концепты и этноспецифические характеристики [4, с. 120].

В настоящей статье рассматривается такая коммуникативно-релевантная черта английского менталитета как сдержанность речи. В качестве объекта исследования выступают эмфатические дискурсивные маркеры (далее ЭДМ).

Актуальность изучения ЭДМ связана с недостаточным научным описанием их функционирования в художественных произведениях. Отдельный интерес представляет оценка роли ЭДМ в выражении национальной специфики английского этноса на материале художественного дискурса. Актуальность работы определяется также необходимостью изучения

взаимоотношений английской и русской культур с точки зрения оценки сдержанности речи в процессе анализа параллельных художественных текстов.

Материалом исследования выступает незаконченный утопический роман Ф. Бэкона «Новая Атлантида»¹, опубликованный в 1626 году. Выбор произведения обусловлен, во-первых, тем фактом, что роман создан в XVII веке (произведения более ранних периодов уже становились предметом нашего внимания, см. [5–7]), и, во-вторых, значимостью произведения в истории английской литературы. Общее число словоупотреблений в романе составляет 16618.

Цель исследования состоит в изучении, анализе и сопоставлении способов эмфазы посредством дискурсивных маркеров (далее ДМ) в английском и русском вариантах представленного романа и, как следствие, в сравнении такой коммуникативно-релевантной черты, как сдержанность речи в русском и английском национальных характерах.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- охарактеризовать средства выражения эмфазы;
- описать сущность и принципы типологии ДМ;
- определить понятие «эмфатические дискурсивные маркеры»;
- выявить и описать контекстные примеры, содержащие эмфатические средства в рассматриваемом романе;
- выявить и описать фрагменты романа, содержащие ЭДМ;
- определить приёмы перевода коннотативных значений ЭДМ с английского на русский язык;
- сравнить уровень экспрессивности в параллельных текстах романа на английском и русском языках;
- оценить сдержанность речи как коммуникативно-релевантную черту в

¹ Bacon F. New Atlantis. Irving: CTMS Publishers, 2020. 47 р. Далее – Bacon F. New Atlantis.

русском и английском национальных характерах.

В исследовании применены методы лингвистического описания, контекстуального анализа, приёмы сравнения и количественных подсчётов, сопоставительный анализ параллельных художественных текстов.

Теоретическая база исследования

В последнее время эмоциональная маркированность смыслового содержания высказывания и интенциональности текста привлекает внимание многих лингвистов. Это объясняется тем, что среди различных языковых картин мира (предметно-сущностной, концептуальной, лексической, фразеологической, образной, звуковой, индивидуально-авторской, универсальной и др.) эмоциональная картина мира изучена наименее полно [8, с. 36–37].

Одной из форм репрезентации текстовой эмоциональности является эмфаза. В словаре лингвистических терминов «эмфаза» определяется как «выделение какого-л. элемента высказывания посредством интонации, повторения, синтаксической позиции и т. п.»¹. Различным аспектам эмфазы – понятию, роли, способам выражения, проявлению в текстах разных жанров и др. – посвящены труды М. С. Гриневой [9], И. Г. Жировой [10], В. Ш. Зинатуллина [11] и др.

Эмфаза достигается различными средствами: фонетическими, лексическими, грамматическими, морфологическими, синтаксическими, лексико-грамматическими [9; 10 с. 19; 11, с. 130; 12, с. 142]. В фокусе внимания настоящего исследования – проявление эмфазы на лексическом уровне языковой системы. Анализ отечественных и зарубежных трудов, посвящённых эмфатическим средствам, позволил осуществить их систематизацию

и описание. Итак, к лексическим эмфатическим средствам английского языка относятся:

- лексический повтор;
- эмоциональные прилагательные-интенсификаторы: *amazing, awesome, terrific, superb, fantastic* и др.
- наречия меры / степени и наречия-интенсификаторы: *absolutely, entirely, really, extremely, fully, greatly, especially, particularly, at least, only, even* и др.
- слова *so, such*;
- междометия, выражающие эмоции говорящего: *Pooh, Oh, Wow, Ouch* и др.;
- модальные / вводные слова со значением утверждения (*in fact, indeed, truly, certainly, obviously* и др.) и предположительности (*possibly, perhaps, maybe, apparently, it seems* и др.);
- вводные слова, выражающие эмоциональное отношение к чему-л. / кому-л. (*fortunately / unfortunately, to my regret, surprisingly, lamentably* и др.).

Грамматические эмфатические средства подразделяются на морфологические и синтаксические. К морфологическим эмфатическим средствам относятся:

- вспомогательный глагол *do(does)/did*, используемый для усиления;
- превосходная степень сравнения прилагательных и наречий;
- герундий в сочетании с отрицательным местоимением *no* после оборота *there is/was*.

Синтаксические эмфатические средства английского языка включают:

- восклицательные предложения с инвертированным порядком слов (*What a wonderful world we live in!*);
- вопросительные и вопросительно-отрицательные предложения со значением восклицания (*Wasn't it a great film!*);
- инвертированный порядок слов;
- риторические вопросы, эквивалентные утвердительным предложениям с усилением (*Is that a reason to give up? = Definitely, that is not a reason...*);
- усиительная конструкция *It is... that...*

¹ См.: Эмфаза // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов; 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 525.

К лексико-грамматическим эмфатическим средствам относится двойное отрицание, выраженное отрицательной частицей *not* с прилагательным или наречием, имеющим отрицательную приставку [9].

Основные свойства дискурсивных маркеров и принципы их типологии

Одним из центральных понятий настоящего исследования являются эмфатические дискурсивные маркеры. Рассмотрев сущность и способы выражения эмфазы, обратимся к анализу ДМ. В современной лингвистике под ДМ понимают вспомогательные языковые единицы, обладающие транскатегориальным характером и разной структурой, выступающие регуляторами организации речевого контакта говорящего и адресата [13, с. 158]. Одним из главных свойств ДМ является их десемантизированный характер, проявляющийся в частичной или полностью семантической опустошённости этих единиц. ДМ могут быть изъяты из текста без ущерба для содержательной составляющей, но с ущербом для когнитивно-дискурсивной ткани коммуникации [14, с. 58]. ДМ обладают добавочным значением, связанным непосредственно с функционированием дискурса [15, с. 56]. Кроме десемантизации, к основным чертам ДМ относят факультативное (необязательное) использование, отсутствие чётких категориальных границ (не образуют самостоятельного класса языковых единиц), отражение процесса взаимодействия говорящего и слушающего, выражение логических связей, эмоциональных отношений [16, с. 65; 17, с. 34]. ДМ используются в качестве определённых сигналов, маркирующих определённые смыслы [13, с. 158].

Несмотря на различие определений и подходов, лингвисты сходятся в том, что принадлежность слова к классу ДМ происходит на основании выполняемой ими функции в дискурсе. Большинство исследователей считают, что главная функ-

ция ДМ состоит в связи предложения и высказываний в дискурсе [18, с. 58]. В функциональном плане ДМ также осуществляют переключение с одной темы на другую, разделяют высказывания, заполняют паузы в речи, маркируют отношения, поддерживают процесс коммуникации, выражают мнения и эмоции и др. [19, с. 20]. ДМ помогают обозначать мыслительные процессы говорящего и отмечать оценку говорящим / слушателем высказывания.

ДМ могут использоваться для усиления выразительности речи. ДМ, употребляемые для выделения какой-л. информации, привлечения к ней особого внимания, называются эмфатическими. В нашем исследовании в качестве ЭДМ рассматриваются вводные слова со значением утверждения и предположительности, а также вводные слова, выражающие эмоциональное отношение к чему-л. / кому-л. В современной лингвистической литературе ЭДМ практически не изучены. Стоит отметить, однако, что ЭДМ присутствуют во всех языках, поскольку эмфаза относится к универсальным потребностям собеседников в дискурсе.

Результаты исследования

Эмфатические дискурсивные маркеры как элемент эмфатических средств в романе Ф. Бэкона «Новая Атлантида»

Анализ выбранного для изучения романа показал наличие в нём разнообразных эмфатических средств:

– использование вспомогательного глагола *do(does)/did*, для усиления:

a) ... *on the other side, to find that the people had languages, and were so full of humanity, **did comfort** us not a little¹.*

*Вместе с тем открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и полон человеколюбия, **немало** нас ободрило².*

¹ Bacon F. New Atlantis. P. 4.

² Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / пер. З. Е. Алексан-

b) But we **do hate** all impostures and lies ...¹

Но нам **настолько** ненавистны всякий обман и надувательство ...²

– наречий степени:

*During which time, there made forth to us a small boat, with about eight persons in it, whereof one of them had in his hand a tipstaff of a yellow cane, tipped at both ends with blue, who made aboard our ship, without any show of distrust **at all**.*

Тем временем направилась к нам небольшая лодка, вмещавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он вошел к нам на корабль, не обнаруживая ни **малейшего** недоверия⁴.

– оборота *there is* + отрицания на лексическом уровне, например, *nothing, never + than*, позволяющего передать исключительность / уникальность чего-л.:

a) For **there is nothing** among mortal men more fair and admirable, **than** the chaste minds of this people⁵.

Ибо **нет** среди смертных **ничего** более прекрасного, **чем** целомудрие этого народа⁶.

b) The street was wonderfully well kept: so that **there was never** any army had their men stand in better battle-array, **than** the people stood⁷.

На улицах всюду соблюдался образцовый порядок; **ни одна** армия **так** не держит строй, **как** стояли здесь люди ...⁸

– использование повтора для выделения, подчёркивания какой-то идеи:

*But thus you see we maintain a trade, **not for** gold, silver, or jewels; **nor for** silks; **nor for** spices; **nor** any other commodity of matter;*

дровой; под ред. Ф. А. Коган-Бернштейн; 2-е изд. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 6. Далее ссылка на русскоязычный текст романа – Бэкон Ф. Новая Атлантида.

¹ Bacon F. New Atlantis. P. 40.

² Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 32.

³ Bacon F. New Atlantis. P. 4.

⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 6.

⁵ Bacon F. New Atlantis. P. 28.

⁶ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 23.

⁷ Bacon F. New Atlantis. P. 31.

⁸ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 25.

but only for God's first creature, which was Light ..."⁹

Но, как видите, мы ведем торговлю **не ради** золота, серебра или драгоценностей; **не ради** шелков, пряностей или иных материальных ценностей; **но единственно ради того**, что создано господом раньше всех других вещей, т. е. света ...¹⁰

Анализ романа с точки зрения наличия в нём эмфатических средств показал, что наряду с рассмотренными выше приёмами эмфазы Ф. Бэкон использует ЭДМ. В результате контекстного анализа установлено, что в роли ЭДМ в романе употребляются: *above all, assuredly, chiefly; for God's love, and as we love the weal of our souls and bodies; indeed; of course; surely; truly; I say*, что составляет 0,1% от общего количества словоупотреблений. Наиболее частотными являются *above all* и *indeed*, используемые в функции ЭДМ 4 и 6 раз соответственно. Приведём ряд примеров.

But **above all**, we said, since that we were met from the several ends of the world, and hoped assuredly that we should meet one day in the kingdom of heaven ..., we desired to know ... who was the apostle of that nation¹¹.

Но **всего более**, – прибавили мы, – после столь чудесной встречи на краю земли и упоая – несмотря на то, что мы живем в разных концах света, – на грядущую встречу в царствии небесном ..., хотели бы знать ... кто был ее апостолом ...¹²

Удаление фразы *above all* из предложения приводит к потере значительной доли значимости получения информации говорящего, но не влияет на смысл. Значит, *above all* употребляется в этом примере в качестве вводного слова для подчёркивания исключительной важности ответа на заданный вопрос и передаёт нетерпение, эмоциональное возбуждение говорящего.

Высочайшую значимость умений генерирования различной энергии, а также

⁹ Bacon F. New Atlantis. P. 22.

¹⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 19.

¹¹ Bacon F. New Atlantis. P. 11.

¹² Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 11.

чувство гордости за свои достижения, передаёт выражение *above all* в примере ниже:

*But above all, we have heats, in imitation of the sun's and heavenly bodies' heats, that pass diverse inequalities ...*¹

Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям ...²

В представленном далее фрагменте романа ЭДМ *surely* усиливает восхищение страной и убеждённость говорящих в том, что на неё сошла Божья благодать.

We gave him thanks with all affection and respect, and said, "God surely is manifested in this land"³.

Мы поблагодарили его со всем усердием и почтительностью, прибавив: «Поистине, господь явил себя в этой стране»⁴.

Ещё одной иллюстрацией обращения Ф. Бэкона к ЭДМ является употребление лексемы *assuredly* в отрывке ниже.

And for the former of these, which was into Europe, the same author amongst you (as it seemeth) had some relation from the Egyptian priest whom he citeth. For assuredly such a thing there was⁵.

О первом из этих плаваний – к берегам Европы – тот же великий писатель ваш слышал от одного египетского жреца, чьи слова он и приводит; ибо оно, неосомненно, имело место⁶.

Лексема *assuredly* является ЭДМ, т. к. обладает основными характеристиками единиц этого класса – она может быть изъята из текста без ущерба для содержательной составляющей, подчёркивает убеждённость говорящего в своих словах, передаёт его глубокую веру в то, что упомянутое плавание действительно было.

Проведённое исследование позволило выявить особенности ЭДМ в английском

и русском вариантах романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида». Большая часть ЭДМ генетически связана с наречиями. ЭДМ преимущественно представляют собой отдельное слово или двухкомпонентное словосочетание. Гораздо реже в функции ЭДМ выступает совокупность большего по составу слов, как в примере ниже.

Therefore for God's love, and as we love the weal of our souls and bodies, let us so behave ourselves as we may be at peace with God, and may find grace in the eyes of this people⁷.

Поэтому заклинаю вас богом и заботою о душах и телах ваших так вести себя, чтобы быть в мире с господом и снискать расположение здешнего народа⁸.

Многокомпонентный оборот "for God's love, and as we love the weal of our souls and bodies," семантически и функционально близкий выражению "for God's sake" / «ради Бога», является коммуникативным ориентиром, акцентирующим внимание на важности определённого смыслового фрагмента, в частности на призыве к праведной жизни, дающей духовное удовлетворение и благосклонность окружающих. ЭДМ в данном случае отражает силу убеждения и настойчивости в просьбе, делая её более эмоционально заряженной.

Особенности перевода ЭДМ с английского на русский язык в романе Ф. Бэкона «Новая Атлантида»

Сравнительно-сопоставительный анализ оригинала романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида» и его русскоязычной версии выявил следующие варианты перевода ЭДМ.

ЭДМ → ЭДМ

В 35% при переводе ЭДМ на русский язык используются их функциональные аналоги (тоже ЭДМ).

В представленном ниже фрагменте романа и в английском, и в русском текстах

¹ Bacon F. New Atlantis. P. 37.

² Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 30.

³ Bacon F. New Atlantis. P. 8.

⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 8.

⁵ Bacon F. New Atlantis. P. 17.

⁶ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 14.

⁷ Bacon F. New Atlantis. P. 9.

⁸ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 9.

подчёркивание того факта, что жизнь отшельников характеризуется долголетием, достигается за счёт употребления лексем *indeed* / действительно в роли ЭДМ:

*We use them also sometimes (which may seem strange) for curing of some diseases, and for prolongation of life in some hermits that choose to live there, well accommodated of all things necessary, and **indeed** live very long; by whom also we learn many things ...*¹

Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашались поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут, **действительно**, очень долго; так что мы многому от них научились².

ЭДМ *indeed* также выполняет оценочную роль в характеристике долголетия отшельников говорящим, отражая проявление оценочных функций его эмоционально-чувственной сферы.

В процессе анализа перевода ЭДМ на русский язык выделены следующие лексические единицы, функционирующие в качестве ЭДМ: *действительно*, *несомненно*, *повторяю*, *поистине*, *прежде всего*.

ЭДМ → НАРЕЧИЕ МЕРЫ И СТЕПЕНИ

Примерно в каждом 3-м случае английскому ЭДМ в русском тексте соответствует наречие меры и степени.

*And after an hour and a half's sailing, we entered into a good haven, being the port of a fair city: not great, **indeed**, but well built, and that gave a pleasant view from the sea*³.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную бухту, служившую гаванью красивому городу, не **слишком** большому, но отлично построенному и с моря выглядешему весьма живописно⁴.

ЭДМ → МАРКЕР ОПУЩЕН

*To this he said: "You have reason for to commend that excellent institution of the Feast of the Family. And **indeed** we have ex-*

*perience, that those families that are partakers of the blessings of that feast ..."*⁵

На это он сказал: «Ты недаром хвалишь превосходное установление, называемое Праздником семьи. Мы по опыту знаем, что семьи, справившие этот благословенный праздник ...»⁶

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭМФАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА → ЭДМ

*...we were come into a land of angels, which **did appear** to us daily and present us with comforts, which we thought not of, much less expected*⁷.

Поистине, – говорили мы друг другу, – мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши желания щедротами, каких мы не только не могли ожидать, но даже и представить себе⁸.

ОТСУТСТВИЕ ЭДМ → ЭДМ

*It is the virgin of the world*⁹.

Это **поистине** девственница мира¹⁰.

Представленные иллюстрации романа свидетельствуют о том, что эмфатические модели в английском и русском языках часто не совпадают. Выбор того или иного эмфатического средства при переводе ЭДМ, по-видимому, связан с авторскими преференциями переводчика и особенностями национального языкового сознания. Специфические требования национального языка закладывают основу для организации художественного текста в целом и употребления ЭДМ в частности.

При оценке уровня экспрессивности параллельных текстов романа на английском и русском языках определяющим фактором является количественное соотношение случаев употребления ЭДМ. Анализ текстов показал, что в оригинале романа на английском языке ЭДМ ис-

⁵ Bacon F. New Atlantis. P. 28.

⁶ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 23.

⁷ Bacon F. New Atlantis. P. 11.

⁸ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 10.

⁹ Bacon F. New Atlantis. P. 28.

¹⁰ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 23.

¹ Bacon F. New Atlantis. P. 33.

² Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 26.

³ Bacon F. New Atlantis. P. 4.

⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 5.

пользуются чаще, чем в русской версии. Приведём несколько примеров, подтверждающих это суждение.

*And **surely** you will easily believe that we that have so many things truly natural which induce admiration ...*¹

Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление ...²

В примере выше слово “surely” выступает как вводное в значении «конечно, разумеется», повышая «эмоциональный градус» высказывания, однако подчёркивание категоричности утверждения, которое оно передаёт, в русском тексте осуществляется не с помощью ДМ, а составным именным сказуемым «должно быть очевидно».

Во фрагменте ниже английский ЭДМ “indeed” использован для подтверждения ошеломлённого состояния героев, их крайнего удивления от услышанного, в русской же версии ЭДМ опущен, и, как следствие, эмфатическое коннотативное значение отсутствует.

*And when he had said this, he was silent; and so were we all. For **indeed** we were all astonished to hear so strange things so probably told*³.

Сказав это, он умолк, и мы также некоторое время хранили молчание; ибо были изумлены правдивой повестью о вещах столь необычайных⁴.

В следующем примере вводная конструкция *I say*, акцентирующая внимание на важности для говорящего обретения света в любом уголке земли, при переводе на русский язык опущена.

*But thus you see we maintain a trade ... only for God's first creature, which was Light: to have light, **I say**, of the growth of all parts of the world*⁵.

Но, как видите, мы ведем торговлю ... ради того, что создано господом раньше

*всех других вещей, т. е. света – чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил*⁶.

Поскольку ЭДМ относятся к средствам интенсификации значения, они экспрессивно окрашивают текст. Чем больше ЭДМ, тем выше эмоциональная окраска текста. Следовательно, английская версия романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида» по этому критерию обладает более ярко выраженной экспрессивностью. Стоит отметить, однако, что оригинал романа написан в начале XVII века, а используемая версия перевода на русский язык – в середине XX века, т. е. параллельные тексты разделяет более 300 лет. Снижение экспрессивности может быть связано с особенностями диахронического перевода и выбором переводчика.

Крайне важно понимать, что ЭДМ являются только одним из способов эмфазы. В процессе перевода переводчик может прибегнуть к различным эмфатическим средствам для создания эмоциональной напряжённости. Так, в русском варианте романа лексическими единицами, не являющимися ЭДМ, но создающими эмоциональное выделение какого-либо элемента дискурса, являются: *важнее всего, всего более, именно, особенно, непременно*, усилительные частицы *-то и даже*, выделительно-ограничительная частица *только*.

Для комплексной оценки уровня экспрессивности параллельных текстов романа необходимо провести их сравнительный анализ по каждому из эмфатических инструментов: ЭДМ, лексическому повтору; наличию эмоциональных прилагательных-интенсификаторов, инверсии и др.

Использование данных об уровне экспрессивности параллельных художественных текстов в диахроническом ракурсе позволит оценить такую коммуникативно-релевантную черту в русском и английском национальных характерах,

¹ Bacon F. New Atlantis. P. 40.

² Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 32.

³ Bacon F. New Atlantis. P. 22.

⁴ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 19.

⁵ Bacon F. New Atlantis. P. 22.

⁶ Бэкон Ф. Новая Атлантида. С. 19.

как сдержанность речи. Исследование ЭДМ – один из этапов решения этой задачи.

Заключение

Итак, мы рассмотрели особенности функционирования ЭДМ в английском художественном дискурсе XVII века на материале романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида». Отмечено, что в английском тексте этого произведения ЭДМ встречаются чаще, чем в русском. В оригинале романа ЭДМ составляют 0,1% от общего количества словоупотреблений, а в русской версии – 0,07%. Можно заключить, что в обоих параллельных текстах ЭДМ встречаются довольно редко. Английские ЭДМ не только более частотные, но и более разнообразные. В роли ЭДМ в английском тексте романа употребляются *above all, assuredly, chiefly; for God's love, and as we love the weal of our souls and bodies; indeed; of course; surely; truly; I say*. В русском тексте в качестве ЭДМ функционируют *действительно, несомненно, повторяю, поистине, прежде всего*. Большинство специфических для художественного дискурса ЭДМ в обоих языках составляют одно- и двухкомпонентные лексические единицы, генетически связанные с наречиями. Анализ особенностей перевода ЭДМ показал, что наиболее частотной является модель ЭДМ → ЭДМ (35%), при которой эмфатическому дискурсивному маркеру в одном языке соответствует его семантический и функциональный аналог (ЭДМ) в другом языке, а также модель ЭДМ → наречие меры и степени (35%). Таким образом, можно сделать вывод, что эмфатические модели в англий-

ском и русском языках, как правило, не совпадают и, как следствие, могут вызывать трудности для понимания текста и при его переводе. Выбор определённого эмфатического средства при переводе ЭДМ зависит от авторских предпочтений переводчика, его умения видеть и понимать эмоциональную окраску высказывания, а также от особенностей национального языкового сознания. Обращение к ЭДМ как к средствам интенсификации значения, экспрессивно окрашивающим текст, связано с национально-культурной спецификой, отражающей особенности национального менталитета в такой коммуникативно-релевантной черте, как сдержанность речи.

Оценивая уровень экспрессивности в английском и русском текстах романа, можно сделать вывод, что ввиду количественного преобладания ЭДМ в оригинальной версии она характеризуется более выраженной экспрессивностью, которая, однако, также может быть связана с особенностями диахронического перевода и авторскими предпочтениями переводчика. Следует учитывать, что ЭДМ являются только одним из элементов эмфатических средств, поэтому для достоверной оценки уровня экспрессивности параллельных текстов необходим комплексный анализ каждого из них.

Таким образом, ЭДМ выступают одновременно и структурными организаторами текста, и репрезентантами авторской интенции, и отражением национально-культурной специфики, причём особенности их употребления и функционирования определяются ситуацией общения и стилем речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ilova E., Salkhenova A., Galichkina E. National Mentality: Does It Influence a Language Grammar? // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Vol. 7. No. 3. P. 369–375. DOI: 10.7596/taksad.v7i3.1656.
2. Kuznetsova A. V., Kulikova E. G., Laskova M. V. Phenomenon of a Bilingual Literary Text: National in Individual // Global Media Journal. 2016. No. S 3. P. 15.
3. Козлова Л. Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19–2). С. 53–64.

4. Чакалова Э. П., Фармазян З. А. Море как концептуальная доминанта в культурной идентичности греков // Вестник Марийского государственного университета. 2023. Т. 17. № 1 (49). С. 120–127. DOI: 10.30914/2072-6783-2023-17-1-120-127.
5. Шилихина К. М., Малюгина А. В. Дискурсивные эмфатические маркеры и особенности их функционирования в средневековом английском художественном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 64–75. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/1/64-75.
6. Малюгина А. В. Эмфатические дискурсивные маркеры в романе-эпопее Томаса Мэлори «Смерть Артура» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 75–83. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/2/75-83.
7. Малюгина А. В. Эмфатические дискурсивные маркеры в английской литературе эпохи Возрождения (на материале книги Т. Мора «Утопия») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 57–65. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/4/57-65.
8. Шаховский В. И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-11035.
9. Гринева М. С., Кондрашова И. А., Шилова Е. А., Ломпетов В. С. Эмфатические языковые средства в инаугурационных речах Д. Трампа и Дж. Байдена // Дневник науки (электронный научный журнал). 2021. № 8 (56). URL: <http://www.dnevniknauki.ru/index.php/nomer8-2021/filologicheskie-nauki> (дата обращения: 18.11.2023).
10. Жирова И. Г. Лингвистическая категория «эмфатичность» в антропоцентрическом аспекте: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2007. 40 с.
11. Зинатуллин В. Ш., Чибисова Е. Ю. Эмфаза в англоязычной научной литературе: способы выражения и принципы перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 129–133.
12. Эбзеева Ю. Н., Ленько Г. Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 142–151.
13. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 157–163. DOI: 10.17223/18137083/55/17.
14. Ковалева Т. Дискурсивные маркеры англоязычной профессионально ориентированной диалогической речи // Thesaurus: збірник наукових прац. Вип. IX: Мова і комунікація. Магілёў: Установа адукацыі «Магілёўскі інстытут Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь, 2021. С. 56–65.
15. Викторова Е. Ю. Дискурсивы, специфические для устной научной речи (на материале лекций) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 55–65.
16. Вишневская Г. М., Загороднова О. А. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 65–69.
17. Литвишко О. М. Дискурсивные маркеры в государственных политико-правовых документах (на материале ежегодного послания президента Федеральному Собранию РФ и ежегодного послания президента США Конгрессу) // Филология и человек. 2019. № 1. С. 30–46. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-03.
18. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 53–59.
19. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2019. 24 с.

REFERENCES

1. Ilova, E., Salkhenova, A. & Galichkina, E. (2018). National Mentality: Does It Influence a Language Grammar? In: *Journal of History Culture and Art Research*, 7 (3), 369–375. DOI: 10.7596/taksad.v7i3.1656.

2. Kuznetsova, A. V., Kulikova, E. G. & Laskova, M. V. (2016). Phenomenon of a Bilingual Literary Text: National in Individual. In: *Global Media Journal*, S 3, 15.
3. Kozlova, L. Ya. (2016). The formation of the English language picture of the world. In: *Teaching Methodology in Higher Education*, 5 (19–2), 53–64 (in Russ.).
4. Chakalova, E. P. & Faramazyan, Z. A. (2023). The Sea as a conceptual dominant in Greek cultural identity. In: *Vestnik of the Mari State University*, vol. 17, 1 (49), 120–127. DOI: 10.30914/2072-6783-2023-17-1-120-127 (in Russ.).
5. Shilikhina, K. M. & Malyugina, A. V. (2023). Emphatic discourse markers in medieval English literature. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 64–75. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/1/64-75 (in Russ.).
6. Malyugina, A. V. (2023). Emphatic discourse markers in Thomas Malory's epic "Le morte d'Arthur". In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2, 75–83. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/2/75-83 (in Russ.).
7. Malyugina, A. V. (2023). Emphatic discourse markers in English renaissance literature (on the material of the book by Thomas More's "Utopia". In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 4, 57–65. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/4/57-65 (in Russ.).
8. Shakhovsky, V. I. (2019). Emotional worldview of the in verbal presentation. In: *World of the Russian Word*, 1, 35–43. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-11035 (in Russ.).
9. Grineva, M. S., Kondrashova, I. A., Shilova, E. A. & Lompetov, V. S. (2021). Emphatic linguistic means in inaugural speeches of D. Trump and J. Biden. In: *Science Diary (electronic scientific journal)*, 8 (56). URL: <http://www.dnevnikaui.ru/index.php/nomer8-2021/filologicheskie-nauki> (accessed: 18.11.2023) (in Russ.).
10. Zhironova, I. G. (2007). *The linguistic category of "emphaticity" in the anthropocentric aspect* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
11. Zinatullin, V. Sh. & Chibisova, E. Yu. (2009). Emphasis in English scientific literature: ways of expression and principles of translation. In: *Philology. Theory & Practice*, 2 (4), 129–133 (in Russ.).
12. Ebzeeva, Y. N. & Lenko, G. N. (2016). Lexical expressive means of emotivity (based on modern French, English and German fiction). In: *Russian Language Studies*, 1, 142–151 (in Russ.).
13. Kogut, S. V. (2016). Discourse markers in written scientific discourse. In: *Siberian Journal of Philology*, 2, 157–163. DOI: 10.17223/18137083/55/17 (in Russ.).
14. Kovaleva, T. (2021). Discursive markers of English professionally oriented dialogical speech. In: *Thesaurus: зборник наукових прац. Вип. IX: Мова і комунікація* [Thesaurus: collection of scientific works. Issue IX: Language and communication]. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus publ. pp. 56–65 (in Russ.).
15. Viktorova, E. Yu. (2015). Discourse markers specific for spoken academic speech (based on texts of lectures). In: *University proceedings. Volga Region. Humanities*, 4 (36), 55–65 (in Russ.).
16. Vishnevskaya, G. M. & Zagorodnova, O. A. (2015). Metalinguistic features of discourse markers in different speech styles. In: *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2, 65–69 (in Russ.).
17. Litvishko, O. M. (2019). Discourse Markers in State Political and Legal Documents (Based on the Annual Address of the President to the Federal Assembly of the RF and State of the Union Address of the USA President). In: *Philology & Human*, 1, 30–46. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-03 (in Russ.).
18. Murashkovskaya, E. M. (2014.) Approaches to discourse markers analysis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 53–59 (in Russ.).
19. Ivanov, V. D. (2019). *Functions of discursive particles in the German language* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малюгина Анна Владимировна (г. Воронеж) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Воронежского института Министерства внутренних дел Российской Федерации;

ORCID: 0009-0001-6320-3265; e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Malyugina (Voronezh) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian and Foreign Languages, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
ORCID: 0009-0001-6320-3265; e-mail: malyugina-anna@yandex.ru

Научная статья

УДК: 81'33

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-53-66

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ НА ПРИМЕРЕ «ЗЕЛЁНОЙ» ПОВЕСТКИ

Нестерова О. Б.

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, г. Москва, пр-т

Вернадского, д. 76, Российская Федерация

e-mail: o.b.nesterova@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 24.01.2024

После доработки 28.02.2024

Принята к публикации 29.03.2024

Аннотация

Цель данной работы заключается в изучении методов воздействия на общественное сознание, используемых качественными англоязычными СМИ для формирования определённых установок и отношений к вопросам экологии и изменения климата.

Процедура и методы. В работе использовались как общенаучные методы исследования, так и лингвистические методы, в том числе методы когнитивной лингвистики: концептуальный и контекстуальный анализ, проводился анализ метафор, отобранных методом сплошной выборки.

Результаты. В ходе работы были выделены такие методы влияния на общественное мнение, как убеждение, внушение, запугивание, в том числе путём создания ярких и понятных образов при помощи метафор, а также конструирования определённым образом концепта CLIMATE CHANGE как составляющей коллективной картины мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в исследование медиадискурса, методов влияния на общественное мнение, когнитивной метафоры, концептуального анализа.

Ключевые слова: внушение, концепт, концептуальная метафора, методы речевого воздействия, убеждение, CLIMATE CHANGE

Для цитирования:

Нестерова О. Б. Формирование общественного мнения в англоязычных СМИ на примере «зелёной» повестки // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 53–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-53-66>

Original research article

SWAYING PUBLIC OPINION BY ENGLISH-LANGUAGE MEDIA. CASE STUDY OF THE “GREEN” AGENDA

O. Nesterova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, prospect Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation
e-mail: o.b.nesterova@inno.mgimo.ru*

Received by the editorial office 24.01.2024

Revised by the author 28.02.2024

Accepted for publication 29.03.2024

Abstract

Aim. To study the manipulative techniques used by British and American quality media to form certain attitudes towards ecological and climate issues.

Methodology. Both general scientific methods and those of linguistics were used in the course of the research including cognitive linguistics methods such as conceptual and contextual analysis and the analysis of the cognitive metaphor selected with continuous sampling method.

Results. In course of the research such manipulative techniques as persuasion, suggestion and intimidation were singled out and described. Such manipulative techniques as the cognitive metaphor and the creation and adjustment of the concept CLIMATE CHANGE as a constituent of the shared worldview were analysed.

Research implications. The research contributes to the study of the discourse of the media as well as manipulation through language, the cognitive metaphor and conceptual analysis.

Keywords: climate change, conceptual metaphor, concept, manipulation through language, suggestion, persuasion.

For citation:

Nesterova, O. B. (2024). Swaying public opinion by English-language media. Case study of the “green” agenda. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 53–66. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-53-66>

Введение

Со второй половины XX века человечество начинает активно осознавать тот факт, что своей деятельностью оно наносит непоправимый ущерб окружающей среде и, вероятно, ставит под угрозу возможность своего собственного выживания, в результате чего экологическая проблематика находит отклик не только в кругах учёных, но и экономистов, политологов и широкой общественности. Развитие человеческой мысли приходит к формированию такого понятия как «экологические ценности», среди которых, в первую очередь, значатся отказ от традиционных источников энергии и пере-

ход на альтернативные, а также бережное природопользование, сокращение потребления даров природы и другие¹.

Одной из тем, формирующих глобальную повестку последних лет, является осуществление перехода к углеродной нейтральности, производимого за счёт замещения ископаемых видов топлива возобновляемыми источниками энергии. Так называемый «зелёный» переход, или энергопереход, призван минимизировать

¹ См.: Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change [Электронный ресурс] // United Nations Framework Convention on Climate Change : [сайт]. URL: <https://unfccc.int/documents/2409> (дата обращения: 20.03.2024).

антропогенное воздействие на изменение климата на планете, что, несомненно, служит интересам глобального человеческого сообщества. Данная тенденция в развитии экономик большинства стран мира была закреплена в многочисленных документах, описывающих принципы и правила энергоперехода, основными из которых являются Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой (1989 г.), Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН, 1992 г.), Киотский протокол (1997 г.), Парижское соглашение (2015 г.), регулирующие меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г., и некоторые другие международные соглашения.

Проблемы, связанные с изменением климата, затрагивают все страны мира и требуют координированных действий со стороны государств, международных организаций, бизнеса и частных лиц по сокращению влияния антропогенного фактора на климат на планете. Энергетический переход требует от всех участников экономики переосмысления подхода к ведению мирового хозяйства, что сопряжено с существенным количеством затрат и ложится на плечи государств, бизнеса и частных лиц. Для обеспечения согласованности действий глобального сообщества необходимо проводить постоянную работу над формированием общественного мнения в нужном русле. Углеродная эмиссия рассматривается как серьёзный вызов большинством стран и регионов мира¹, из чего можно сделать вывод о том, что работа над общественным сознанием была проведена успешно.

Цели и задачи исследования

Целью данной статьи является описание методов воздействия официальных

англоязычных средств массовой информации на общественное сознание для формирования общественного мнения на примере «зелёной» повестки.

Материалом для нашего исследования послужили статьи из британского журнала “The Economist” преимущественно за 2023 год, а также американских газет “The New York Times” и “The Washington Post” (выборка за лето 2023 года), предлагающих официальный нарратив, то есть идущих в ногу с государственной идеологией и продвигающих провозглашаемые государством ценностные ориентиры. Широкоформатная пресса, анализируемая нами, делает упор на образованного читателя, предлагая разбор событий, в отличие от таблоидов, для которых характерны яркость и сенсационность, склонность к упрощённой форме написания и разговорной стилистике, а также контент, собранный из слухов, историй о жизни знаменитостей и криминальной хроники. Таблоиды традиционно более склонны к оппозиционному нарративу, чем широкоформатная пресса.

СМИ являются тем самым инструментом, способным повлиять на общественность, представителей бизнеса и правительства государств через воздействие на сознание массового адресата, так как современный человек получает сведения о внешнем мире через средства массовой информации. Таким образом, он воспринимает не столько саму действительность, сколько её отражение в СМИ, в связи с чем роль средств массовой информации в процессе формирования мнений и отношений сложно переоценить. В подтверждение этому отечественный исследователь СМИ Т. Г. Добросклонская утверждает, что «в условиях информационного общества механизм создания картины мира почти целиком зависит от средств массовой информации» [1, с. 157]. Размышляя о влиянии СМИ на современное общество, французский социолог А. Моль писал: «они фактически контролируют всю нашу культуру, про-

¹ Ефимова Е. Г., Мальцев А. А., Чупина Д. А. «Зелёная» повестка в современной практике стран и регионов: в поисках единого подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 39. № 1. С. 57. DOI: 10.21638/spbu05.2023.103.

пуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [2, с. 98].

Одной из базовых человеческих потребностей является потребность в безопасности. В пирамиде Маслоу данная потребность занимает вторую ступень, находясь сразу же над уровнем физиологических потребностей¹. То, насколько важно для человека ощущать себя в безопасности, осознаётся представителями СМИ, лоббистами и PR-специалистами. «Нет такой человеческой потребности, которую люди бы не научились использовать в целях управления человеком», – пишет В. П. Шейнов в своей работе по психологии манипулирования². Продвигая «зелёную» повестку, представители англоязычных СМИ создают сенсационность вокруг этого вопроса, преувеличивая его значимость и вызывая панику среди общественности с целью изменения общественного сознания и пересмотра отношения к вопросам экологии, климата и энергоресурсов планеты. На первый взгляд, может показаться, что такие действия идут лишь во благо человечества, но в реальности мы можем наблюдать, как в некоторых западных странах движение «зелёных» радикализуется и приобретает нелицеприятные экстремистские формы. То, что за данным движением могут стоять чьи-то экономические интересы, как и то, что существуют альтернативные мнения касательно методов и целесообразности осуществления энергоперехода, остаётся в тени.

Задачей данного исследования является анализ методов управления обще-

ственным мнением, применяемых качественными англоязычными СМИ при освещении вопросов климата и экологии, в том числе метода конструирования концептов в коллективном сознании на примере концепта CLIMATE CHANGE.

Формирование общественного мнения и методы речевого воздействия

Анализируя содержание качественной американской и британской прессы, мы наблюдаем, что в каждом выпуске газеты или журнала содержится одна, две или даже три статьи, прямо или косвенно затрагивающие проблему изменения климата и его последствий. Данное наблюдение основано на исследовании выпусков британского журнала *The Economist* с ноября 2022 по ноябрь 2023 г., а также рандомной выборки ежедневных американских газет *The Washington Post* и *The New York Times* за лето 2023 г. Этот факт подтверждает актуальность «зелёной» повестки на современном этапе развития культуры, а также готовность СМИ постоянно «подогревать» к ней интерес публики.

Формирование общественного мнения является продуктом целенаправленного информационного воздействия, осуществляемого через вербальные и невербальные каналы. Оказание речевого воздействия является одной из ключевых функций медиатекстов. О. Н. Завьялова даёт следующее определение речевому манипулированию: «вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент»³. Таким образом, мы понимаем, что речевая манипуляция в СМИ – это искусное

¹ Борисов Е. Ф. Экономическая теория. М.: Юрайт Издат, 2005. С. 12.

² Шейнов В. П. Скрытое управление человеком. Психология манипулирования. М.: АСТ, 2001. С. 6.

³ Завьялова О. Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под. ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 566.

использование средств языка для воздействия на когнитивную, а в результате и на поведенческую деятельность целевой массовой аудитории.

Анализ исследуемого материала показал, что речевое воздействие в текстах качественной англоязычной прессы осуществляется главным образом методами внушения и убеждения.

Убеждение как метод воздействия на сознание личности основывается на обращении к её собственному критическому суждению¹. Для реализации успешного убеждения важными являются логичность, научная аргументация, а также авторитетность источников информации. При убеждении происходит воздействие и на рациональную, и на эмоциональную сферу.

А. Л. Гапоненко среди факторов, влияющих на успешность убеждающего сообщения, выделяет обоснованность, эмоциональность, степень расхождения с позиций адресата, радикальность предложений, апелляцию к контраргументам и последовательность². Подкреплённость информации фактами, документами или статистикой повышают успешность убеждения, но нельзя забывать и о воздействии на эмоции тем или иным способом. Например, включение в сообщение информации о катастрофических последствиях непринятия того или иного решения может склонить адресата к принятию позиции автора статьи. Исследованный нами материал изобилует примерами воздействия на эмоциональную сферу при помощи запугивания.

В статье "Goodbye 1,5° C" («Прощайте, 1,5° C»), вышедшей в журнале The Econo-

mist от 5 ноября 2022 г., можно увидеть примеры того, как реализуется стратегия запугивания. Мы предлагаем остановиться на двух отрывках из данной публикации.

1. *"Climate related disasters are proliferating, from Pakistan, much of which was inundated by this summer's unusually intense monsoons, to Florida, which in September endured its deadliest hurricane since 1935. Even less lethal distortions of the weather, such as this summer's extraordinary heat-wave in Europe, do enormous economic damage, impeding transport, wrecking infrastructure and sapping productivity"*³. «Количество катастроф, связанных с изменением климата, растёт: от Пакистана, перенёсшего этим летом наводнения из-за нетипично интенсивных муссонов, до Флориды, пострадавшей в сентябре от наиболее смертоносного урагана с 1935 года. Даже не столь летальные отклонения от нормальной погоды, такие как период нетипичной жары в Европе этим летом, причиняют огромный экономический ущерб, вызывая перебои в работе транспорта, разрушая инфраструктуру и снижая производительность⁴». В данном примере автор реализует стратегию запугивания аудитории, подбирая лексику с резко отрицательной коннотацией, воздействующей на эмоциональную сферу: disaster (катастрофа), to impede (мешать, препятствовать), to wreck (разрушать), to sap (высасывать (соки, силы), economic damage (экономический ущерб), lethal (смертельный), deadly (смертельный, смертоносный), distortions (искажения), а также используя лексемы со значением «небывалый» и «нетипичный» (unusually, extraordinary), «огромный» и «интенсивный» (enormous, intense) и «разрастаться, появляться в большом количестве» (proliferate). Таким образом, автор рисует мрачную картину будущего в условиях глобального потепления, в котором че-

¹ Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект пресс, 2012. С. 68.

² Гапоненко А. Л. От чего зависит эффективность убеждения: ответы на четыре главных вопроса [Электронный ресурс] // Элитариум: [сайт]. URL: <https://www.elitarium.ru/ehffektivnost-ubezhdayushchego-vozdeystviya-soobshchenie-ubezhdenie-argument-tochka-zreniya-avtoritet-auditoriya-sobesednik-kommunikaciya/?ysclid=lkutb5uy8b841355027> (дата обращения: 12.01.2024).

³ Goodbye 1,5° C // The Economist. November 5th-11th. 2022. P. 13.

⁴ Здесь и далее перевода автора статьи – О. Н.

ловечеству придётся столкнуться с большим количеством доселе невиданных, масштабных, смертельных угроз.

2. *“If the rich world allows global warming to ravage already fragile countries, it will inevitably end up paying a price in food shortages and proliferating refugees”*¹. «Если богатые страны позволят глобальному потеплению и дальше разорять и без того хрупкие страны, им непременно придётся заплатить свою цену в виде нехватки продовольствия и увеличения числа беженцев». В данном примере продолжает реализовываться стратегия запугивания при помощи лексики с отрицательной коннотацией: *ravage* (опустошать, разорять), *pay a price* (заплатить свою цену, ответить за содеянное), а также таких лексем, как *proliferate* (разрастаться, множиться) и *inevitably* (неизбежно). Автор статьи подчёркивает неотвратимость и масштабность грядущих проблем. Помимо воздействия при помощи эмоционально окрашенной лексики автор апеллирует к такому страху современных европейцев, как увеличение притока беженцев. Проблема беженцев является острой для западных стран, население которых всё чаще проявляет недовольство из-за ситуации с мигрантами. Журналист использует данные настроения для достижения своих манипулятивных целей.

Внушение характеризуется усвоением информации при отсутствии её критического осмысления. При внушении большую роль играют стереотипы и эмоциональное воздействие, а также степень доверия субъекту внушения [3, с. 77]. Сам факт публикации статьи в одном из анализируемых нами источников увеличивает доверие к ней, так как британский еженедельный журнал *The Economist* и ежедневные американские газеты *The Washington Post* и *The New York Times* относятся к официальной прессе и охватывают миллионы читателей по всему миру.

Для придания весомости аргументации и усиления убеждающего потенциала сообщения авторы используют приём цитирования авторитетных мнений: климатологов, экологов и т. д., ссылаются на научно-исследовательские институты, что, несомненно, влияет на восприятие информации потребителями СМИ. В данном отношении интересна концепция полифонии «голосов», описанная в статье Ю. А. Горностаевой. Основываясь на предложенной М. М. Бахтиным теории множественности голосов (версий реальности), Ю. А. Горностаева исследует явление полифонии «голосов» в поляризованном политическом дискурсе и приходит к выводу о том, что «голоса» в политическом дискурсе являются средством реализации манипулятивного воздействия [4, с. 27–28]. «Цитируя «голоса», СМИ стремятся нарисовать альтернативную, удобную для них и нередко отличающуюся от действительности реальность» [там же, с. 27].

Приведём несколько примеров того, как осуществляется отсылка на авторитетные мнения и реализуется явление многоголосия в текстах статей, анализируемых нами: *“said Matt Joyner, chief executive of Florida Citrus Mutual, an advocacy organization for citrus growers”, “said Miriam Jackson, a cryosphere researcher at the International Center for Integrated Mountain Development”, “said Marco Tedesco, a professor of marine geology at Columbia University”, “according to a report by scientists from Britain’s Committee on Climate Change and China’s Expert Panel on Climate Change”, “a report published by an Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) in 2018”* и т. д. Таким образом, мы видим, что управление общественным сознанием осуществляется при помощи цитирования мнений («голосов») исследователей научных центров, профессоров университетов, руководителей правозащитных организаций, экспертных комиссий и т. д. «Голоса» при всей своей кажущейся множественности, тем не менее, отображены таким образом, чтобы подкреплять

¹ Goodbye 1,5° C // *The Economist*. November 5th-12th. 2022. P. 13.

позицию автора статьи или всего издания, альтернативные «голоса» в статьях не представлены, что создаёт ощущение отсутствия иной точки зрения или иного отношения к вопросу изменения климата и необходимости энергоперехода.

Немаловажным фактором успешного воздействия методом аргументации является опора на статистические данные или результаты научных наблюдений и исследований, что также весьма часто можно наблюдать в анализируемых нами статьях. Например, *“According to a sobering report released in April by China’s Ministry of Natural Resources, the country’s coastal sea levels have been rising by an average of 4 mm per year since 1993, compared with a global average rise of 3.4 mm”*¹ («Согласно отрезвляющему докладу, выпущенному Министерством природных ресурсов КНР в апреле, уровень моря у берегов Китая поднимался в среднем на 4 мм в год с 1993 года, по сравнению со среднемировым показателем в 3.4 мм»); *“In 2022 sea levels on China’s coasts rose 10 mm”*² (В 2022 году уровень моря у берегов Китая вырос на 10 мм») и др.

Тем не менее одним из распространённых приёмов, даже в вышеупомянутых качественных СМИ, является приём умолчания источника информации. В такой ситуации автор формально ссылается на кого-то, но делает это в крайне размытых формулировках, либо использует форму пассивного залога, позволяющую представить информацию как общепринятую точку зрения, поддерживаемую научным сообществом, при этом точной атрибуции мнения или оценки не приводится. Например: *“a robust and growing body of research points to an unsettling reality”* (мощный и всёувеличивающийся объём научных исследований указывает на вызывающую беспокойство реаль-

ность), *“scientists/experts say”* (учёные/эксперты утверждают), *“scientists have been unequivocal that ...”* (учёные недвусмысленно заявляют, что ...), *“a sprawling federal report released late last year found that ...”* (массивный федеральный доклад, вышедший в конце прошлого года, содержит информацию о том, что ...), *“the National Climate Assessment authors, who represent a broad range of federal agencies, wrote in the draft report ...”* (авторы федеральной правительственной инициативы по оценке состояния климата, которые представляют широкий спектр федеральных агенств, написали в предварительном отчёте о ...), *“younger voters and Democrats for whom climate change is a top concern”* (молодые избиратели и демократы, у которых изменение климата вызывает серьёзную озабоченность), *“new research from scientists in Nepal confirms ...”* (результаты новых научных исследований непальских учёных подтверждают ...), *“the finding adds to a growing body of evidence that ...”* (результаты исследования вносят вклад в растущий объём доказательств того, что ...), *“the research was funded in part by the governments of several countries in the region”* (исследование частично финансировалось правительствами нескольких государств в регионе). В приведённых выше примерах мы имеем отсылки к «правительствам некоторых стран», экспертам, учёным, которые что-то утверждают, к растущему объёму научных исследований, который что-то показывает, но не видим точных имён, ссылок на документы, исследования и конкретные научные институты, конкретных цифр. Таким образом, при условии отсутствия критического настроя при восприятии информации адресатом можно завуалировать её полную огульность, неподтверждённую и голословность, а также придать весомость своей аргументации. Приём подмены конкретных данных расплывчатыми формулировками не всегда имеет эффект, но существенная часть аудитории попадает на такой подлог.

¹ China’s new Great Wall [Электронный ресурс] // The Economist : [сайт]. URL: <https://www.economist.com/china/2023/06/05/chinas-new-great-wall> (дата обращения: 12.01.2024).

² Там же.

Анализ концепта CLIMATE CHANGE

Для данного исследования мы провели анализ концепта CLIMATE CHANGE, целью которого было описание данного концепта в том виде, в котором он конструируется современными СМИ. Задачей исследования концепта было выявить средства его объективации и сгруппировать их по признакам. Объектом исследования стали тексты десяти статей качественной британской и американской прессы, посвящённые вопросам климата и глобального потепления, предметом исследования стал концепт CLIMATE CHANGE и средства его актуализации в тексте.

В ходе нашего исследования мы отмечали все случаи выражения в языке концепта CLIMATE CHANGE и лексические единицы, овнешняющие его.

В нашем исследовании мы опираемся на определение концепта, данное Е. В. Кубряковой в «Кратком словаре когнитивных терминов», и понимаем его как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»¹. Концепт является единицей мышления, результатом осмысления внешнего мира человеком. Концепт формируется под воздействием внешних факторов и всецело зависит от того, в какой информационной среде формировалось сознание индивидуума. Процесс познания, когниция, и процесс концептуализации действительности культурно детерминированы, «т.е. представления об определенном фрагменте опыта и его дальнейшая конфигурация в языке мотивированы географической, культурной и социальной средой обитания» [5, с. 690]. СМИ являются частью социальной и культурной среды и имеют возможность ее формировать и трансформировать.

¹ См.: Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 90.

Концепту свойственны подвижность и способность меняться со временем, постоянно приобретая новые признаки в процессе взаимодействия человека с внешним миром. Отсюда следует сделать вывод о том, что СМИ оказывают влияние и на то, какие концепты приобретают значимость на определённом этапе развития общества, а какие уходят на второй план, и на признаки, которыми «обрастают» концепты в массовом сознании, так как зависимость современного человека от СМИ велика.

Ниже мы приведём те признаки концепта CLIMATE CHANGE, которые нам удалось выявить в ходе концептуального анализа (рис. 1), а также средства их выражения в тексте.

Как показано на схеме, в качестве признаков концепта CLIMATE CHANGE мы выделили следующие: угроза (THREAT), катастрофа (CATASTROPHE), природная катастрофа (NATURAL DISASTER), экономический ущерб (ECONOMIC DAMAGE), вытекающий из экономического ущерба голод (HUNGER), смерть (DEATH), изменение естественной среды обитания (CHANGING HABITATS), уязвимость человека перед (HUMAN VULNERABILITY), высокая интенсивность (HIGH INTENSITY), быстрая скорость (FAST PACE), большое количество (GREAT AMOUNT), непредсказуемость (UNPREDICTABILITY), срочность (URGENCY), необратимость (IRREVERSIBLE), ранее неизвестный феномен (UNPRECEDENTED). Подобное наполнение концепта способствует, на наш взгляд, созданию ощущения паники и необходимости срочно что-то предпринимать.

Каждый из концептуальных признаков имеет свои лексические средства выражения в тексте:

– CATASTROPHE (концептуальный признак «катастрофа»): catastrophe, calamity, disaster, hazard, destruction, risk, shocks to the system.

– THREAT (концептуальный признак «угроза»): threat, risk.

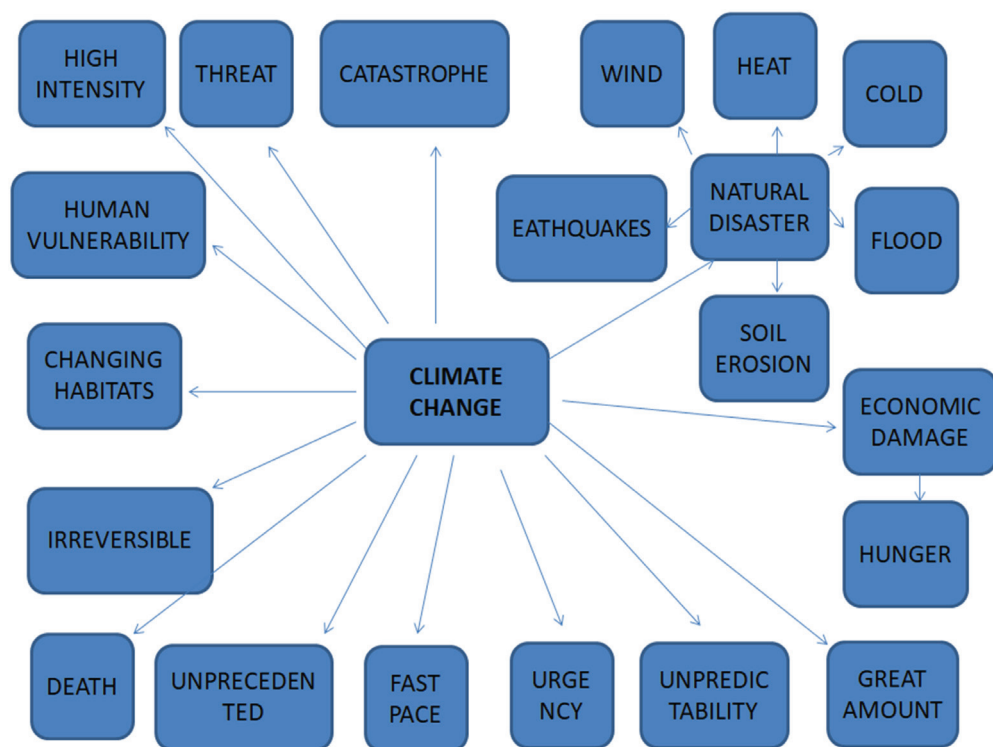

Рис. 1 / Fig. 1. Концептуальные признаки концепта CLIMATE CHANGE / Conceptual features of the concept CLIMATE CHANGE

Источник: составлено автором

– NATURAL DISASTER (концептуальный признак «природная катастрофа»):

HEAT («жара»): global warming, (dangerously) hot planet, cooked world, droughts, record heat, heat waves, an ice free Arctic, glaciers melt/shrink/shrivel/are lost, disappearing ice and snow, wildfires, climbing winter averages;

COLD («холод»): coldsnap, freeze (v.), crispy nights;

FLOOD/WATER («наводнение/вода»): floods, unusually intense monsoons, hurricanes, torrential rains/rainstorms, heavy rains, the meltwater will increase, flash flooding; severe storms, rising sea levels, living below the high-tide line, annual coastal floods, typhoons, the sea expands/rises;

WIND («ветер»): tornadoes, winds;

SOIL EROSION («разрушение почвы»): landslides, eroding mountain slopes and hillsides;

EARTHQUAKES («землетрясение»): earthquakes, quakes.

– DEATH (концептуальный признак «смерть»): sign yet more death warrants, it's a death sentence, decimate, lethal distortions of weather, claim lives, human toll, for some species it's already too late, plants, animals and other life forms found only in the region (the Himalaii) could be wiped out.

– URGENCY (концептуальный признак «срочность»): a matter of life and death.

– FAST PACE (концептуальный признак «быстрая скорость»): rapid changes, the consequences of climate change are speeding up, things are happening quickly, things are just happening so fast.

– HIGH INTENSITY (концептуальный признак «высокая интенсивность»): ravage, wipe away, decimate, inundate, proliferate, tear through, unleash, ferocious, to hit, sweep across.

– UNPRECEDENTED (концептуальный признак «ранее не известный»): record (adj.), record-shattering, unusual spell of bad weather, smallest in a century, record-setting heat, extreme weather, extra hot.

– GREAT AMOUNT (концептуальный признак «большое количество»): enormous damage, disasters are proliferating, millions of people (affected), frequent, overwhelming, inundate, in every region of a nation, cascading disasters, a barrage of (chaotic weather), dozens of (typhoons) a year, annual.

– ECONOMIC DAMAGE (концептуальный признак «экономический ущерб»): impeding transport, to wreck/overwhelm infrastructure, to sap productivity, proliferating refugees, to upend/wipe away livelihoods, costly impact, economic toll, pay a price, fields destroyed, homes leveled and debris scattered on roads, food shortages, dismal harvests, small crops, smallest harvest in a century, depressed harvests, rains rotted fruit trees, Slim pickings (of the harvest), a devastating harvest.

– HUNGER (концептуальный признак «голод»): hunger, starve, famine.

– IRREVERSIBLE (концептуальный признак «необратимый»): irreversible, irreparable.

– CHANGING HABITATS (концептуальный признак «изменение естественной среды обитания»): destabilizing the landscape, squeezing wildlife into a smaller and more precarious habitats.

– UNPREDICTABILITY (концептуальный признак «непредсказуемость»): more erratic rainfall patterns, chaotic weather, crazy (weather) patterns; every year as a gamble, with odds getting a tad worse each play.

– HUMAN VULNERABILITY (концептуальный признак «уязвимость человека»): acutely vulnerable, fragile, affected, exposed.

При анализе признаков концепта CLIMATE CHANGE, в первую очередь, обращает на себя внимание то, что современные англоязычные СМИ создают картину катастрофы, несущей в себе огромные риски для всего человечества. В результате потепления климата мы имеем дело с природными катаклизмами: ураганами, наводнениями, торнадо, экстраординарными дождями, оползнями, рекордно низкими и, напротив, рекордно высокими температурами, непредсказуемыми погодными паттернами и т. д. Данные катаклизмы неминуемо влекут за собой смерть, голод, разрушения, огромные потери для экономик всех стран, потерю естественной среды обитания для разных живых существ. Эти процессы характеризуются масштабностью, неожиданностью и непредсказуемостью, экстраординарностью, необратимостью и крайне быстрыми темпами, требующими принятия незамедлительных мер. Среди лексем, объективирующих концепт CLIMATE CHANGE, мы находим преимущественно слова с ярко выраженной негативной коннотацией, вызывающие образы смерти и разрушения: ferocious (яростный), ravage (бушевать), wipe away (стирать с лица земли), decimate (уничтожать), wreck (крушить), overwhelm (ошеломлять, переполнять), death (смерть) и многие другие. Таким образом, концепт CLIMATE CHANGE наделяется исключительно крайне негативными признаками. СМИ создают сенсационность экологической повестки и ощущение паники, что также является методом манипуляции массовым сознанием.

Концептуальная метафора как метод воздействия на массовое сознание

Авторы текстов СМИ часто используют метафору, чтобы усилить воздействие на сознание аудитории. Многие учёные отмечали, что само мышление человека метафористично (М. Осборн, Дж. Джейнсон, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.). Ещё М. Осборн, исследуя политический дис-

курс, писал о неизменном присутствии в речи политиков архетипичных метафор, т. е. всем понятных, базовых образов, таких как свет и темнота, жара и холод, болезнь и здоровье, природные циклы и другие [6, р. 126]. Подобные образы, по мнению автора, с одной стороны, служат основой для понимания людьми друг друга, а с другой – способствуют успешности убеждения и воздействия. Дж. Джейнс описывал то, как человеческое сознание познаёт абстрактные, сложные объекты внешней действительности при помощи базовых, конкретных понятий и их свойств¹. При таком способе познания признаки понятных и привычных феноменов, процессов или объектов действительности (сфер-источников) переносятся на более сложные и менее понятные феномены, области или объекты действительности (сферы-мишени). Таким образом, когнитивная лингвистика отмечает роль метафоры как способа познания, категоризации, концептуализации, оценки и познания мира [7, с. 20].

Исследование отечественных учёных Е. М. Семеновой и Н. И. Налетовой показало, что архетипичная метафора способствует формированию разного рода оценочного отношения к политической реальности [8, с. 111]. М. Я. Блох и Е. С. Молчанова в статье, посвящённой исследованию метафор и сравнений, отмечают такое свойство метафор, как способность стимулировать эмоции при помощи языка художественной образности [9, с. 7]. Таким образом, метафора может служить мощным средством воздействия на человеческое сознание благодаря таким своим свойствам, как простота и понятность базового образа, на котором строится метафора, и способности воздействовать на эмоциональную сферу. Авторы статей качественных англоязычных СМИ знают о свойствах человеческого мышления и часто прибегают к

метафоре для усиления воздействующего потенциала текста.

За примером обратимся к статье из журнала *The Economist* под заголовком “The Peach State Has No Peach Crop This Year” («В этом году в «персиковом» штате не созрели персики»), в которой автор пишет о неурожае в штате Джорджия из-за нехарактерных для данного климата весенних заморозков: “the farmers see every year as a gamble, with odds getting a tad worse each play”² («фермеры каждый год как будто играют в азартную игру, и шансы на выигрыш в каждом следующем раунде становятся всё меньше»). Здесь при помощи метафорического переноса автор сравнивает труд фермера с азартной игрой, в которой с каждым новым раундом (с каждым следующим годом) шансы на успех (на получение ожидаемого урожая) снижаются. Сферой-источником когнитивной метафоры здесь служит азартная игра, а сферой-мишенью – труд фермера по выращиванию урожая, который всё чаще становится напрасным из-за «капризов» природы. Таким образом, при помощи понятного для большинства читателей образа описаны риски, на которые ежегодно идут фермеры в условиях изменения климата и сопряжённой с ним полной непредсказуемости урожая.

Приведём другой пример: “But it’s a death sentence for some people, ways of life, ecosystems, even countries. To let the moment pass without some hard thinking about how to set the world on a better trajectory would be to sign yet more death warrants”³ («Это смертный приговор для некоторых людей, стилей жизни, экосистем и даже стран. Упустить момент и не задуматься о том, как направить мир по правильному пути, значит вынести ещё большее число смертных приговоров»). В данной статье автор призывает мировое сообщество к незамедлительным действиям по пере-

¹ Jaynes J. *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bimodal Mind*. Boston: Houghton Mifflin, 1976. P. 50-51.

² Slim Pickings, *The Peach State Has No Peach Crop This Year* // *The Economist*. June 10th – 16th, 2023. P. 33.

³ Goodbye 1.5°C // *The Economist*. November 5th-12th, 2022. P. 13.

ходу к зелёной энергетике, приравнивая в приведённом примере пассивную, наблюдательную позицию по вопросу изменения климата к вынесению смертного приговора как отдельным лицам, так и определённому образу жизни, а также целым экосистемам и странам. Сферой-источником данной когнитивной метафоры является вынесение смертного приговора преступнику, а сферой-мишенью – обречение на гибель невинных людей, целых экосистем и некоторых стран из-за последствий изменения климата. Таким образом, автор статьи пользуется присутствием человеку страхом перед смертью, манипулирует базовой человеческой потребностью в безопасности, распространяя в обществе панические настроения, а также ощущение срочности и безальтернативности принятия мер. Паника не способствует критическому осмыслению и анализу ситуации, в условиях паники легче управлять общественным мнением, менять установки и склонять адресата в выгодную манипулятору сторону.

В статьях, посвящённых вопросам климата, можно найти множество примеров использования когнитивной метафоры, что свидетельствует об эффективности данного приёма воздействия на общественное сознание.

Выводы

На основании проведённого анализа можно сделать вывод о том, что на современном этапе историко-культурного развития общества так называемая «зелёная» повестка играет немаловажную роль. Этому во многом способствуют СМИ, популяризируя, распространяя и насаждая экологические ценности. Вопросы, связанные с изменением климата, неизменно являются темой как минимум одной статьи в каждом выпуске газеты или журнала за исследованный нами период. Так поддерживается актуальность климатической повестки, а экологические ценности занимают всё более прочное положение в общей ценностной системе. Воздействие

на сознание массовой аудитории осуществляется сочетанием традиционно психологических и лингвистических приёмов и методов. Мы увидели, как работают лингвистические методы на разных уровнях языка: лексико-семантическом (выбор слов с резко негативной коннотацией, использование эмоционально окрашенной лексики для формирования желаемого отношения к определённому феномену), грамматико-синтаксическом (использование конструкций с пассивным залогом для снятия атрибуции высказывания), риторико-стилистическом (использование выразительных возможностей языка не для эстетического украшения текста, а для усиления убеждающего воздействия за счёт их выразительности). Психологические методы воздействия, такие как манипуляция страхом, создание сенсационности, убеждение при помощи ссылки на авторитетные источники, также приводят к изменению отношения массовой аудитории к климатической повестке. Всё это способствует постепенному внедрению в общественное сознание новых ценностей. Ценности определяют социальное поведение, что даёт возможность СМИ изменять и направлять поведение общества в нужном русле. Энергопереход требует существенных финансовых вложений, немалых трансформаций в экономике и способах производства, причём эти затраты ложатся в конечном итоге на плечи рядовых граждан, так как стоимость конечного продукта, производимого в условиях «зелёной» энергетики, выше, чем в условиях использования углеводородов. Лишь согласившись с неизбежностью и безальтернативностью энергоперехода, граждане будут готовы безропотно платить больше, не задаваясь вопросом о том, являются ли предпринимаемые правительством меры действительно адекватными. Существует немало противников идеи энергоперехода, у которых имеются свои аргументы, но их голоса в современных англоязычных СМИ практически не слышны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
2. Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр.; изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.
3. Пядышева Т. Г. Методы влияния на общественное мнение // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 77–85.
4. Горностаева Ю. А. Полифония «голосов» как средство реализации манипуляции в поляризованном политическом дискурсе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 26–33. DOI: 10.37482/2227-6564-V003.
5. Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703.
6. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. Iss. 2. P. 115–126. DOI: 10.1080/00335636709382823.
7. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19–35.
8. Семенова Е. М., Налётова Н. И. Политическая ценность архетипической метафоры (на примере анализа современного американского дискурса) // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 111–119. DOI: 10.26170/pl20-02-12.
9. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialinguistics: a systematic approach to studying the language of the media*. Moscow: Flinta publ., Nauka publ. (in Russ.).
2. Moles A. (2008). *Sociodynamique de la culture* (Russ. ed.: Mol, A. *Sotsiodinamika kultury*. Moscow: LKI publ. (in Russ.)).
3. Pyadysheva, T. G. (2017). Methods of influence on public opinion. In: *Tambov University Review. Series: Social Sciences*, vol. 3, 4 (12), 77–85 (in Russ.).
4. Gornostaeva, Yu. A. (2020). The Polyphony of Voices as a Means of Manipulation in a Polarized Political Discourse. In: *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, 2, 26–33. DOI: 10.37482/2227-6564-V003 (in Russ.).
5. Boldyrev, N. N. & Fedyaeva, E. V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(3), 686–703. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703.
6. Osborn, M. (1967). Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. In: *Quarterly Journal of Speech*, 53 (2), 115–126. DOI: 10.1080/00335636709382823.
7. Budaev, E. V. (2007). Development of cognitive theory of metaphor. In: *Linguoculturology*, 1, 19–35 (in Russ.).
8. Semenova, E. M. & Naletova, N. I. (2020). Political Value of Archetypal Metaphor (in the Context of Modern US Media Discourse Analysis). In: *Political Linguistics*, 2 (80), 111–119. DOI: 10.26170/pl20-02-12 (in Russ.).
9. Blokh, M. Ya. & Molchanova, E. S. (2021). Metaphors and similes in the genres of internet-discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестерова Олеся Борисовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
ORCID: 0000-0001-5159-0651; e-mail: o.b.nesterova@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya B. Nesterova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, English Department No. 3, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-5159-0651; e-mail: o.b.nesterova@inno.mgimo.ru

Научная статья

УДК 81-2

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-67-80

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА КХМЕРСКОГО ЯЗЫКА В XXI ВЕКЕ: ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Оборская С. А.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация
e-mail: oborskayasofi@mail.ru

Поступила в редакцию 04.10.2023

После доработки 11.10.2023

Принята к публикации 16.10.2023

Аннотация

Цель. Классифицировать заимствования кхмерского языка по семантическим полям и тематическим группам и выявить наиболее «восприимчивые» для заимствований области лексики.

Процедура и методы. Основной методикой исследования является анализ корпуса статей кхмероязычной газеты «Пномпень Пост» (ежедневные издания с мая по август 2023 г.), выявление иноязычных заимствований методом сплошной выборки и их дальнейшая тематическая классификация.

Результаты. Проведённый анализ 11 семантических полей (СП) показал, что наибольшее количество номинаций содержат СП «общественно-политическая и военная лексика», «химия» и «информационные технологии». Установлены причины появления новых заимствований в кхмерском языке.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в качестве учебных материалов в лекционных курсах по лексикологии кхмерского языка.

Ключевые слова: заимствование, категориальный дифференциальный признак, контекст, семантическое поле, тематическая группа

Для цитирования:

Оборская С. А. Заимствованная лексика кхмерского языка в XXI веке: тематический аспект // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 67–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-67-80>

Original research article

LOANWORDS OF THE KHMER LANGUAGE IN THE XXI CENTURY: THEMATIC ASPECT

S. Oborskaia

Vladimir State University, ulitsa Gorkogo 87, Vladimir 600000, Russian Federation
e-mail: oborskayasofi@mail.ru

Received by the editorial office 04.10.2023

Revised by the author 11.10.2023

Accepted for publication 16.10.2023

Abstract

Aim. To classify loanwords of the Khmer language into semantic fields and thematic groups, identify the areas of vocabulary most susceptible to borrowing and determine the main directions of borrowing.

Methodology. The main research methodology is corpus analysis of the articles of the Khmer-language newspaper "Phnom Penh Post" (daily publications from May to August 2023), identification of foreign language borrowings using the continuous sampling method and their further thematic classification.

Results. The analysis showed that the largest number of nominations from the 11 semantic fields contain the semantic fields "social-political and military vocabulary", "chemistry" and "information technology". The reasons for the emergence of new loanwords in the Khmer language have been revealed.

Research implications. The significance of the study is the possibility of using the results obtained as educational materials on the history of the Khmer language, as well as in lecture courses on lexicology of the Khmer language.

Keywords: categorical differential feature, context, loanwords, semantic field, thematic group

For citation:

Oborskaia, S. A. (2024). Loanwords of the Khmer language in the XXI century: thematic aspect. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp.67–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-67-80>

Введение

Кхмерский язык – государственный язык Камбоджи, один из представителей мон-кхмерской группы аустроазиатской семьи языков.

Лексический состав кхмерского языка представляет собой довольно сложную картину, отражающую различные стороны истории его развития. Яркой чертой современного кхмерского языка является стремительное обогащение новой лексикой и терминологией. Это связано с тем, что словарный состав языка отражает в нём действительность с её переменами, а следовательно, включает новые слова для обозначения новых вещей, процессов и явлений [1]. Активно проникающие в современный кхмерский язык заимствования на данном этапе его развития обслуживают наиболее важные для говорящего сферы жизни и выражают актуальные смыслы.

Кхмерский лингвист Тхон Хын отмечает, что «как и любой язык в мире, кхмер-

ский язык не смог бы развиваться без смешения с другими языками. В кхмерском словаре чисто кхмерской лексики чуть больше 3 тыс. слов, остальные слова по большей части – заимствования»¹.

По мнению Л. П. Крысина заимствование – «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой»². С. В. Кудряшова писала, что «заимствование есть выражение процесса взаимного воздействия языков народов мира, происходящее в условиях неравномерного развития контактирующих языков» [2].

Заимствованные слова в кхмерском языке относятся к различным сферам жизни, отличаются по способу и форме заимствования. В данной статье представлена тематическая типология заим-

¹ Thon Hin. *Chuon Nat Grammar*. Phnom Penh: Public Center, 2023. P. 9.

² См.: Крысин Л. П. О причинах лексического заимствования // *Русский язык в школе*. 1965. № 3. С. 11–15.

ствований кхмерского языка. Исследование заимствований тем интересно и актуально, что в самой Камбодже практически отсутствуют исследовательские материалы на эту тему, а встречаются лишь отдельные словари заимствованных слов.

Материалом для статьи послужили 200 выявленных методом сплошной выборки из проанализированных 13051 контекста (предложений) заимствований из газеты «Пномпень Пост» – самого крупного печатного ежедневного издания на кхмерском языке, издаваемого в столице Королевства Пномпене с 2008 г. Газета, как правило, имеет 8 страниц и включает разделы, посвящённые вопросам внутренней и внешней политики Камбоджи, бизнесу, общественной жизни и культуре. Авторы статей – камбоджийские журналисты.

Заимствования в нашей работе представлены в системе транслитерации в русской и английской графической системе. Транслитерация на русский язык предложена автором статьи с целью более широкого использования русского языка и кириллицы как инструмента влияния в связи с пересмотром социально-политической повестки Российской Федерации. Транслитерация на английском языке проведена в соответствии с фонетическими нормами, описанными отечественным лингвистом Ю. А. Горгониевым¹.

Целью данного исследования является классификация заимствований кхмерского языка по семантическим полям и тематическим группам и определение основных направлений заимствований.

1. Семантическое поле слов и его элементы

Идея группировки словарного состава языка по семантическим признакам стала популярна в начале XX в. Введённое

Г. Ипсеном понятие «смысловое поле» привело к созданию термина *семантическое поле* (СП), представляющего собой крупную совокупность лексических единиц на основе содержания². Как правило, в СП входят слова разных частей речи. В то же время все его члены должны иметь общий признак – *интегральную сему*. СП имеет взаимосвязанные фрагменты, представленные ядром, центром, ближней и дальней периферией, между которыми действуют иерархические отношения. Критерием отнесения языковых единиц к тому или иному фрагменту поля зачастую служит частотность их употребления. В нашем исследовании за точку отсчёта в разных СП берётся разное количество словоупотреблений в зависимости от количества выявленных нами контекстов, в которых встречается указанное иноязычное слово. При этом к ядру мы отнесли те иноязычные заимствования, которые встречались в наибольшем количестве контекстов, к дальней периферии – в наименьшем.

Ещё одной совокупностью лексических единиц является тематическая группа (ТГ). При выделении слов в отдельную ТГ анализируются языковые единицы с точки зрения их соотносённости с внеязыковой действительностью. Тематические объединения включают единицы, обозначающие относительно самостоятельные объекты действительности, между которыми действуют гипер-гипонимические отношения. ТГ может содержать слова только одной части речи.

2. Семантические поля и тематические группы заимствований в современном кхмерском языке

В ходе анализа материала газеты «Пномпень Пост» нами были выделены следующие *семантические поля и тематические группы* заимствований:

¹ Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка; 2-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. 320 с.

² Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg: Winter, 1924. P. 200.

2.1. Семантическое поле «информационные технологии»

XXI в. по праву называют веком информационной революции. Интенсивное развитие компьютерных технологий, в том числе и появление интернета, привело к созданию и развитию специального научно-технического языка [3]. Компьютерная терминология занимает особое место в лингвистическом отношении среди других терминологий. Её отличительной чертой является значительное количество заимствованной лексики.

В кхмерском языке на основе проанализированных контекстов нами было выявлено, что термины указанной сферы представляют самое обширное СП. Подавляющее большинство заимствований данного СП пришло из английского языка, что связано с его наиболее широким распространением в компьютерной сфере.

К СП «информационные технологии» мы отнесли, например, *а:кхаон / a:khaon* («аккаунт»), *анде:т / apde:t* («исправлять»), *ве:пса:й / ve:psa:y* («интернет-сайт»), *ви:де:оу / vi:de:o* («видео»), *ви:де:оуге:м / vi:de:o:ge:m* («видеоигра»), *ви:де:оукхлип / vi:de:o:khlip* («видеоклип»), *ди:ти:тхо:л / di:ci:thv:l* («цифровой»), *ди:ти:тхо:лпхиву:пони:йкам / di:ci:thv:lvi:prni:ykm* («цифровизация»), *е:летьтроуник / e:lacro:nik* («электронный»), *и:нтхы:нем / i:ntn^hnat* («интернет»), *ка:ме:ра: / ka:me:ra:* («камера»), *компю:тоа / kōmpyu:təv* («компьютер»), *ла:сэ: / la:se:* («лазер»), *ли:нг / li:ŋ* («ссылка»), *моуба:лэ:п / to:ba:le:p* («мобильное приложение»), *о:нла:нь / vnla:n* («онлайн»), *пхе:ть / phe:c* («страничка в интернете»), *раоттоа / raotəv* («роутер»), *роубоут / ro:bo:t* («робот»), *са:йбоа / sa:ybov* (от английского «кибер»), *ске:н / ske:n* («сканировать»), *сма:тфоун / sma:tfo:n* («смартфон»), *соуфве: / so:fve:* («программное обеспечение ПК»), *чха:т / cha:t* («чат»), *чхи:п / chi:p* («чип»), *э:п / ε:p* (от английского *upload* – «загрузить»).

Внутри этого СП можно выделить следующие **тематические группы** на ос-

новании категориального дифференциального признака:

– «технологии, связанные с компьютером»: *а:кхаон / a:khaon* («аккаунт»), *ве:пса:й / ve:psa:y* («интернет-сайт»), *ви:де:оу / vi:de:o* («видео»), *ви:де:оуге:м / vi:de:o:ge:m* («видеоигра»), *ви:де:оукхлип / vi:de:o:khlip* («видеоклип»), *ди:ти:тхо:лпхиву:пони:йкам / di:ci:thv:lvi:prni:ykm* («цифровизация»), *и:нтхы:нем / i:ntn^hnat* («интернет»), *компю:тоа / kōmpyu:təv* («компьютер»), *ли:нг / li:ŋ* («ссылка»), *пхе:ть / phe:c* («страничка в интернете»), *раоттоа / raotəv* («роутер»), *соуфве: / so:fve:* («программное обеспечение ПК»), *чха:т / cha:t* («чат»);

– «приборы и устройства»: *ка:ме:ра: / ka:me:ra:* («камера»), *ла:сэ: / la:se:* («лазер»), *раоттоа / raotəv* («роутер»), *роубоут / ro:bo:t* («робот»), *сма:тфоун / sma:tfo:n* («смартфон»), *чхи:п / chi:p* («чип»);

– «свойства, качества устройств»: *ди:ти:тхо:л / di:ci:thv:l* («цифровой»), *е:летьтроуник / e:lacro:nik* («электронный»), *о:нла:нь / vnla:n* («онлайн»), *са:йбоа / sa:ybov* (от английского «кибер»);

– «действия, связанные с компьютером»: *анде:т / apde:t* («обновлять»), *ске:н / ske:n* («сканировать»), *э:п / ε:p* (от английского *upload* – «загрузить»);

– «интернет»: *а:кхаон / a:khaon* («аккаунт»), *ве:пса:й / ve:psa:y* («интернет-сайт»), *ви:де:оу / vi:de:o* («видео»), *ви:де:оуге:м / vi:de:o:ge:m* («видеоигра»), *ви:де:оукхлип / vi:de:o:khlip* («видеоклип»), *и:нтхы:нем / i:ntn^hnat* («интернет»), *компю:тоа / kōmpyu:təv* («компьютер»), *ли:нг / li:ŋ* («ссылка»), *пхе:ть / phe:c* («страничка в интернете»), *раоттоа / raotəv* («роутер»), *чха:т / cha:t* («чат»);

– «мобильное устройство»: *и:нтхы:нем / i:ntn^hnat* («интернет»), *ка:ме:ра: / ka:me:ra:* («камера»), *моуба:лэ:п / to:ba:le:p* («мобильное приложение»), *сма:тфоун / sma:tfo:n* («смартфон»).

Причём, если взять за точку отсчёта частность свыше 150 словоу-

потреблений, то к ядру СП «информационные технологии» мы отнесли слово *ди:ти:мхо:л / di:ci:thv:l* («цифровой») – 182 контекста. Центр СП составила номинация *о:нла:нь / vpla:n* («онлайн») – 97 контекстов. Ближняя периферия представлена такими единицами, как *ви:де:оу / vi:de:o* («видео») – 54 контекста, *е:летьпроуник / e:lactro:nik* («электронный») – 52 контекста, *и:нтхы:нет / i:ntɰ^hnət* («интернет») – 31 контекст. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.2. Семантическое поле «экономика»

В результате развития экономических отношений Камбоджи с Западом, ориентации на западную экономическую и банковскую системы кхмерский язык пополнился экономическими понятиями, которые вышли за пределы профессионального словоупотребления и стали общеупотребимыми.

Значительное влияние на современную кхмерскую экономическую лексику оказывает английский язык (американский вариант), что можно объяснить ведущими позициями США в мировой экономике.

К СП «экономика» мы отнесли такие единицы, как *а:ти:вокамхна:тми:кроу / a:ci:vəkamkhna:tmi:kro:* («мелкий бизнес»), *би:лиан / bi:liən* («биллион»), *ка:т / ka:t* («карточка»), *коут / ko:t* («код»), *кра:ф / kra:f* («схема»), *кра:фик / kra:fik* («графический»), *кхюао:коут / khyu:v:ko:t* («QR-код»), *ма:кроусе:тхакетъ / ta:kro:se:thvəkəs* («макроэкономика»), *ми:кроусохокриах / mi:kro:sphvəkriəh* («микропредприятие»), *ми:кроухиранъво:тх / mi:kro:hirənvəthə* («микрофинансы»), *проуфа:л / pro:fa:l* («профиль»), *три:лиан / tri:liən* («триллион»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «банковское дело»: *би:лиан / bi:liən* («миллиард»), *ка:т / ka:t* («кар-

точка»), коут / ko:t («код»), *кхюао:коут / khyu:v:ko:t* («QR-код»), *проуфа:л / pro:fa:l* («профиль»), *три:лиан / tri:liən* («триллион»);

– «предпринимательство»: *а:ти:вокамхна:тми:кроу / a:ci:vəkamkhna:tmi:kro:* («мелкий бизнес»), *ми:кроусохокриах / mi:kro:sphvəkriəh* («микропредприятие»);

– «экономические термины»: *а:ти:вокамхна:тми:кроу / a:ci:vəkamkhna:tmi:kro:* («мелкий бизнес»), *ма:кроусе:тхакетъ / ta:kro:se:thvəkəs* («макроэкономика»), *ми:кроусохокриах / mi:kro:sphvəkriəh* («микропредприятие»), *ми:кроухиранъво:тх / mi:kro:hirənvəthə* («микрофинансы»);

– «числа»: *би:лиан / bi:liən* («миллиард»), *три:лиан / tri:liən* («триллион»).

Причём, если взять за точку отсчёта частность свыше 30 словоупотреблений, то к ядру СП «экономика» мы отнесли слово *ми:кроухиранъво:тх / mi:kro:hirənvəthə* («микрофинансы») – 37 контекстов. Центр СП составили номинации *би:лиан / bi:liən* («миллиард») – 20 контекстов, *ка:т / ka:t* («карточка») – 18 контекстов. Ближняя периферия представлена такими единицами, как *ми:кроусохокриах / mi:kro:sphvəkriəh* («микропредприятие») – 9 контекстов, *коут / ko:t* («код») – 6 контекстов, *три:лиан / tri:liən* («триллион») – 5 контекстов. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.3. Семантическое поле «питание»

На сегодняшний день заимствования в сфере «питания» весьма распространены, так как культура питания является важнейшим и неотъемлемым компонентом повседневной жизни человека. Данная тематика отражает этнические, культурные и социально-религиозные особенности народов [4].

Иноязычные вкрапления в данной области привычны для современного человека, что связано с процессом глобализации, общедоступностью информации, продвижением продуктов потребительского рынка [5]. Гастрономические номи-

нации можно рассматривать как своего рода «проводник культурных традиций и особенностей этноса»¹.

К СП «питание» мы отнесли такие слова, как *ба: / ba:* («бар»), *бу:фе: / bu:fe:* («шведский стол»), *бе:ри: / bə:ri:* («ягода»), *ва:ни:ла: / va:ni:la:* («ванилин»), *ви:та:ми:н / vi:ta:mi:n* («витамины»), *ка:ка:оу / ka:ka:o:* («какао»), *ка:лоури: / ka:lo:ri:* («калории»), *ка:ре:м / ka:re:m* («мороженое»), *ка:фе: / ka:fe:* («кофе»), *кла:зе: / kla:ze:* («кладовка»), *кхукки: / khukki:* («печенье»), *ма:т / ta:t* («магазин»), *ми:кроуса:тхиет / mi:kro:sa:thiət* («микроэлементы»), *нэмдоуна:т / nɛmdo:na:t* («пончик»), *проуте:и:н / pro:te:i:n* («белок»), *сайлоу / saylo:* («хранилище для зерновых»), *сдок / sdɔk* («хранилище»), *ско:соукоула: / skɔ:so:ko:la:* («шоколад»), *сра:биа / sra:biə* («пиво»), *сун / sup* («суп»), *тыксе:роу / tʰkse:ro:* («сироп»), *хотдо:к / hɔtdɔk* («хот-дог»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «продукты питания»: *бе:ри: / bə:ri:* («ягода»), *ка:ре:м / ka:re:m* («мороженое»), *кхукки: / khukki:* («печенье»), *нэмдоуна:т / nɛmdo:na:t* («пончик»), *ско:соукоула: / skɔ:so:ko:la:* («шоколад»), *хотдо:к / hɔtdɔk* («хот-дог»);

– «жидкости»: *ка:ка:оу / ka:ka:o:* («какао»), *ка:фе: / ka:fe:* («кофе»), *сра:биа / sra:biə* («пиво»), *сун / sup* («суп»), *тыксе:роу / tʰkse:ro:* («сироп»);

– «десерты и сладости»: *ка:ре:м / ka:re:m* («мороженое»), *кхукки: / khukki:* («печенье»), *нэмдоуна:т / nɛmdo:na:t* («пончик»), *ско:соукоула: / skɔ:so:ko:la:* («шоколад»), *тыксе:роу / tʰkse:ro:* («сироп»);

– «питательные вещества»: *ви:та:ми:н / vi:ta:mi:n* («витамины»), *ка:лоури: / ka:lo:ri:* («калории»), *ми:кроуса:тхиет / mi:kro:sa:thiət* («микроэлементы»), *проуте:и:н / pro:te:i:n* («белок»);

– «места для приёма пищи»: *ба: / ba:* («бар»);

– «места для продажи/хранения продуктов»: *кла:зе: / kla:ze:* («кладовка»), *ма:т / ta:t* («магазин»), *сайлоу / saylo:* («хранилище для зерновых»), *сдок / sdɔk* («хранилище»);

– «формат подачи пищи»: *бу:фе: / bu:fe:* («шведский стол»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 30 словоупотреблений, то к ядру СП «питание» мы отнесли слова *ка:фе: / ka:fe:* («кофе») – 38 контекстов, *ми:кроуса:тхиет / mi:kro:sa:thiət* («микроэлементы») – 33 контекста, *сдок / sdɔk* («хранилище») – 31 контекст. Центр СП составили номинации *бу:фе: / bu:fe:* («шведский стол») – 11 контекстов, *сун / sup* («суп») – 11 контекстов. Ближняя периферия представлена такими единицами, как *хотдо:к / hɔtdɔk* («хот-дог») – 4 контекста, *проуте:и:н / pro:te:i:n* («белок») – 4 контекста. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.4. Семантическое поле «общественно-политическая и военная лексика»

Преобразования в государственном и политическом устройстве страны, изменения политической обстановки, переоценка социальных ценностей и открытая ориентация на Запад стали причиной усиления заимствования общественно-политической лексики, появления новых реалий и понятий в общественно-политической жизни Камбоджи. По мнению Л. П. Крысина, «чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным словам»². Нами было выявлено значительное количество заимствований в сфере политики, так как эта лексика широко используется в СМИ в публикациях.

¹ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/ Slovo, 2000. 624 с.

² Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Изд-во «Знак», 2008. С. 64.

К СП «общественно-политическая и военная лексика» мы отнесли: *а:зиан / a:siəp* («АСЕАН»), *ве:тоу / ve:to:* («вето»), *дроун / dro:n* («дрон»), *ели:т / e:li:t* («элит»), *ендоа / ye:ndəv* («гендерный»), *комуйни:х / kəʃtiunɪ:h* («коммунистический»), *конгсонгси:х / kəŋsəŋsi:h* («консensus»), *конгсул / kəŋsul* («консул, консульский»), *ми:н / mi:n* («мина»), *ми:си:л / mi:si:l* («ракета»), *на:тоу / na:to:* («НАТО»), *нуйкле:э / nyukle:ε:* («ядерный»), *пи:лот / pi:lət* («пилот»), *пла:тфо:м / pla:tfo:m* («платформа»), *плонг / pləŋ* («план»), *плог / plək* («блок»), *порома:ноу / pəʁəma:po:* («ядерный»), *поул / po:l* («полис», «полярность»), *поулих / po:lih* («полиция»), *пox / pəh* («пост»), *при:к / pri:k* («БРИКС»), *ра:да: / ra:da:* («радар»), *рокает / rəkaet* («ракета»), *си:вил / si:vil* («гражданский»), *си:мак / si:mak* (организация «СМАС»), *сте:м / ste:m* («STEM – Science, Technology, Engineering and Maths»), *сдонгда: / sdəŋda:* («стандарт»), *тактик / tak-tik* («тактика»), *та:ма: / ta:ta:* («татарин»), *ю:не:скоу / yu:ne:sko:* («ЮНЕСКО»), *ю:ни:сеф / yu:ni:se:f* («ЮНИСЕФ»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «политические термины»: *ве:тоу / ve:to:* («вето»), *ели:т / e:li:t* («элит»), *конгсонгси:х / kəŋsəŋsi:h* («консensus»), *плог / plək* («блок»), *поул / po:l* («полис», «полярность»), *тактик/taktik* («тактика»);

– «признаки и свойства, относящиеся к политике»: *ендоа / ye:ndəv* («гендерный»), *комуйни:х / kəʃtiunɪ:h* («коммунистический»), *нуйкле:э / nyukle:ε:* («ядерный»), *порома:ноу / pəʁəma:po:* («ядерный»), *си:вил / si:vil* («гражданский»);

– «названия организаций и объединений»: *а:зиан / a:siəp* («АСЕАН»), *на:тоу / na:to:* («НАТО»), *при:к / pri:k* («БРИКС»), *си:мак / si:mak* (организация «СМАС»), *ю:не:скоу / yu:ne:sko:* («ЮНЕСКО»), *ю:ни:сеф / yu:ni:se:f* («ЮНИСЕФ»);

– «военные термины»: *дроун / dro:n* («дрон»), *ми:н / mi:n* («мина»), *ми:си:л / mi:si:l* («ракета»), *ра:да: / ra:da:* («радар»), *рокает / rəkaet* («ракета»), *тактик / taktik* («тактика»);

– «летательные аппараты»: *дроун / dro:n* («дрон»), *ми:си:л / mi:si:l* («ракета»), *рокает / rəkaet* («ракета»);

– «профессии»: *конгсул / kəŋsul* («консул»), *пи:лот / pi:lət* («пилот»);

– «национальности»: *та:ма: / ta:ta:* («татарин»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 200 словоупотреблений, то к ядру СП «общественно-политическая лексика» мы отнесли слово *а:зиан / a:siəp* («АСЕАН») – 229 контекстов. Центр СП составили номинации *ми:н / mi:n* («мина») – 110 контекстов, *сдонгда: / sdəŋda:* («стандарт») – 109 контекстов, *нуйкле:э / nyukle:ε:* («ядерный») – 103 контекста. Ближняя периферия представлена такими единицами, как *си:вил / si:vil* («гражданский») – 66 контекстов, *дроун / dro:n* («дрон») – 53 контекста, *поулих / po:lih* («полиция») – 52 контекста. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.5. Семантическое поле «медицина»

Медицинская терминология отличается рядом качественных особенностей, связанных с историей её становления и развития. Наиболее яркой её чертой является обилие заимствований, основной корпус которых представлен заимствованными латинскими и греческими терминами [6].

С другой стороны, слабо развитая местная сфера здравоохранения и большое количество работающих в Камбодже иностранных врачей и исследователей привели к значительному обогащению данной отрасли заимствованиями.

К СП «медицина» мы отнесли: *алкол / alkəl* («спирт»), *ангсуили:н / əŋsuylɪ:n* («инсулин»), *ваксанг / vaksəŋ* («вакцина»), *ви:рух / vi:ruh* («вирус»), *е:т / e:t* («СПИД»), *зе:н / zε:n* («ген»), *кли:ник / kli:nik* («кли-

ника»), коуви:т / ko:vi:t («коронавирус»), кре:м / kre:t («крем»), кроумоузоум / kro:to:zo:t («хромосома»), онгти:коа / vŋti:kəv («антитела»), омоун / ɔto:n («гормон»), оптик / ɔptik («оптика»), пла:сма: / pla:sma: («плазма»), се:не:тик / se:ne:tik («генетический»), си:раен / si:raen («сирена»), стре:х / stre:h («стресс»), те:х / te:h («тест»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «жидкости»: алкол / alkəl («спирт»), ангсуили:н / aŋsuyl:i:n («инсулин»), ваксанг / vaksəŋ («вакцина»), пла:сма: / pla:sma: («плазма»);

– «названия болезней»: е:т / e:t («СПИД»), коуви:т / ko:vi:t («коронавирус»);

– «признаки и свойства болезней»: се:не:тик / se:ne:tik («генетический»);

– «места лечения болезней»: кли:ник / kli:nik («клиника»);

– «пандемия COVID-19»: ваксанг / vaksəŋ («вакцина»), ви:рух / vi:ruh («вирус»), коуви:т / ko:vi:t («коронавирус»), онгти:коа / vŋti:kəv («антитела»), те:х / te:h («тест»);

– «красота»: кли:ник / kli:nik («клиника»), кре:м / kre:t («крем»), пла:сма: / pla:sma: («плазма»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 20 словоупотреблений, то к ядру СП «медицина» мы отнесли слова коуви:т / ko:vi:t («коронавирус») – 25 контекстов, е:т / e:t («СПИД») – 22 контекста. Центр СП составили номинации пла:сма: / pla:sma: («плазма») – 19 контекстов, те:х / te:h («тест») – 16 контекстов, ваксанг / vaksəŋ («вакцина») – 13 контекстов, кли:ник / kli:nik («клиника») – 13 контекстов. Ближняя периферия представлена такой единицей, как ангсуили:н / aŋsuyl:i:n («инсулин») – 11 контекстов. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.6. Семантическое поле «химия»

Одним из способов пополнения химической лексики является заимствование [7]. Обычно различают термины, созданные на базе конкретного языка и ставшие интернационализмами в результате заимствования многими языками (робот (чешск.), спутник (русс.)) и термины, созданные из древнегреческих и латинских элементов (фосфор, ион).

К СП «химия» мы отнесли: а:зоум / a:zo:t («азот»), а:луйми:ни:ню:м / a:luymi:ni:nyu:m («алюминий»), а:моуни:неак / a:to:ni:neak («аммиак»), а:тоумик / a:to:mik («атомный»), бе:тонг / be:təŋ («бетон»), га:х / ga:h («газ»), ди:окси:т / di:oksi:t («диоксид»), донгси:те: / dŋsi:te: («плотность»), е:летьтроума:не:тик / e:lətro:ma:ne:tik («электромагнитный»), е:та:нол / e:ta:nəl («этанол»), и:дроузе:н / i:dro:ze:n («водород»), итьсда:зи: / icsda:zi: («экстази»), ка:боун / ka:bo:n («карбон»), ке:та:ми:н / ke:ta:mi:n («кетамин»), ки:ми: / ki:mi: («химический»), ката:ли:ко: / kəta:li:kə: («катализатор»), ма:су:т / ma:su:t («мазут»), ме:та:н / me:ta:n («метан»), ме:томфе:та:ми:н / me:təmfə:ta:mi:n («метамфетамин»), ни:тра:т / ni:tra:t («нитрат»), окси:зе:н / ɔksi:ze:n («кислород»), окта:н / ɔkta:n («октан»), пла:стик / pla:stik («пластик»), ре:актоа / re:aktəv («реактор»), си:мо:нг / si:məŋ («цемент»), тиатийоум / ci:təi:yo:t («йод»), ти:компох / ci:kəmpəh («компост»), уйра:ни:ню:м / uya:ni:nyu:m («уран»), фоутоусворе: / fo:to:svəre: («фотосфера»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «химические элементы и соединения»: а:зоум / a:zo:t («азот»), а:луйми:ни:ню:м / a:luymi:ni:nyu:m («алюминий»), а:моуни:неак / a:to:ni:neak («аммиак»), ди:окси:т / di:oksi:t («диоксид»), е:та:нол / e:ta:nəl («этанол»), и:дроузе:н / i:dro:ze:n («водород»), ка:боун / ka:bo:n («карбон»), ме:та:н / me:ta:n («метан»), ни:тра:т /

ni:tra:t («нитрат»), *окси:зе:н / ɒksi:ze:n* («кислород»), *окта:н / ɒkta:n* («октан»), *тиатийоут / ciəti:yo:t* («йод»), *уйра:ни:ню:м / iуга:ni:ji:m* («уран»);

– «названия газов»: *а:зоут / a:zo:t* («азот»), *а:моуни:неак / a:to:ni:neək* («аммиак»), *га:х / ga:h* («газ»), *и:дроузе:н / i:dro:ze:n* («водород»), *ме:та:н / te:ta:n* («метан»), *окси:зе:н / ɒksi:ze:n* («кислород»), *окта:н / ɒkta:n* («октан»);

– «оборудование и приборы»: *ре:актоа / re:aktəv* («реактор»);

– «свойства и признаки химических элементов»: *а:тоумик / a:to:mik* («атомный»), *ки:ми: / ki:mi:* («химический»);

– «наркотические средства»: *итьсда:зи: / icsda:zi:* («экстази»), *ке:та:ми:н / ke:ta:mi:n* («кетамин»), *ме:томфе:та:ми:н / te:tomfe:ta:mi:n* («метамфетамин»);

– «материалы для строительства»: *бе:тонг / be:tɒŋ* («бетон»), *пла:стик / pla:stik* («пластик»), *си:мо:нг / si:mɒŋ* («цемент»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 40 словоупотреблений, то к ядру СП «химия» мы отнесли слово *пла:стик / pla:stik* («пластик») – 45 контекстов. Центр СП составили номинации *ки:ми: / ki:mi:* («химический») – 40 контекстов, *ти:компох / ci:kɒpɒh* («компост») – 38 контекстов. Ближняя периферия представлена такой единицей, как *ка:боун / ka:bo:n* («карбон») – 10 контекстов. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.7. Семантическое поле «транспорт»

Под влиянием прогресса и развития техники формируется понятийный аппарат СП «транспорт», которое изобилует заимствованиями. Зачастую их использование обусловлено языковой экономией: будучи краткими и точными, они легко усваиваются и обеспечивают коммуникативную однозначность, что их делает привлекательными и незаменимыми в языке. С другой стороны, причиной этому служит тот факт, что в кхмерском язы-

ке отсутствует эквивалентное слово для нового предмета или понятия.

К СП «транспорт» мы отнесли: *де:поу / de:po:* («депо»), *е:ска:ва:тоа / e:ska:va:təv* («экскаватор»), *ма:к / ta:k* («марка», «модель»), *ма:си:н / та:си:н* («аппарат», «устройство»), *ма:си:н:тронгсиноа / та:си:н:trɒŋsi:nəv* («транзистор»), *ме:ка:ник / te:ka:nik* («механический»), *моутоа / то:тəv* («мотор»), *моутоу / то:то:* («скутер», «мотоцикл»), *пхлеуха:йве: / phləuħa:yve:* («скоростная трасса»), *пхи:кап / phi:kəp* («пикап»), *трактоа / traktəv* («трактор»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «средства передвижения»: *е:ска:ва:тоа / e:ska:va:təv* («экскаватор»), *моутоу / то:то:* («скутер», «мотоцикл»), *пхи:кап / phi:kəp* («пикап»), *трактоа / traktəv* («трактор»);

– «строительный транспорт»: *е:ска:ва:тоа / e:ska:va:təv* («экскаватор»), *трактоа / traktəv* («трактор»);

– «детали и устройства»: *ма:си:н / та:си:н* («аппарат», «устройство»), *ма:си:н:тронгсиноа / та:си:н:trɒŋsi:nəv* («транзистор»), *моутоа / то:тəv* («мотор»);

– «свойства и признаки транспорта»: *ме:ка:ник / te:ka:nik* («механический»);

– «место стоянки»: *де:поу / de:po:* («депо»);

– «путь следования»: *пхлеуха:йве: / phləuħa:yve:* («скоростная трасса»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 50 словоупотреблений, то к ядру СП «транспорт» мы отнесли слово *ма:си:н / та:си:н* («аппарат», «устройство») – 54 контекста. Центр СП составили номинации *моутоу / то:то:* («скутер», «мотоцикл») – 38 контекстов, *ма:к / та:k* («марка», «модель») – 31 контекст. Ближняя периферия представлена такой единицей, как *де:поу / de:po:* («депо») – 12 контекстов. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.8. Семантическое поле «спорт»

В языке спорта в целом доминирующей тенденцией отмечают обогащение его лексического состава за счёт заимствований. Как правило, источником большинства новых слов и выражений является английский язык [8]. Язык спорта значительно пополняется спортивными терминами, многие из которых перестают быть неологизмами и попадают в активный словарь языка, поэтому такие слова носителями языка перестают восприниматься как иноязычные.

К СП «спорт» мы отнесли: *балбох / balboh* («баскетбол»), *балтех / balteh* («волейбол»), *балтоат / baltəət* («футбол»), *го:л / gə:l* («гольф»), *ка:ра:те:доу / ka:ra:te:do:* («каратэ»), *ма:ра:тонг / ma:ra:təŋ* («марафон»), *ме:да:й / me:da:y* («медаль»), *оуламник / o:lamnik* («олимпийский»), *оуламня:т / o:lamnya:t* («олимпиада»), *ю:доу / yu:do:* («дзюдо»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «названия видов спорта»: *балбох / balboh* («баскетбол»), *балтех / balteh* («волейбол»), *балтоат / baltəət* («футбол»), *го:л / gə:l* («гольф»), *ка:ра:те:доу / ka:ra:te:do:* («каратэ»), *ю:доу / yu:do:* («дзюдо»);

– «виды спортивных состязаний»: *ма:ра:тонг / ma:ra:təŋ* («марафон»), *оуламня:т / o:lamnya:t* («олимпиада»);

– «награды»: *ме:да:й / me:da:y* («медаль»);

– «единоборства»: *ка:ра:те:доу / ka:ra:te:do:* («каратэ»), *ю:доу / yu:do:* («дзюдо»);

– «игры с мячом»: *балбох / balboh* («баскетбол»), *балтех / balteh* («волейбол»), *балтоат / baltəət* («футбол»), *го:л / gə:l* («гольф»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 45 словоупотреблений, то к ядру СП «спорт» мы отнесли слово *ме:да:й / me:da:y* («медаль») – 50 контекстов. Центр СП составила номинация

ма:ра:тонг / ma:ra:təŋ («марафон») – 32 контекста. Ближняя периферия представлена такими единицами, как *балбох / balboh* («баскетбол») – 3 контекста, *оуламня:т / o:lamnya:t* («олимпиада») – 3 контекста. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.9. Семантическое поле «религия»

В последнее время религии уделяют всё большее внимание, поскольку она является неотъемлемым компонентом человеческой истории на разных этапах её развития, формой сохранения накопленного предшествующими поколениями опыта. Связанная с религией лексика образует значимый пласт человеческой культуры.

В кхмерском языке она содержит большое количество заимствований из **санскрита и пали**. Проникновение слов из этих языков связано со значительным религиозным влиянием брахманизма и буддизма в Камбодже.

В статьях газеты, посвящённых христианству и исламу, нами были выявлены заимствования из других языков.

СП «религия» включает в себя *исла:м / isla:m* («ислам»), *исла:мса:сна: / isla:msa:sna:* («религия ислам»), *коура:н / ko:ra:n* («Коран»), *крихса:сна: / krihsa:sna:* («христианство»), *му:сли:м / tu:sli:m* («мусульманский»), *оусоудок / o:so:dvk* («ортодоксальный»), *ха:лал / ha:lal* («халяль»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «название религии»: *исла:м / isla:m* («ислам»), *исла:мса:сна: / isla:msa:sna:* («религия ислам»), *крихса:сна: / krihsa:sna:* («христианство»);

– «свойства и признаки ислама»: *му:сли:м / tu:sli:m* («мусульманский»), *ха:лал* («халяль»);

– «свойства и признаки христианства»: *оусоудок / o:so:dvk* («ортодоксальный»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 5 словоупотреблений, то к ядру СП «религия» мы отнесли слово *исла:м / isla:m* («ислам») – 9 контекстов. Центр СП составила номинация *коура:н / ko:ra:n* («Коран») – 5 контекстов. Ближняя периферия представлена такой единицей, как *крихса:сна: / krihsa:sna:* («христианство») – 3 контекста. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.10. Семантическое поле «культура»

В настоящее время сфера культуры развивается стремительно, в частности благодаря средствам массовой информации [9]. Постоянное её развитие приводит к появлению и образованию новых слов. Проникновение в кхмерский язык заимствований является важным средством обогащения данной сферы.

СП «культура» включает в себя: *ба:нгга:лоу / ba:nga:lo:* («бунгало»), *га:й / ga:y* («гид»), *де:коа / de:kəv* («декор»), *ди:за:нь / di:za:n* («дизайн»), *е:коуте:сотё: / e:co:te:svɔ:* («экотуризм»), *ка:роу / ka:ro:* («плитка»), *клен / kləp* («клуб»), *коута: / ko:ta:* («квота»), *кха:ра:оухке: / kha:ra:o:khe:* («караоке»), *ма:са: / ta:sa:* («массаж»), *ме:кроу / te:kro:* («микрофон»), *моут / to:t* («мода»), *моудаел / to:dael* («модель»), *некди:за:нь / nəkdi:za:n* («дизайнер»), *са:л / sa:l* («зал»), *се:на:ри:ё / se:na:ri:o:* («сценарий»), *сесьси: / səcsi:* («сексуальный»), *соуна: / so:na:* («сауна»), *сна: / sra:* («сна»), *сту:ди:ё / stu:di:o:* («студия»), *ре:п / re:p* («рэп»), *ри:со:т / ri:sv:t* («курорт»), *фи:л / fi:l* («кадр»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «отдых»: *ба:нгга:лоу / ba:nga:lo:* («бунгало»), *га:й / ga:y* («гид»), *е:коуте:сотё: / e:co:te:svɔ:* («экотуризм»), *клен / kləp* («клуб»), *кха:ра:оухке: / kha:ra:o:khe:* («караоке»), *ма:са: / ta:sa:* («массаж»), *соуна: / so:na:* («сауна»), *сна: / sra:*

(«сна»), *сту:ди:ё / stu:di:o:* («студия»), *ри:со:т / ri:sv:t* («курорт»);

– «музыка»: *клен / kləp* («клуб»), *кха:ра:оухке: / kha:ra:o:khe:* («караоке»), *ме:кроу / te:kro:* («микрофон»), *са:л / sa:l* («зал»), *сту:ди:ё / stu:di:o:* («студия»), *ре:п / re:p* («рэп»);

– «мода»: *ди:за:нь / di:za:n* («дизайн»), *моудаел / to:dael* («модель»), *некди:за:нь / nəkdi:za:n* («дизайнер»), *сту:ди:ё / stu:di:o:* («студия»), *фи:л / fi:l* («кадр»);

– «профессия»: *моудаел / to:dael* («модель»), *некди:за:нь / nəkdi:za:n* («дизайнер»);

– «оформление интерьеров»: *де:коа / de:kəv* («декор»), *ди:за:нь / di:za:n* («дизайн»), *ка:роу / ka:ro:* («плитка»), *некди:за:нь / nəkdi:za:n* («дизайнер»);

– «красота»: *ма:са: / ta:sa:* («массаж»), *моут / to:t* («мода»), *моудаел / to:dael* («модель»), *соуна: / so:na:* («сауна»), *сна: / sra:* («сна»);

– «место отдыха»: *ба:нгга:лоу / ba:nga:lo:* («бунгало»), *ри:со:т / ri:sv:t* («курорт»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 15 словоупотреблений, то к ядру СП «культура» мы отнесли слово *клен / kləp* («клуб») – 17 контекстов. Центр СП составила номинация *моут / to:t* («мода») – 6 контекстов. Ближняя периферия представлена такими единицами, как *сту:ди:ё / stu:di:o:* («студия») – 4 контекста, *се:на:ри:ё / se:na:ri:o:* («сценарий») – 4 контекста. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

2.11. Семантическое поле «окружающая среда»

Терминология, связанная с окружающей средой, богата заимствованиями, большая часть которых имеет английское происхождение, так как наука экология возникла на Западе.

СП «природа» включает в себя *аки:де: / aki:se:* («орхидея»), *е:коулоузи: / e:ko:lo:zi:* («экология»), *пираня: / pi-ranua:* («пиранья»), *ре:тбоук / re:tbo:k*

(«красный бук»), *са:ку:ра: / sa:ku:ra:* («сакура»), *су:на:ми / su:na:mi* («цунами»), *ти:фонг / ti:fɔŋ* («тайфун»), *трейсалмон / tre:ysalmɔŋ* («лосось»), *трейтху:на: / tre:ythu:na:* («тунец»), *фоуси:л / fo:si:l* («ископаемое»).

Внутри указанного СП можно выделить следующие **тематические группы** на основании категориального дифференциального признака:

– «природные явления»: *су:на:ми / su:na:mi* («цунами»), *ти:фонг / ti:fɔŋ* («тайфун»);

– «деревья»: *ре:тбоук / re:tbo:k* («красный бук»), *са:ку:ра: / sa:ku:ra:* («сакура»);

– «названия рыб»: *пираня: / piranya:* («пиранья»), *трейсалмон / tre:ysalmɔŋ* («лосось»), *трейтху:на: / tre:ythu:na:* («тунец»);

– «названия цветов»: *аки:де: / aki:se:* («орхидея»).

Если взять за точку отсчёта частность свыше 9 словоупотреблений, то к ядру СП «окружающая среда» мы отнесли слова *пираня: / piranya:* («пиранья») – 10 контекстов. Центр СП составила номинация *е:коулоузи: / e:ko:lo:zi:* («экология») – 9 контекстов. Ближняя перифе-

рия представлена такими единицами, как *ти:фонг / ti:fɔŋ* («тайфун») – 6 контекстов. Остальные заимствования данного СП относятся к дальней периферии.

Заключение

В данной статье нами было выделено и проанализировано 11 семантических полей заимствований в современном кхмерском языке: «информационные технологии», «экономика», «питание», «общественно-политическая и военная лексика», «медицина», «химия», «транспорт», «спорт», «религия», «культура» и «окружающая среда». Наибольшее количество номинаций содержат СП «общественно-политическая и военная лексика» – 31 единица, СП «химия» – 28 единиц и СП «информационные технологии» – 26 единиц; наименьшее – СП «религия» (7 единиц). Результаты представлены на рис. 1.

Высокая частотность заимствований в указанных сферах связана со стремительным развитием общества и технологий, которое ведёт к появлению новых понятий и явлений, зачастую не имеющих аналогов в кхмерском языке.

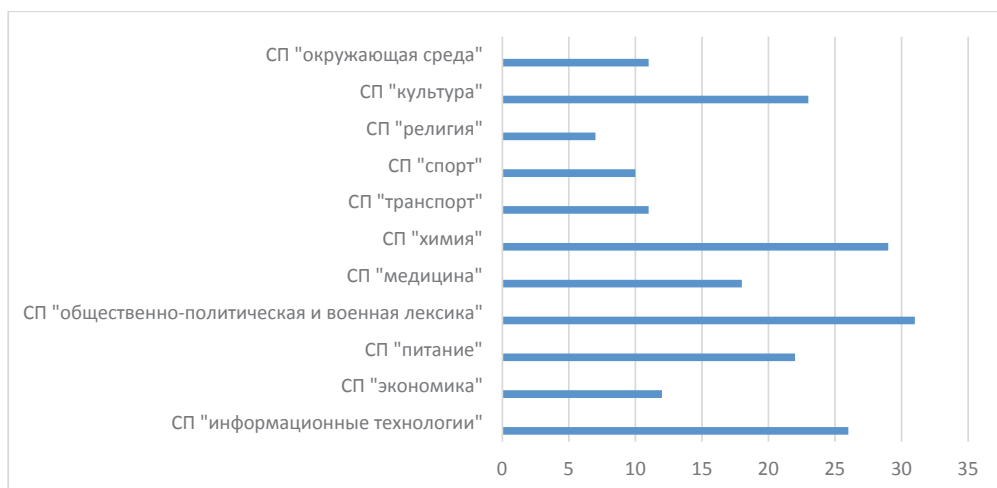

Рис. 1 / Fig. 1. Семантические поля (количество слов) / Semantic fields (amount of words)

Источник: данные автора

Появление новых заимствований в кхмерском языке обусловлено следующими причинами.

1. Внутрilingвистическими:

а) потребность в наименовании новых вещей, явлений и понятий, когда в кхмерском языке отсутствует эквивалентное слова (например, *ди:ти:тхо:л / di:ci:thv:l* («цифровой»), *и:нтхы:нем / i:ntɰhˈnət* («интернет»), *ка:ме:ра: / ka:me:ra:* («камера»)).

2. Экстралингвистическим [10]:

а) влияние культуры одного народа на культуру другого: в настоящее время в Камбодже наблюдается особая популяризация американского жизненного уклада особенно среди молодёжи;

б) наличие в международном употреблении определённых систем терминов, например, значительная часть компьютерной и спортивной терминологии кхмерского языка сформировалась на базе английского языка (*ве:пса:й / ve:psa:y* («интернет-сайт»), *го:л / gø:l* («гольф»), *ди:ти:тхо:л / di:ci:thv:l* («цифровой»), *ли:нг / li:ŋ* («ссылка»), *онла:нь / vɲla:ɲ* («онлайн»), *пхе:ть / pʰe:c* («страничка в интернете»)).

3. Социально-психологическими:

а) коммуникативная актуальность понятия: например, накануне/после саммита Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в газете чаще использовали номинацию *а:зиан / a:siən* («АСЕАН») (229 контекстов); в связи с тем, что правящая элита сфокусирована на продвижении цифровой экономики и использовании технологических достижений, часто встречалось слово *ди:ти:тхо:л / di:ci:thv:l* («цифровой») (182 контекста); актуальные внутренние и мировые события (процесс разминирования территорий Камбоджи, тематика ядерного оружия) обуславливают частое употребление таких единиц, как *ми:н / mi:n* («мина») (110 контекстов), *нуькле:э / nyukle:ɛ* («ядерный») (103 контекста).

Полученные нами выводы являются важными, так как исследование кхмерского языка с новейших лингвистических позиций позволит в дальнейшем сформировать на представленной базе новые научные работы сравнительно-сопоставительного и сравнительно-типологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сербин В. А. О заимствованиях в военной терминологии современного вьетнамского языка // *Litera*. 2021. № 1. С. 110–124. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.1.34698.
2. Кудряшова С. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. № 4 (36). С. 66–75.
3. Чан Динь, Ньат Хань. Функционирование заимствований во вьетнамской компьютерной лексике // *Функционирование русского и белорусского языков в условиях информатизации общества: сборник тезисов докладов 56-ой научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов (БГУИР, Минск, 18–20 мая 2020 г.)*. Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2020. С. 48–50.
4. Саэтгараева Л. Р. Заимствованная лексика в тексте кулинарного рецепта (на примере поваренной книги викторианской эпохи) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 6-5 (108). С. 190–192. DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.176.
5. Ни Цзиншэн. Заимствованные названия гастрономических реалий в русском языке, производные от имен собственных // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 3 (94). С. 299–301. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-299-301.
6. Величкова С. М. Процессы заимствования в медицинской терминологии в области стоматологии // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 20 (163). С. 88–92.
7. Полубояринова К. К., Кузнецова Т. И., Царегородцева М. Г. Некоторые причины заимствований в профессиональном общении в области химии // *Успехи в химии и химической технологии*. 2020. Т. 34. № 10 (23). С. 95–97.

8. Кузнецова П. В., Акимова О. В. Заимствованная лексика в спортивном дискурсе // *Terra Linguae*. Вып. 3. Казань: ООО «Издательство ТАИ», 2017. С. 56–59.
9. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2010. № 5. С. 122–134.
10. Жданова Е., Рацибурская Л. Факторы неологизации в русском языке рубежа XX–XXI веков // *Studia Rossica Gedanensia*. 2020. Nr. 7. S. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.02>.

REFERENCES

1. Serbin, V. A. (2021). Borrowings in military terminology of the modern Vietnamese language. In: *Lit-era*, 1, 110–124. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.1.34698 (in Russ.).
2. Kudriashova, S. V. (2015). The process of borrowing as a kind of language contact. In: *University proceedings. Volga Region. Humanities*, 4 (36), 66–75 (in Russ.).
3. Tran, Dinh & Nhat, Hanh (2020). Functioning of borrowings in Vietnamese computer vocabulary. In: *Functioning of the Russian and Belarusian languages in the context of informatization of society: collection of abstracts of reports of the 56th scientific conference of postgraduates, master's students and students (BSUIR, Minsk, May 18–20, 2020)*. Minsk: Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics publ. pp. 48–50 (in Russ.).
4. Saetgaraeva, L. R. (2021). Borrowed vocabulary in the text of a cooking recipe (based on a Victorian cookbook). In: *International Research Journal*, 6-5 (108), 190–192. DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.176 (in Russ.).
5. Ni, Jingsheng (2022). Borrowed names of gastronomic realities in the Russian language, derived from proper nouns. In: *The world of science, culture and education*, 3 (94), 299–301. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-299-301 (in Russ.).
6. Velichkova, S. M. (2013). The processes of linguistic borrowings in the medical terminology in stomatology. In: *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 20 (163), 88–92 (in Russ.).
7. Poluboyarinova, K. K., Kuznetsova, T. I. & Tsaregorodtseva, M. G. (2020). Some reasons for borrowing in professional communication in the field of chemistry. In: *Advances in chemistry and chemical technology*, vol. 34, 10 (23), 95–97 (in Russ.).
8. Kuznetsova, P. V. & Akimova, O. V. (2017). Borrowed vocabulary in sports discourse. In: *Terra Linguae, iss. 3*. Kazan: LLC “Izdatelstvo TAI”, 2017. pp. 55–58 (in Russ.).
9. Solganik, G. Ya. (2010). Modern linguistic situation and trends in development of Russian standard language. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 5, 122–134 (in Russ.).
10. Zhdanova, E. & Ratsiburskaya, L. (2020). Neologization factors in the Russian language at the turn of the 20th–21st centuries. In: *Studia Rossica Gedanensia*, nr. 7, 26–37. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.02> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оборская Софья Алексеевна (г. Владимир) – соискатель кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;

ORCID: 0009-0001-9605-4219; e-mail: oborskayasofi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia A. Oborskaia (Vladimir) – External Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Vladimir State University;

ORCID: 0009-0001-9605-4219; e-mail: oborskayasofi@mail.ru

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.18384/2949-5059-2024-4-81-88

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОГО УСЛОВИЯ В ПЕРСИДСКИХ И РУССКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ)

Тайебианпур Ф.*, Ибрагимшарифи Ш.

Исфаханский университет, 8174673441, г. Исфахан, ул. Хезарджариб,
Исламская Республика Иран

*Корреспондирующий автор, e-mail: f.tayebianpour@fhn.ac.ir

Поступила в редакцию 22.04.2024

После доработки 11.06.2024

Принята к публикации 25.06.2024

Аннотация

Цель. Выявить сходства и различия грамматического времени глаголов зависимой и главной части сложноподчинённых предложений, выражающих реальное условие в персидских и русских языках.

Процедура и методы. Авторами были проанализированы соответствующие конструкции в персидском и русском языках и были сопоставлены времена глаголов главных и зависимых частей в русских и персидских предложениях. В проведённом анализе использованы описательный и сравнительный методы.

Результаты. В результате исследования было установлено, что основное различие между русскими и персидскими сложными условными предложениями, выражающими реальное условие, проявляется в конструкциях, где глагол главной части находится в повелительном наклонении. В русском языке глагол зависимой части в таких случаях представлен в будущем времени, однако глагол зависимой части соответствующей конструкции в персидском языке, обычно представлен в прошедшем времени.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование углубляет знания о грамматическом времени глаголов, имеющих значение реального условия в сложноподчинённых предложениях в русском и персидском языках. Сравнительный анализ рассматриваемых языков, являющихся неблизкородственными, выявляет основные различия и сходства, что наиболее эффективно способствует уяснению правил их функционирования. Практическая значимость исследования заключается в применении его результатов в проекте совершенствования методов обучения русскому языку иранских студентов и улучшению качества перевода в русско-персидской комбинации языков. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в составлении лингвистических и переводоведческих теорий в области теоретической, прикладной, сравнительно-сопоставительной лингвистики и лингвистической типологии, а также в грамматических описаниях и учебных пособиях.

Ключевые слова: персидский язык, русский язык, потенциальное условие, сложноподчинённое предложение, главная и зависимая части, время глагола

Для цитирования:

Тайебианпур Ф., Ибрагимшарифи Ш. Сравнительный анализ выражения реального условия в персидских и русских сложноподчинённых предложениях (временной аспект) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 81–88. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-81-88>

Original research article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONDITIONAL TENSE EXPRESSION IN RUSSIAN AND PERSIAN COMPLEX SENTENCES (TEMPORAL ASPECT)

F. Tayebianpour*, Sh. Ebrahimsharifi

University of Isfahan, Hezarjerib Av., Isfahan 8174673441, Iran

*Corresponding author, e-mail: tayebianf838@gmail.com

Received by the editorial office 22.04.2024

Revised by the author 11.06.2024

Accepted for publication 25.06.2024

Abstract

Aim. To reveal the similarities and differences in the grammatical tense of the verbs of the dependent and main parts of complex sentences expressing the real condition in Persian and Russian languages.

Methodology. The authors conducted an analysis of the corresponding constructions in Persian and Russian languages, comparing the verb tenses of main and subordinate clauses in sentences of both languages. The analysis was carried out using descriptive and comparative methods.

Results. As a result, it was discovered that the main difference between Russian and Persian complex sentences with conditional tense is manifested in constructions where the verb in the main clause is in the imperative mood. In Russian, the verb in the subordinate clause in such scenarios is in the future tense, whereas in Persian it typically appears in the past tense.

Research implications. This research deepens the understanding of verb tenses in complex sentences with real conditional tense in Russian and Persian. The comparative analysis of these distantly related languages reveals the main differences and similarities, contributing to a better understanding of their functions. The practical significance lies in applying the results to improve methods used in teaching Russian to Iranian students and improving the quality of translation from Russian to Persian and vice versa. In addition, the results of the research can be used in the compilation of linguistic and translation theories in the field of theoretical, applied, comparative linguistics and linguistic typology, as well as in grammatical descriptions and textbooks.

Keywords: Persian language, Russian language, the conditional tense, complex sentence, main and subordinate clauses, verb tense

For citation:

Tayebianpour, F. & Ebrahimsharifi, Sh. (2024). Comparative analysis of the conditional tense expression in Russian and Persian complex sentences (temporal aspect). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 81–88. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-81-88>

Введение

Особую значимость в лингвистике имеет сравнение неблизкородственных языков. Сравнение условных сложноподчинённых предложений персидского и русского языков является актуальным ввиду сложности интерпретации категории условности, как одной из наиболее встречаемых в синтаксических конструкций сравниваемых идиомов. К настоящему времени в обоих языках они изучены с разных сторон, например: с точки зрения реализуемости [1; 2, 44–45. ص], грамматического времени главной и зависимой частей [3, 331ص; 4, с. 37; 5, 198–200; 6, 232ص.], структуры [7], смысловой связи главной и зависимой частей [8], метода обучения [9] и др. В русском языке условные предложения выражают такую связь двух событий, когда одно из них возможно только при наличии другого [10, с. 406]. В общем виде конструкции условных сложноподчинённых предложений, выражающих реальное условие, в персидском и русском языках сходны друг с другом. Обе конструкции включают в себя: 1) условный союз; 2) зависимую часть (придаточную часть), в начале которой ставится условный союз; 3) главную часть, содержащую утверждение, которое будет осуществлено, если условие, указанное в зависимой части, выполнится. Однако существуют различия между соответствующими конструкциями по времени глаголов главной и зависимой частей. Акцентирование внимания на эти различия поможет избежать ошибок в разговорах и переводах. В этом и заключается актуальность данной статьи.

Категория времени играет важную роль в формировании условных предложений, поскольку невозможно говорить о связи события с реальностью, не учитывая его связь с временем. При этом следует обратить внимание как на понятие времени вообще (темпоральность), так и на грамматическое время глаголов в структуре условных предложений. В свя-

зи с вышеизложенным в данном исследовании мы сравним грамматическое время глаголов главной и зависимой частей сложных условных предложений в персидском и русском языках, учитывая при этом их связь со временем события. В данной статье мы рассмотрим союзные предложения. Также, поскольку изучение условных союзов не является объектом статьи, мы приводим примеры русских предложений с союзом «если» и персидских предложений с союзом "اگر" (агар), которые являются наиболее распространёнными условными союзами в русском и персидском языках.

Основная часть

Как уже говорилось, одним из способов классификации условных предложений в персидском и русском языках является классификация по формам времени глаголов главных и зависимых частей. «Грамматическое время позволяет говорящему указать ситуацию относительно точки отсчёта, которой часто является время речи» [11, р. 125–128]. Кроме того, «грамматическое время часто выражается через грамматические средства, такие как суффиксы и окончания в глаголе» [1, 61ص.]. Кроме того, не следует упускать из виду, что в условных конструкциях персидского языка глагольное наклонение играет важную роль. В исследовании, проведённом А. Шафаи, форма сослагательного наклонения была определена как наиболее распространённая форма глагола в зависимой части условной конструкции [12, 563ص.]. Также в анализе русских условных конструкций надо обратить внимание на грамматическую категорию глагольного вида, так как морфологическая категория времени строится на основе противопоставления различных видовременных глаголов [13, с. 93].

С нашей точки зрения, широко принятой классификацией для выражения реального условия в персидском языке является классификация, предложенная

Б. Мохташами [3, с. 331–335]. Поскольку, согласно концепции условных предложений, событие, описанное в зависимой части, должно произойти перед событием, описанным в главной части, данная классификация основана на времени глагола в зависимой части. Другими словами, исходя из того, какое время может иметь глагол зависимой части, будет установлено время глагола главной части. Например, если время глагола в придаточном предложении является прошедшим, время глагола в главном предложении может быть только настоящим или будущим:

(а) اگر زیاد کار می کنید سلامتی شما به خطر می افتد.
[Агар зияд **кār** миконид салāматиз шомā бэ хатар миофтад]¹. (Если вы много работаете, ваше здоровье подвергается риску)

(б) اگر زیاد کار می کنید سلامتی شما به خطر خواهد افتاد.
[Агар зияд **кār** миконид салāматиз шомā бэ хатар хāхад офтад]. (Если вы много работаете, ваше здоровье подвергнется риску).

Поскольку для нашего исследования важно сравнение обоих компонентов – главной и зависимой частей – условных конструкций, мы сравниваем обе части конструкций персидского языка с их русскими эквивалентами.

Согласно классификации Б. Мохташами [3, 331–335], существуют следующие временные формы глаголов в зависимой части условных предложений, выражающих реальное условие:

1. Настоящее время в сослагательном наклонении. В данном случае глагол в главной части может употребляться в простом настоящем времени (а) или в будущем времени (б):

(а) اگر به کتابخانه بروی این کتاب را پیدا میکنی.
[Агар бэ кэтабхāнэ бэрави ин кэ-таб рā пэйдā микони]. (Если пойдёшь в библиотеку, найдёшь эту книгу)

(б) اگر به کتابخانه بروی این کتاب را پیدا خواهی کرد.
[Агар бэ кэтабхāнэ бэрави ин кэ-таб рā пэйдā хāхи кард]. (Если пойдёшь в библиотеку, найдёшь эту книгу)

Как это можно наблюдать, в русских эквивалентах время глаголов обеих частей – будущее совершенного вида. Подобно примеру (а), можно привести другой пример, который с точки зрения смысла будет выражать одну постоянную обусловленность двух событий [14, с. 247]. Например:

اگر ماسی را رها کنیم به زمین میافتد.
[Агар мā сиби рā **рахā** коним бэ замин миофтад]. (Если мы роняем одно яблоко, оно падает на землю)

В подобных предложениях время глаголов в обеих частях предложения является настоящим. В примере (б) времена глаголов в соответствующих главных частях в персидском и русском языках одинаковы. Важно отметить, что в персидском языке глагол будущего времени никогда не появляется в зависимой части условных конструкций [3, 331].

2. Простое настоящее время. В данном случае глагол в главной части может употребляться в простом настоящем времени (а), в будущем времени (б) или в повелительном наклонении (в):

(а) اگر از این راه برمیگردی کتابخانه را میبینی.
[Агар аз ин рāх бармигарди кэтабхāнэ рā мибини]. (Если вы вернётесь этим путём, вы увидите библиотеку).

(б) اگر خوب درس میخوانی موفق خواهی شد.
[Агар хуб дарс михāни мовафаг хāхи шод]. (Если ты хорошо учишься, добьёшься успеха)

(в) اگر به اصفهان میروی از موزه دیدن کنی.
[Агар бэ Эсфāхāн миравид аз музе дидан конид]. (Если вы поедете в Исфахан, посетите музей)

В примере (а), несмотря на то, что предложение и его перевод относятся к событию в будущем, грамматическое время глаголов русского эквивалента не совпадает с временем глаголов персидского предложения. Но существуют примеры, где времена глаголов в двух предложениях совпадают и представлены в настоящем времени, например:

اگر تو راست میگوئی من خوشحال هستم.

¹ Таблица транслитерации приведена в конце статьи.

[Агар то рāст мигуи ман хошхāl хастам]. (Если ты говоришь правду, я рад).

В случае (б) грамматическое время глаголов предложения и его перевод полностью соответствуют, а в случае (в) – не соответствуют в зависимой части.

3. Прошедшее время в сослагательном наклонении. В данном случае глагол в главной части может употребляться в настоящем совершенном времени (а), в простом настоящем времени (б) или в будущем времени (в):

(а) اگر به اصفهان رفته باشید میدان نقش جهان را دیدهاید. (а) [Агар бэ Эсфaхāн рафтэ бāшид мēйдāнэ Накш-э Джахан рā дидэх-ид]. (Если вы были в Исфахане, вы видели площадь Накш-э Джахан)

(б) اگر او از مسافرت آمده باشد به نزد او میرویم. (б) [Агар у аз мосāфэрат āмадэ бāшад бэ наздэ у миравим]. (Если он приехал из поездки, мы поедem к нему)

(в) اگر او از مسافرت آمده باشد به نزد او خواهیم رفت. (в) [Агар у аз мосāфэрат āмадэ бāшад бэ наздэ у хāхим рафт]. (Если он приехал из поездки, мы поедem к нему)

В случае (а) грамматическое время глаголов русского эквивалента соответствует времени глаголов персидского предложения, где глагол в персидской зависимой части находится в сослагательном наклонении. В случае (б) времена глаголов в зависимых частях не соответствуют: глагол в персидской зависимой части представлен в настоящем времени, в то время как глагол в русской зависимой части – в будущем. Отметим, что в русском языке существуют примеры, где глагол в главной части может быть в настоящем времени, когда он указывает на то, что происходит именно в момент речи: «Если Петров вернулся с заседания, то сейчас принимает экзамен» (Агар Пэтров аз джаласех баргаиштэх бāшад акнун эмтахāн мигирад) [4, с. 39]. В примере (в) времена глаголов в зависимых частях соответствуют, однако глагол в персидской зависимой части находится в сослагательном наклонении.

4. Простое прошедшее время. В данном случае глагол в главной части может употребляться только в повелительном наклонении:

اگر مریم را دیدی سلام مرا به او برسان.
[Агар Марьям рā диди салāмэ марā бэ у бэрэсāн]. (Если увидишь Марьям, передай ей мой привет)

Повелительные предложения по смыслу указывают на действие, которое должно быть выполнено в будущем, и этот смысл общий для персидского и русского языков. В главной части данного предложения существует имплицитное временное соответствие, но времена глаголов зависимых частей различаются, так как время глагола персидской зависимой части – простое прошедшее, а время глагола зависимой части русского предложения – будущее.

5. Настоящее совершенное время. В данном случае глагол в главной части может употребляться в настоящем совершенном времени (а), в простом настоящем времени (б), в будущем времени (в) или в повелительном наклонении (г):

(а) اگر شما به مدرسه رفته باشید خواندن و نوشتن را یاد گرفته باشید.
[Агар шoма бэ мадрэсэ рафтэ-ид хāндан ва нэвэзитан рā йād гэрэфтэ-ид]. (Если вы ходили в школу, вы научились читать и писать)

(б) اگر «جنایت و مکافات» را خوانده‌ای داستانهای داستانی را می‌شناسی.
[Агар «Дженāйат ва мокафāt» рā хāндэ-и Достоевский рā мишнāси]. (Если вы читали «Преступление и наказание», вы знаете Достоевского)

(в) اگر درس را خوب یاد گرفته‌ای امتحان را خوب خواهی داد.
[Агар дарс рā хуб йād гэрэфтэ-и эмтэхāн рā хуб хахи дād]. (Если ты хорошо выучил урок, ты хорошо сдашь экзамен)

(г) اگر کتاب را خوانده‌اید آن را به کتابخانه برگردانید.
[Агар кэтāб рā хāндэ-ид āн рā бэ кэтабхāнэ баргардāнид]. (Если вы прочитали книгу, верните её в библиотеку)

В примере (а) глаголы персидского предложения и его русского эквивалента представлены в прошедшем времени. В зависимости от того, относится ли

персидское предложение к длительному действию или к результату, глаголы главной и зависимой частей эквивалентного русского предложения могут принимать форму несовершенного или совершенного вида. В случае (б) главные части персидского и русского предложений представлены в настоящем времени, но следует отметить, что, как и в случае (а), глаголы русского предложения могут принимать оба вида в зависимости от значения, то есть глагол главной части может быть в будущем времени, а глагол зависимой части – в прошедшем времени совершенного вида: *Если ты выучил стихотворение, ты пойдёшь на конкурс (Агар шэр рā хэфз кардэ-и бэ мосабзгат мирави)*. Предложения (в) и (г) полностью соответствуют своим русским эквивалентам по времени глаголов.

6. Прошедшее длительное время. В этом случае глагол в главной части может употребляться только в прошедшем длительном времени:

اگر او زود به خانه میآمد با بچهها بازی میکرد.
[Агар у зуд бэ хāнэ миāмад бā бачэхā бази микард]. (Если он приходил домой рано, он играл с детьми)

В приведённом примере грамматическое время глаголов русского эквивалента полностью совпадает с временем глаголов персидского предложения. Глаголы русского предложения употребляются в форме несовершенного вида. Предложения, подобные представленному выше примеру, как в персидском, так и в русском языке относятся к связи между двумя постоянными или повторяющимися действиями в прошлом, и обычно в них можно заменить наречие «если» на наречие «когда».

По итогам проведённого исследования можно отметить существование в русском языке условной конструкции, не имеющейся в персидском языке. В данной конструкции глаголы обеих частей представлены в будущем времени и в несовершенной форме: «Если Аня будет готовить еду, Таня будет мыть посуду».

В персидском языке такой смысл можно выразить только с помощью конструкции, в которой время глагола в зависимой части предложения является настоящим в сослагательном наклонении, а время в главной части – будущее. Более того, в отличие от русского языка, в персидском языке имеют место конструкции, в которых оба глагола в обеих частях предложения представлены в простом настоящем времени.

Заключение

Сравнив времена глаголов в условных конструкциях, выражающих реальные условия в персидском и русском языках, можно сделать вывод, что наибольшее различие возникает в следующих случаях:

1. Когда время глагола в главном и придаточном предложениях русских условных конструкций является будущим. В персидском же языке такое не допускается.

2. Когда время глагола в придаточном предложении русского языка будущее, а глагол в главном предложении представлен в форме повелительного наклонения. В аналогичном же случае в персидском языке время глагола в придаточном предложении – прошедшее.

Условные конструкции в обоих языках следуют относительно схожим закономерностям, особенно когда времена глаголов в главной и зависимой частях обоих языков являются прошедшими или когда время глагола в главной части в обоих языках – будущее.

За исключением повелительных предложений, время глагола главной части в персидских предложениях, указывающих на событие в будущем, обычно настоящее, в то время как в соответствующей русской конструкции предпочтение обычно отдаётся будущему времени.

Данные результаты исследования подчёркивают важность различий и сходств грамматического времени глаголов в аспекте сравнения и сопоставления структур двух неблизкородственных

языков. Они могут служить основой для дальнейших исследований в области сопоставительного языкознания и лингвистической типологии, а также найти применение в образовательных и переводческих практиках. В будущем изуче-

ние других типов сложноподчинённых предложений, включающих конструкции, выражающие нереальные условия, может расширить и углубить исследование различий и сходств между языками восточнославянской и иранской групп.

Таблица транслитерации

Персидская буква	Русская транслитерация	Персидская буква	Русская транслитерация
آ	[ā]	ذ - ز - ض - ظ	[з]
ا - اَ	[a]	ر	[p]
إ - اِ	[э]	ژ	[ж]
أ - اُ	[o]	ش	[ш]
ای	[и]	غ - ق	[г]
او	[y]	ف	[ф]
ب	[б]	ک	[к]
پ	[п]	گ	[г]
ت - ط	[т]	ل	[л]
ث - س - ص	[с]	م	[м]
ج	[дж]	ن	[н]
چ	[ч]	و	[в]
ح - ه	[х]	ی	[й]
خ	[x]	یا	[я]
د	[д]		

ЛИТЕРАТУРА

1. معاصر // زبان فارسی و گویش‌های ایرانی: دانشگاه گیلان. سری 2. شماره 6. 1397. 55-71.
2. وحیدیان کامیار ت. جملات شرطی در زبان فارسی // مجله زبان‌شناسی. شماره 2. 56-43.1364.
3. محتشمی ب. دستور کامل زبان فارسی. تهران: انتشارات اشراقی، 1370. 648 ص.
4. Храковский В. С. Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. 340 с.
5. وزین‌پور ن. دستور زبان فارسی. تهران: انتشارات معین، 1375. 291 ص.
6. ماهوتیان ش. دستور زبان فارسی از دیدگاه رده‌شناسی. تهران: نشر مرکز، 1378. 366 ص.
7. میرزایی آ. ساختار جملات شرطی در زبان فارسی // زبان‌شناخت. تهران: پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی، شماره 2. 1399. 259-239.
8. ابن‌الرسول م. کاظمی س. کاظمی م. رابطه معنایی جمله‌واره پایه و پیرو در جمله‌های شرطی زبان فارسی // ادب فارسی. تهران: دانشگاه تهران. شماره 17. 1395. 112-93.
9. دبیرمقدم م. صدیقی فر ز. آموزش جمله‌های شرطی زبان فارسی به غیر فارسی زبانان: مقایسه دو روش تدریس ساختاری و تکلیف - محور // پژوهش‌نامه ی آموزش زبان فارسی به غیر فارسی زبانان. 1391. شماره 2. 59-31.
10. Лекант П. А., Клобуков Е. В., Маркелова Т. В. Современный русский язык: пособие для педагогических учебных заведений. М.: Дрофа, 2001. 448 с.
11. Saeed J. I. Semantics. United Kingdom: Wiley–Blackwell, 2009. 480 p.
12. شفائی ا. مبانی علمی دستور زبان فارسی. تهران: نوین، 1363. 645 ص.
13. Коршунова А. С., Лагута Н. В. Грамматические средства выражения категории времени в русском языке // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 90. С. 92–96.
14. Кокорина С. И., Бабалова Л. Л., Метс Н. А. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов. М.: Русский язык, 1985. 408 с.

REFERENCES

1. نغزگوی کهن م. بقائی ع. زمان دستوری جهان‌های ممکن ساخت شرطی در زبان فارسی معاصر // زبان فارسی و گویش‌های ایرانی: دانشگاه گیلان. سری 2. شماره 6. 1397. 55-71.
2. وحیدیان کامیار ت. جملات شرطی در زبان فارسی // مجله زبان‌شناسی. شماره 2. 1364. 43-56.
3. محتشمی ب. دستور کامل زبان فارسی. تهران: انتشارات اشراقی، 1370. 648 ص.
4. Khrakovsky, V. S. (1998). *Typology of conditional constructions*. Sr. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
5. وزین‌پور ن. دستور زبان فارسی. تهران: انتشارات معین، 1375. 291 ص.
6. ماهوتیان ش. دستور زبان فارسی از دیدگاه رده‌شناسی. تهران: نشر مرکز، 1378. 366 ص.
7. میرزایی آ. ساختار جملات شرطی در زبان فارسی // زبان‌شناخت. تهران: پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی، شماره 2. 1399. 239-259.
8. ابن‌الرسول م. کاظمی س. کاظمی م. رابطه معنایی جمله‌واره پایه و پیرو در جمله‌های شرطی زبان فارسی // ادب فارسی. تهران: دانشگاه تهران. شماره 17. 1395. 93-112.
9. دبیرمقدم م. صدیقی‌فر ز. آموزش جمله‌های شرطی زبان فارسی به غیر فارسی‌زبانان: مقایسه دو روش تدریس ساختاری و تکلیف – محور // پژوهش‌نامه‌ی آموزش زبان فارسی به غیر فارسی‌زبانان. 1391. شماره 2. 31-59.
10. Lekant, P. A., Klobukov, E. V. & Markelova, T. V. (2001). *Modern Russian language: a manual for pedagogical educational institutions*. Moscow: Drofa publ. (in Russ.).
11. Saeed, J. I. (2009). *Semantics*. United Kingdom: Wiley–Blackwell.
12. شفافانی ا. مبانی علمی دستور زبان فارسی. تهران: نوین، 1363. 645 ص.
13. Korshunova, A. S. & Laguta, N. V. (2020). Grammatical means of expression of the category of time in the Russian language. In: *Bulletin of the Amur State University. Humanities*, 90, 92–96 (in Russ.).
14. Kokorina, S. I., Babalova, L. L. & Mets, N. A. (1985). *Practical grammar of the Russian language for foreign teachers of Russian studies*. Moscow: Russkiy yazyk publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тайебианпур Фериял (г. Исфахан, Иран) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского и русского языков Исфаханского университета;

ORCID: 0000-0002-9995-0246; e-mail: f.tayebianpour@fgn.ui.ac.ir

Ибрагимшарифи Шлер (г. Исфахан, Иран) – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского и русского языков Исфаханского университета;

ORCID: 0000-0001-9683-9473; e-mail: sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ferial Tayebianpour (Isfahan, Iran) – PhD (Philology), Assistant Professor, Department of French and Russian Language, University of Isfahan;

ORCID: 0000-0002-9995-0246; e-mail: f.tayebianpour@fgn.ui.ac.ir

Shler Ebrahimsharifi (Isfahan, Iran) – PhD (Philology), Assistant Professor, Department of French and Russian Language, University of Isfahan;

ORCID: 0000-0001-9683-9473; e-mail: sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

Научная статья

УДК 81'44

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-89-96

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ 'ГОРДОСТИ' В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Юй Вэньсинь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация
e-mail: ywx970614@163.com

Поступила в редакцию 30.10.2023

После доработки 11.01.2024

Принята к публикации 15.01.2024

Аннотация

Цель статьи – выявление, изучение и систематизация метафорических средств выражения гордости как проявления высокой самооценки в русском и китайском языках с целью установления сходств и различий в способах языкового представления данного значения.

Процедура и методы. В процессе исследования на основе корпусно-ориентированного подхода были использованы различные виды лингвистического анализа: анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа, сравнительный анализ, морфемный анализ. Использовались также общенаучные методы: описательный метод, метод классификации.

Результаты. Метафорические образы 'гордости', представленные в различных языках, обладают как общими, так и национально-культурными чертами. Общими для русского и китайского языков являются метафоры ориентационного типа (верх); онтологические (человек, газ, огонь, свет) и структурные (болезнь). В китайском языке 'гордость' может быть ассоциирована с национально-культурными метафорами «полбутылки жидкости» и «гниющее растение».

Теоретическая значимость. Систематизированы средства метафорического выражения значения 'гордости', что может способствовать идеографическому описанию этого фрагмента ментально-эмоциональной сферы человека. Выявлены возможные несовпадения в концептуализации действительности в разных языках. Установлены национально-культурные компоненты в обозначении понятия 'гордость'.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, гордость, средства выражения, самооценка, высокая самооценка

Для цитирования:

Юй Вэньсинь. Метафорические средства обозначения 'гордости' в русском и китайском языках // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 89–96. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-89-96>

Original research article

METAPHORICAL MEANS UTILIZED TO EXPRESS PRIDE IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Yu Wenxin

Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation
e-mail: ywx970614@163.com

Received by the editorial office 30.10.2023

Revised by the author 11.01.2024

Accepted for publication 15.01.2024

Abstract

Aim. To analyze, study and categorize metaphorical strategies used to convey heightened self-esteem (pride) in Russian and Chinese languages. It aims to identify shared traits and nuanced distinctions in linguistic techniques for expressing this intricate aspect of human emotion.

Methodology. In the course of the research, various types of linguistic analysis were used on the basis of a corpus-oriented approach: analysis of dictionary definitions, contextual analysis, elements of component analysis, comparative analysis, morphemic analysis. General scientific methods were also used: descriptive method, classification method.

Results. The metaphorical images of 'pride' present in various languages have both common and national-cultural features. Common to Russian and Chinese languages are orientation-type metaphors (up); ontological (human, gas, fire, light) and structural (disease). In Chinese, 'pride' can be associated with the national cultural metaphors of "half a bottle of liquid" and "a rotting plant".

Research implications. The article is about the systematization of means expressing the meaning of pride, which can contribute to the ideographic description of this fragment of the mental-emotional sphere of person; identification of possible discrepancies with the means of different languages, and establishment of national and cultural components in the designation of the concept of pride.

Keywords: metaphors, metaphorical model, pride, means of expression, self-esteem, high self-esteem

For citation:

Yu, Wenxin (2024). Metaphorical means utilized to express pride in Russian and Chinese languages. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 89–96. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-89-96>

Введение

Изучение языкового образа человека, его внутреннего мира, чувств и эмоций привлекает внимание многих лингвистов, таких как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, В. И. Шаховский других [1; 2; 3; 4; 5]. Гордость, являясь одной из основных форм выражения высокой самооценки, представляет собой противоречивую эмоцию как в русском, так и в китайском языках. Преувеличенная, завышенная самооценка в тех случаях, когда гордость сопровождается чрезмерным самодовольством, проявляется в пренебрежении к другим, в подчёрки-

вании собственного высокого положения и достоинства [6, с. 157], осуждается обществом, так как чрезмерное преувеличение своих достоинств ни в русском, ни в китайском обществе не признаётся положительным качеством [1, с. 39]. Однако когда гордость связана с чувством собственного достоинства, она получает положительную оценку.

Эмоция гордости, как и многие другие эмоции, недоступна для непосредственного наблюдения. В этом плане А. Вежицкая предлагает смысловой подход к изучению эмоций [4, с. 367], а Н. Д. Арутюнова рассматривает метафору как

ключ к пониманию основ мышления и чувств [2, с. 5]. Известный российский лингвист В. И. Шаховский признавал важность изучения эмоций, отметив, что эмоции выступают в качестве посредника между миром и его отражением в языке. Он подчеркнул, что «отражение эмоционального опыта говорящего локализуется в смысловой структуре соответствующих языковых единиц на различных уровнях языка» [5, с. 31]. Многие лингвисты создавали и развивали теорию метафоры (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, В. Н. Телия и др.). Фархад Шарифян (Farzad Sharifian) предполагал, что культурная метафора представляет собой кросс-доменную концептуализацию, и некоторые из них являются неметафорической концептуализацией, вытекающей из мировоззрения носителей языка [7]. Интеграция теории концептуальной метафоры и теории 'динамики силы', разработанной Л. Талми, согласно З. Кёвечешу (Zoltán Kövecses), предполагает, что большинство метафор эмоций связано с понятием силы, поэтому была выдвинута теория 'эмоция – сила' [8]. В работе «Метафоры, которыми мы живём» авторы в контексте изучения метафоры подчёркивают её важную роль в мышлении и когнитивных процессах. Метафора, соотнося различные сущности, описывает объекты одной сферы с помощью терминов другой сферы. В разных языках существуют различные метафоры для обозначения одного и того же объекта, что обусловлено неполным соответствием ценностных систем в культуре и самой системой метафор [9]. Метафора не только способна выражать ценностные и оценочные смыслы, но также может компактно сохранять и передавать информацию от одного поколения к другому [10, с. 25]. Исследование способов выражения значения 'гордости' как проявления высокой самооценки в русском и китайском языках вписывается в современную лингвистическую парадигму [11, с. 9].

Методология и материал исследования

В ходе данного исследования, осуществляемого на основе корпусно-ориентированного подхода, применялись различные виды лингвистического анализа: анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа, сравнительный анализ, морфемный анализ. Использовались также общенаучные методы: описательный метод, метод классификации.

Материалом исследования послужили лексические и фразеологические единицы двух языков со значением 'гордость' и их словарные дефиниции. Анализ лексико-фразеологических единиц был дополнен исследованием текстовых примеров, выбранных из НКРЯ (Национальный корпус русского языка)¹ и ВСС (Корпус китайского языка)².

Метафоры 'гордости' в русском и китайском языках

Согласно словарю С. И. Ожегова *гордость* толкуется как «1. Чувство собственного достоинства, самоуважения. 2. Чувство удовлетворения от чего-н. 3. Высокомерное, чрезмерно высокое мнение о себе, спесь»³. В русском языке синонимический ряд слова *гордость*, состоящий из слов с положительной и отрицательной оценкой (*достоинство, самоуважение; высокомерие, гонор, надменность, заносчивость* и др.) включает лексическую единицу *гордыня*. *Гордость* и *гордыня*, являясь однокоренными словами, различаются оценочным компонентом значения. В значение слова *гордыня* входит абсолютно отрицательная оценка.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 10.07.2023). Далее – НКРЯ.

² ВСС [Электронный ресурс]. URL: <http://bcc.bcu.edu.cn/> (дата обращения: 20.09.2023). Далее – ВСС.

³ См.: Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 20.07.2023).

Ср: Батюшка читал проповедь на тему «Гордыня – начало греха». (И. П. Ювачев. Дневник).

В китайском языке 'гордость' выражается как 骄傲 (цзяо ао). Согласно словарю Синхуа, эти два иероглифа со значением 'считать себя чрезмерно великим и презирать других'¹, характеризуются книжным стилем.² В современном словаре китайского языка толкование включает следующие значения: «1. Быть самовлюбленным и смотреть на других свысока; 2. чувствовать себя польщенным; 3. удовлетворяться достижениями или успехами тех, с кем ассоциирует себя субъект»³. В китайском языке на основе иероглифов 骄 (цзяо) и 傲 (ао) в книжной речи образовано несколько синонимов 'гордости': 倨傲 (букв. гордость + гордость + отрицательная оценка); 骄矜 (букв. гордость + гордость + отрицательная оценка), различающихся по стилистическим характеристикам: два синонима характеризуются книжным стилем⁴.

В противоположность этому синоним 自豪 (букв. сам, человек выдающийся) обозначает ощущение гордости за достижения в области государства, нации, личности или за тех, кто связан с субъектом особыми отношениями: 自豪 (букв. сам, человек выдающийся) включает положительную оценку.

Проведённый анализ показал, что в русской и китайской культурах признаками эмоции гордости являются следующие:

1) когда гордость положительно оценивается, семантическая структура слова включает признак 'признание своей ценности и значимости, удовлетворение

успехами или достижениями, своими или близких субъекту людей';

2) когда гордость отрицательно оценивается, семантика слова включает 'презрение к окружающим из-за высокого положения' и отрицательную оценку обществом преувеличенной высокой самооценки субъекта.

Классификация метафорических моделей 'гордости' в русском и китайском языках, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, включает в себя три варианта: ориентационные метафоры, основанные на восприятии человеческого пространства и его расположения (верх, низ, назад); структурные – интерпретация одного объекта путём ассоциации с другим (болезнь); и онтологические, основанные на восприятии абстрактных понятий как материальных сущностей (человек, газ, огонь, свет, гнилые растения и полбутылки жидкости). Рассмотрим их более подробно.

Гордость – «верх». В русской и китайской культурах, выражение 'гордости' связано с высоким статусом и обозначается с помощью пространственных метафор, таких как «верх». Гордящийся человек рассматривает себя как личность, занимающую высокое положение в обществе, что проявляется в особенностях поведения и внешнем виде. Приведём примеры, связывающие гордость с верхом, с высотой: *Ты в гордости своей с высот / На низменны мои мнишь кровы* (Г. Р. Державин. Ко второму соседу)⁵. В китайском языке: 小谭骄傲地向上斜了斜眼. 老舍《无名高地有了名》⁶ *Сяотан гордо поднял глаза вверх, наклонив их вбок*⁷ (Лао Ше. Безымянная вершина получила имя).

Гордость – «низ». В китайской культуре чрезмерная гордость рассматривается как качество нравственно падшего человека, поэтому связана с простран-

¹ См.: 同义词大词典/程荣主编, 上海辞书出版社, 2018. 426页 (Тезаурус синонимов / под ред. Чэн Жуна).

² См.: 新华字典, 商务印书馆出版社, 2000. 231页 (Словарь «Синьхуа»).

³ См.: 现代汉语词典. 商务印书馆, 2016. 652页 (Современный словарь китайского языка).

⁴ См.: 同义词大词典/程荣主编, 上海辞书出版社, 2018. 426页 (Тезаурус синонимов / под ред. Чэн Жуна).

⁵ Здесь и далее русскоязычные примеры подобраны в НКРЯ.

⁶ Здесь и далее примеры на китайском языке из корпуса китайского языка ВСС.

⁷ Здесь и далее перевод автора статьи – Ю. В.

ственными метафорами «низа». В данной метафоре гордость представляется с отрицательной стороны. Это выражается в китайском языке следующим образом: 骄傲自满是我们的一座可怕的陷阱, 而且, 这个陷阱是我们自己亲手挖掘的. 老舍: *Гордыня и самодовольство – это ужасная низкая ловушка, и, что ещё хуже, это ловушка, которую мы сами для себя подготовили* (Лао Ше).

В русской культуре «низ» связан с наказанием за гордость, последствием гордости: *Теперь злоумышление в яме, / За гордость свержено, лежит* (М. В. Ломоносов, Оды похвальные и Оды духовные). В китайском языке, в отличие от русского, последствия чрезмерной гордости с отрицательной оценкой могут быть представлены с помощью пространственной метафоры «назад». В Китае хорошо известна фраза Мао Цзэдуна: 虚心使人进步, 骄傲使人落后 (人民日报, 1959年11月), что означает: *Скромность способствует прогрессу, а гордость приводит к отставанию* (Народная газета, 11.1959). Метафора «назад» в данном контексте позволяет визуально представить негативные последствия, к которым приводит гордость.

Гордость – человек. Персонификация часто используется в метафорических выражениях. В речи ассоциации с гордостью тесно связаны с персонификацией. Например: гордость может просыпаться, пробудиться, позволить / не позволить что-либо: *Однако гордость не позволила мне спастись перед суеверием втихомолку* (Марина Палей. Дань саламандре). В китайском языке: 黎明之前, 当农夫们听到他如鬼魅般的声音在呼唤时, 他的骄傲觉醒了. 叶芝《神秘邮件》*Перед рассветом, когда крестьяне услышали его призывающий голос, словно голос призрака, его гордость пробудилась* (Йейтс. Таинственное письмо). 男性的骄傲阻止他首先招呼对方. 周克芹《许茂和他的女儿们》*Его мужская гордость не позволяет ему первым инициировать привет-*

ствие с другим (Чжоу Кэцин. Сю Мао и его дочери).

Гордость – огонь. В ходе изучения метафоры уже было установлено, что «интенсивные эмоции, такие как гордость, часто представляются в образе вспыхнувшего огня» [3, с. 392]. В русском языке 'гордость' тоже ассоциируется с пылающим огнём: *Отвергнет, гордостью пылая ...* (А. С. Пушкин. Графу Олизару). В китайском языке: 骄傲象一把灼人的火, 它会烧毁孩子的前程. *Гордыня способна уничтожить будущее ребёнка, как палящий огонь* (Народная газета, 10.06.1987).

Гордость – свет. Свет часто в русской и китайской культурах воспринимается как символ яркости, благородства и позитивности. Семантика 'гордости' также может включать в себя высокую положительную самооценку. Ассоциируя свет с гордостью, можно использовать яркий свет для метафорического выражения этой эмоции, подчёркивая позитивные аспекты: *Но у него блестит не только лицо, – он весь сияет, с головы до ног; олимпийская сила и гордость светится в каждом напряженном мускуле, от шеи до ступней* (Н. Н. Страхов. Мир как целое). 讲述着祖父的辉煌茶事, 吴庭元的孙子、现年71岁的吴润泉老人双眼闪烁着骄傲. *При рассказе о великольном предпринимательстве в сфере чая своего дедушки У Цзиньюаня, 71-летний старик У Жуньцюань светится от гордости, которая исходит из его блестящих глаз* (газета Фуцзянь, 07.07.2008).

Гордость – газ. Согласно Н. Д. Арутюновой, «эмоция имеет тенденцию заполнить собой все “нутро” человека» [3, с. 389], поэтому гордость часто метафорически представляется как газ, который способен заполнить человека изнутри: с помощью гордости можно надуть или раздуться (*гордостью надул, раздувалась от гордости*). Следует отметить, что в данной метафоре гордость характеризуется только с отрицательной стороны. Это подтверждают следующие примеры: *Так говорил ей Дрим, и она про-*

сто раздувалась от гордости, слыша это (Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке). 她灵魂深处涌起感谢的眼泪, 同时又充满了类似虚荣心的骄傲。(苏雪林, 棘心, 1929): В её душе потекли слёзы благодарности, но также она раздулась от гордости и тщеславия (Су Сюэлинь. Тернистое сердце, 1929). 不过, 福堂此刻内心也充满了说不出的骄傲和荣耀。(路遥, 平凡的世界, 1986). Однако в данный момент сердце Фу Тана также надулось неопикуемой гордостью и славой (Лу Яо. Обычный мир, 1986).

Гордость – болезнь. Установлено, что «образы эмоций варьируются в зависимости от типа чувства, и вредоносные эмоции, такие как гордость, сравниваются с болезнью» [3, с. 396]. Таким образом, отрицательные характеристики эмоции 'гордость' могут быть выражены в метафорической модели «гордость – болезнь». Это отображает связь между гордостью и негативными последствиями, которые она может принести так же, как болезнь может повредить здоровью человека: «Исцелить гнойные раны, нанесенные ее душе гордостью и самомнением, матушка и решила в первую очередь» (Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние, 2004). В китайском языке: 强而骄者损其强, 弱而骄者亟死亡。(管仲, 《管子》). Гордость способна ослабить даже сильных, а слабых может мучить до смерти (Гуань Чжун, Гуаньцзы).

В китайском языке, в отличие от русского, преувеличенная самооценка и гордость могут быть представлены с помощью метафор «гниющее растение» и «полбутылки жидкости». Эти метафоры помогают осмыслить отрицательные аспекты гордости. Рассмотрим эти метафоры более подробно.

Гордость – «гниющее растение». Обращение к растительной метафоре «гниющее растение» при обозначении преувеличенной самооценки в китайском языке связано с традиционными ценностями общества. В китайской культуре

'гордость' рассматривается преимущественно как отрицательное качество и считается нежелательной характеристикой человека. Гниущее растение символизирует разрушение и упадок, что отражает взгляд общества на гордость как на что-то разрушительное и вредное для личности, что демонстрируют следующие примеры: 别人夸, 一枝花; 自己夸, 烂冬瓜。¹ Тот, кто получает похвалу от других, словно свежий цветок, испускающий аромат; а тот, кто гордится, словно гниущая зимняя тыква, издающая зловоние. 自称好, 烂稻草。² Гордый человек словно гниущее соломенное сено. 自夸没人爱, 残花没人戴。³ Как увядающий цветок, который никто не носит в волосах, так и никто не любит гордых людей.

Гордость – «полбутылки жидкости». 半瓶醋, 好晃荡⁴: букв. Половина бутылки уксуса склонна трясти себя. 满壶全不响, 半壶响叮当⁵: Смысл этого высказывания объясняется следующим образом: Кувшин, наполненный водой, при тряске не издаёт звука; кувшин наполовину с водой, при тряске издаёт громкие звуки. Полбутылки жидкости при тряске издаёт больше звука, чем полная бутылка. Это значит, что человек, истинно обогащённый знаниями, проявляет скромность и воздерживается от пустой саморекламы. Только горделивые дилетанты, полужайки и недоучки часто гордятся своими знаниями и способностями, преувеличивая свои достоинства в попытке подчеркнуть своё высокое положение. К тому же запах уксуса, очень резкий, вызывает отвращение, что отражает неприятие, отторжение гордости в китайском обществе.

¹ См.: 谚语大全词典 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esk365.com/yanyu/> (дата обращения: 20.08.2023) (Словарь сборника пословиц).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Заключение

Итак, сравнение в двух языках метафорических средств выражения высокой самооценки, реализуемой в эмоции 'гордость', позволяет выявить как общие, так и национально-специфические компоненты значения. Общие элементы включают использование ориентационных метафор, которые широко употребляются и в русском, и в китайском языках для выражения гордости. Кроме того, метафоры «газ», «огонь», «свет» и «болезнь» тоже употребляются для выражения высокой самооценки. Однако важно отметить, что данные метафоры могут иметь разную оценку. Например: «болезнь» – с

отрицательной оценкой, «свет» – с положительной оценкой, «раздут от гордости (газ)» – в русском языке с отрицательной оценкой, а в китайском языке нередко с положительной. «Огонь» подчёркивает интенсивность гордости в русском языке, а в китайском языке связан чаще всего с отрицательной оценкой. В китайском языке представлены метафоры «полбутики жидкости» и «гниющее растение», которые также ассоциируются с высокой самооценкой и гордостью. Гнилые растения в китайской культуре символизируют упадок, коррупцию, поэтому использование их для описания гордых людей предполагает, что гордыня может привести к нравственному разложению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 511 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
5. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37.
6. Карасик В. И. Осмысление гордости в русской и английской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 157–171. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-157-171.
7. Sharifian F. Cultural Linguistics: cultural conceptualizations and language. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. 238 p.
8. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 240 p.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 252 с.
10. Богданова Л. И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 24–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02.
11. Милославский И. Г. «Цель» как характеристика лингвистического исследования // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация 2017. № 1. С. 9–23.

REFERENCES

1. Апресян, Ju. D. (1995). The image of man: An experiment in systemic description based on linguistic data. In: *Topics in the Study of Language*, 1, 37–67 (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1990). *Theory of metaphor*. Moscow: Progress publ. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the world of man*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ. (In Russ.).
4. Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russkiye slovari publ. (In Russ.).
5. Shakhovskiy, V. I. (2019). Linguistic theory of emotions and its foundations. In: *Journal of Psycholinguistics*, 1 (39), 22–37. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37 (In Russ.).
6. Karasik, V. I. (2018). Linguistic conceptualization of pride in Russian and English cultures. In: *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 16 (2), 157–171. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-2-157-171 (in Russ.).

7. Sharifian, F. (2017). *Cultural Linguistics: cultural conceptualizations and language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
8. Kövecses, Z. (2000). *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. New York, Cambridge: Cambridge University Press.
9. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS publ. (In Russ.).
10. Bogdanova, L. I. (2023). Man in the reflection of the zoomorphic metaphor. In: *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2, 24–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02 (In Russ.).
11. Miloslavskiy, I. G. (2017). “Target” as a characteristic of the linguistic research. In: *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 1, 9–23 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юй Вэньсинь (г. Москва) – аспирант кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
ORCID: 0009-0004-8882-5070; e-mail: ywx970614@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yu Wenxin (Moscow) – Postgraduate Student, Department of comparative analysis of languages, Lomonosov Moscow State University;
ORCID: 0009-0004-8882-5070; e-mail: ywx970614@163.com

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК: 81–23

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-97-109

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ПОСРЕДСТВОМ ЗООНИМНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Гусева А. Е.^{*}, Корчагина Е. П.

Государственный университет просвещения, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2,
Российская Федерация

**Корреспондирующий автор, e-mail: angst51@rambler.ru*

Поступила в редакцию 22.01.2024

Принята к публикации 30.01.2024

Аннотация

Цель исследования – установление национально-культурной специфики фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, тесно связанных с проблемами изучения индивидуального образного мышления и выявления общих черт и различий между картинами мира и ценностями отдельных этносов с использованием средств их отражения в языке, в частности на материале английского и немецкого языков как близкородственных германских языков.

Процедура и методы. Материал для исследования – фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках – был отобран методом сплошной выборки из двуязычных и одноязычных словарей и проанализирован с помощью метода компонентного анализа, описательного, сравнительно-сопоставительного методов, а также методики количественного подсчёта.

Результаты. 205 фразеологических единиц немецкого языка и 207 фразеологических единиц английского языка были распределены по тематическим группам, отражающим интеллектуальные, физические, волевые свойства, эмоциональное состояние, характер человека, а также характеристики, не относящиеся к человеку. В немецком языке преобладают фразеологические единицы, представленные 18 группами, отражающими такие характеристики, как «Самолюбие», «Хитрость», «Агрессивность», и заключающими в себе негативное значение. В английском языке фразеологизмы с компонентом-зоонимом представлены 25 тематическими группами, в которых преобладают фразеологизмы, которые обозначают такие признаки, как «Неудача», «Агрессивность», и обладают также негативным значением.

Теоретическая и/или практическая ценность. Результаты исследования могут быть использованы при изучении семантики, структуры, коннотативных и стилистических особенностей фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках, а также при изучении языковых картин мира носителей представленных лингвокультур. Результаты проведённого анализа могут найти применение на практических занятиях по немецкому и англий-

скому языкам, на семинарских занятиях по лексикологии, в лексикографической практике при составлении словарей специального типа.

Ключевые слова: зоонимная фразеология, национально-культурные стереотипы, языковая картина мира, английский язык, немецкий язык

Для цитирования:

Гусева А. Е., Корчагина Е. П. Вербализация национально-культурных стереотипов посредством зоонимной фразеологии (на материале английского и немецкого языков) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 97–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-97-109>

Original research article

VERBALIZATION OF THE NATIONAL AND CULTURAL STEREOTYPES THROUGH ZOONYMIC PHRASEOLOGY BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

A. Guseva*, E. Korchagina

Federal State University of Education, ulitsa Radio 10 build. 2, Moscow 105005, Russian Federation

**Corresponding author, e-mail: angst51@rambler.ru*

Received by the editorial office 22.01.2024

Accepted for publication 30.01.2024

Abstract

Aim. To establish the national and cultural specificity of phraseological units with a zoonym component, which are closely related to the problems of studying individual imaginative thinking and identifying common features and differences between worldviews and values of individual ethnic groups using means of their reflection in the language, in particular on the material of English and German as closely related Germanic languages.

Methodology. The material for the study – the phraseological units with a zoonym component in German and English – was selected by a continuous sampling method from the bilingual and monolingual dictionaries, and analyzed using the method of component analysis, descriptive, comparative methods, as well as quantitative calculation methods.

Results. 205 phraseological units of the German language and 207 phraseological units of the English language were divided into thematic groups reflecting intellectual, physical, volitional properties, emotional state, character of a person, as well as characteristics not related to a person. The German language is dominated by phraseological units represented by 18 groups reflecting such characteristics as “Self-love”, “Cunning”, “Aggression”, and containing a negative meaning. In English, the phraseological units with a zoonym component are represented by 25 thematic groups, in which phraseological units predominate, which denote such signs as “Failure”, “Aggression”, and also have a negative meaning.

Research implications. The results of the research can be used in the study of semantics, structure, connotative and stylistic features of the phraseological units with a zoonym component in German and English, as well as in the study of language worldviews of native speakers represented by linguistic cultures. The results of the analysis can be used in practical classes in German and English, in seminars on lexicology, in lexicographic practice when compiling dictionaries of a special type.

Keywords: zoonymic phraseology, national and cultural stereotypes, language picture of the world, English, German

For citation:

Guseva, A. E. & Korchagina, E. P. (2024). Verbalization of the national and cultural stereotypes through zoonymic phraseology based on the material of the English and German languages. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 97–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-97-109>

Введение

Цель исследования – провести сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц (далее – ФЕ) с компонентом-зоонимом на материале немецкого и английского языков.

Материалом для анализа выступили 205 ФЕ немецкого языка, 207 ФЕ английского языка с ядром *зооним*, которые были найдены путём сплошной выборки из двуязычных и одноязычных словарей, таких как Duden, Band 11: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten¹, Duden, Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache², Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache³ в немецком языке, Longman Dictionary of Contemporary English⁴, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners⁵ в английском языке. Задачи исследования состоят в сборе и анализе ФЕ с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках, сравнительно-сопоставительном анализе национально-культурной специфики ФЕ с компонентом-зоонимом, выделении интегральных и дифференциальных признаков вышеупомянутых лингвокультур.

Методология исследования

Термин «стереотип» впервые использовал американский журналист У. Липпман [1], утверждавший, что стерео-

тип – это «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой картинки мира в голове человека». С течением времени было предложено множество других определений, согласно которым стереотип представляет собой устойчивое, стандартизированное представление, общепринятое мнение или узнаваемый образ относительно какой-то группы людей, объекта или явления. Это предубеждённое мнение или представление, которое часто основано на обобщениях, искажениях или упрощениях [2; 3; 4; 5; 6].

Одним из источников реализации и вербализации стереотипов являются ФЕ языка. Так, А. В. Кунин справедливо отмечает, что «особую роль в ... трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет ... фразеологический состав языка, так как в образном содержании его единиц воплощено ... культурно-национальное мировидение» [7, с. 231].

В. Н. Телия [8–10] отмечает, что благодаря культурной коннотации реализуется взаимосвязь языка и культуры, которая образуется в результате интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами, отражающими народный менталитет. Стереотипы могут касаться различных аспектов жизни, таких как национальность, пол, возраст, социальный статус, профессия и другие характеристики.

Виды стереотипов можно классифицировать по различным критериям. Например, существует *лингвистический стереотип*, связанный с языковыми особенностями определённой группы людей, такими как акцент, интонация, лексика и грамматика. Также можно выделить *социокультурные стереотипы*, относящиеся к

¹ Duden, Band 11: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Mannheim: Dudenverlag, 2000. 955 S.

² Duden. Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bd. / Hrsg. Von G. Drosdowski. Mannheim: Dudenverlag, 1977–1981. 2987 S.

³ Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. v. G. Drosdowski. Mannheim: Dudenverlag, 1992. 2991 S.

⁴ Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.11.2023).

⁵ Rundell M. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. New York: Macmillan Education, 2002. 1692 p.

поведенческим и культурным особенностям народов, их обычаям, традициям и образу жизни [6].

Стереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными, и часто формируются на основе ограниченной информации, предвзятости или даже недопонимания. В контексте лингвистики и межкультурной коммуникации важно осознавать наличие стереотипов и стремиться к их преодолению через обучение, освещение различий и поощрение уважительного отношения к разнообразию культур и языков.

Стереотипы могут иметь значительное влияние на межкультурное взаимодействие, а также на процессы коммуникации. Они могут привести к недопониманию, конфликтам и даже дискриминации.

Существует также понятие *языкового стереотипа*, которое относится к устойчивым представлениям о языковых группах, диалектах или языках, которые могут быть искажёнными или упрощёнными. Языковые стереотипы могут действовать на восприятие определённых говорящих, влияя на их оценку или отношение [6].

Важно помнить, что стереотипы не всегда отражают реальное положение вещей и часто являются результатом предвзятости, недостаточной информированности или недопонимания [11]. Таким образом, необходимо стремиться к открытому и уважительному отношению, изучению других культур и языков, а также критическому осмыслению устоявшихся представлений.

Следует отметить, что стереотипы не всегда соответствуют реальности, и они могут приводить к недооценке или переоценке определённых групп людей. Стереотипизация может препятствовать пониманию и взаимодействию в обществе, поэтому важно осознавать и анализировать свои собственные стереотипы, а также стремиться к их преодолению в обществе [5].

Методология исследования предполагает сравнительно-сопоставительный анализ ФЕ с компонентом-зоонимом двух исследуемых лингвокультур.

Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет выявить общие и различные черты между картинами мира и ценностями отдельных этносов с использованием средств их отражения в языке, в частности на материале английского и немецкого языков как близкородственных германских языков.

Данное исследование включает в себя следующий алгоритм: выборка ФЕ с компонентом-зоонимом, группировка национально-культурных стереотипов посредством ФЕ с компонентом-зоонимом по семантическим группам, анализ полученного материала, выделение интегральных и дифференциальных признаков языковых картин мира.

Типология стереотипов

Описание типологии стереотипов начнём, прежде всего, с характеристики национально-культурных стереотипов. В лингвокультурологических работах национальный характер понимается как «фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отражённых в культуре стереотипов» [12]. Национально-культурные стереотипы отражают общепринятые представления об особенностях поведения, убеждений, культуры представителей различных национальностей или этнических групп. Национально-культурные стереотипы возникают в связи с ожиданиями и представлениями о поведении, характере, культуре и языке представителей определённой нации или этнической группы.

Данный вид стереотипов может формироваться на основе языка, исторических событий, религиозных особенностей, этнической символики и других культурных аспектов [6].

На сегодняшний день выделяют [4; 10; 12; 13] несколько групп националь-

но-культурных стереотипов: образы «национального характера», языковые стереотипы, кулинарные стереотипы, стереотипы в сфере межкультурного общения, стереотипы о традициях и обычаях, эстетические стереотипы, стереотипы в межкультурных отношениях и браках, стереотипы в межкультурной коммуникации и многие другие.

Следующими базовыми понятиями являются понятия авто- и гетеростереотипов. Так, автостереотипы – это стереотипы, которые относятся к представлениям, которые члены этнической группы имеют о самих себе. Это представления о себе самом, о своих соотечественниках, о своей культуре и традициях [6]. Например, это может быть убеждение в том, что люди определённой этнической принадлежности обладают определёнными качествами, чертами характера или способностями. На формирование автостереотипов большое влияние оказывают телевидение, газеты, журналы, классическая и современная литература, фольклор, интернет [12].

Гетеростереотипы, в отличие от автостереотипов, – это представления о других этнических группах, которые могут быть распространены в обществе и связаны с наблюдениями, убеждениями или мнениями об этнических группах, к которым сам человек не относится. Это могут быть устоявшиеся представления, которые могут не соответствовать реальности, но формируют общественное мнение [14]. Следует отметить, что автостереотипы могут быть внутренне оспариваемыми, так как люди могут обладать более положительным внутренним представлением о своей группе, чем внешние стереотипы, связанные с их этнической принадлежностью. Гетеростереотипы, с другой стороны, могут быть источником стереотипизации и дискриминации, что делает их значимым объектом изучения и осознания. Оба типа стереотипов могут оказывать влияние на взаимодействие и межгрупповые отношения. Повышение

осознанности относительно этнических стереотипов, а также обучение и общение могут помочь преодолеть негативные аспекты этих представлений.

В лингвистике гетеростереотипы являются одной из форм стереотипов, связанных с использованием языка. Гетеростереотипы возникают в результате взаимодействия различных социокультурных групп и могут быть связаны с определёнными представлениями о других людях, основанными на их принадлежности к определённым социокультурным группам, таким как национальность, религия, пол и т. д.

Классификации гетеростереотипов в лингвистике могут включать подходы, основанные на различных аспектах структуры языка, контексте их использования, социокультурной среде и других факторах. Гетеростереотипы могут изучаться как часть социолингвистических и когнитивно-лингвистических исследований, их влияния на межкультурное общение и восприятие других людей.

Изучение гетеростереотипов помогает понять, как язык формирует и поддерживает стереотипы и какие механизмы могут использоваться для их изменения и преодоления.

Один из подходов к классификации гетеростереотипов предполагает деление их на *положительные* и *отрицательные*. Положительные гетеростереотипы могут отражать идеализацию и похвалу другой социокультурной группы, в то время как отрицательные – содержать негативные представления и стереотипы. Например, положительный гетеростереотип о представителях другой национальности может заключаться в их обаянии и гостеприимстве, в то время как отрицательный гетеростереотип может предполагать агрессивность или лентяйство.

Другой подход к классификации гетеростереотипов может предложить разделение их на стереотипы, связанные с *определёнными социокультурными группами* (например, по национальности, ре-

лигии, профессии и т. д.), и стереотипы, связанные с *индивидуальными характеристиками* (например, возраст, пол, внешность). Такая классификация позволяет изучать влияние различных аспектов идентичности на формирование и восприятие гетеростереотипов.

Зоонимная фразеология и её место в языковой картине мира

Зоонимная фразеология представляет собой использование образов и ассоциаций, связанных с животными, в фразах и выражениях. Это могут быть метафоры, сравнения или просто устойчивые выражения, в которых животные играют ключевую роль. Место зоонимной фразеологии в картине мира может быть значительным, поскольку она способствует культурному и лингвистическому обогащению, а также формированию образов и представлений.

Зоонимические ФЕ отличаются особой лингвокультурологической интернациональностью, благодаря которой можно выявить национально-культурную специфику и лингвокультурологические универсалии языков мира, отражающиеся в языке, что способствует изучению самой языковой ситуации.

Семантическая структура ФЕ с компонентом-зоонимом имеет множество ассоциаций благодаря наблюдениям людей в процессе их взаимодействия с животными, вследствие чего происходит сравнение человека с животными. Однако следует помнить, что данные ассоциации могут различаться в языках, а это в свою очередь обуславливает формирование языковой картины мира определённой общности.

При исследовании ФЕ с компонентом-зоонимом, которые ассоциируются с человеком, важно рассмотреть такую важную составляющую фразеологизма, как коннотация.

В работе Е. Ф. Арсентьевой «Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, ориентированных на человека в

английском и русском языках)» коннотация понимается «как совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-стилистический компонент» [15]. Все упомянутые компоненты коннотации в значении ФЕ выполняют свои функции вместе, однако следует отметить, что они могут выступать иногда в разных комбинациях.

Благодаря метафорическому, метонимическому переносу или сравнительному образу к денотативному компоненту добавляется коннотативный. Значение ФЕ могут приобретать как экспрессивные, так и эмоционально-оценочные семы. Следует помнить, что при употреблении ФЕ важен контекст, так как благодаря ему становится понятно, что это не простое сочетание слов, а единица, которая несёт в себе не только денотативное значение, но и коннотативное, состоящее из экспрессивности, стилистической и эмоциональной окраски.

Как правило, выделяются отрицательный, положительный и нейтральный компоненты значения ФЕ, в основе которых находится порицание, одобрение.

Компонент-зооним обладает важной функцией для формирования индивидуального значения ФЕ. Когда зооним превращается в составляющую часть ФЕ, то он лишается своего лексического значения, другими словами, пропадает способность обозначать животное.

Эти выражения не только являются частью языка, но и отражают некоторые культурные и социальные нюансы в обществе. Они могут быть использованы для передачи определённых ситуаций, эмоций или мыслей, а также для создания образов и метафор, связанных с миром животных, который может быть важным аспектом культурного кода.

Практический материал исследования, в состав которого вошли 205 немецких и 207 английских ФЕ с компонентом-зоонимом, был проанализирован с семантической точки зрения, что позво-

лило выделить особенности в коннотации зоофразеологизмов, отражающих человеческие качества, эмоциональные, волевые и интеллектуальные характеристики и состояния, а также нормы поведения в обществе. В немецком языке ФЕ с компонентом-зоонимом были распределены по 18 семантическим группам, в английском языке – по 23 семантическим группам, отражающим национально-культурную специфику говорящих (см. рис. 1 и рис. 2).

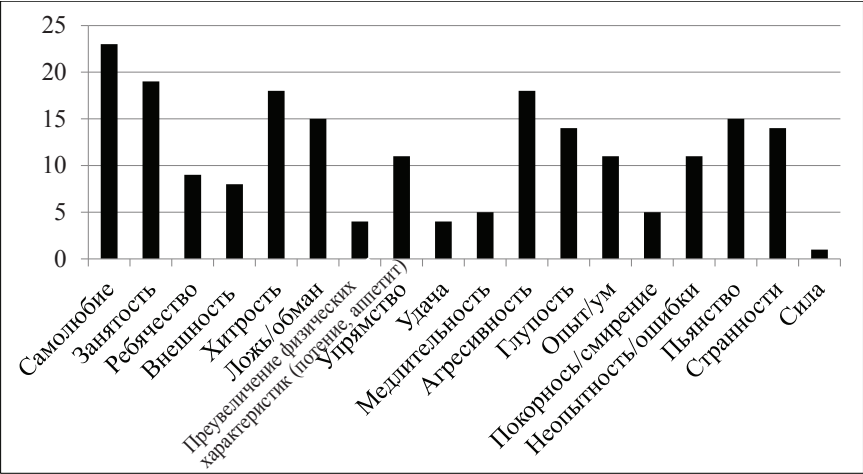

Рис. 1 / Fig. 1. Семантические группы ФЕ с компонентом-зоонимом в немецком языке / Semantic groups of the phraseological units with a zoonym component in German

Источник: составлено авторами

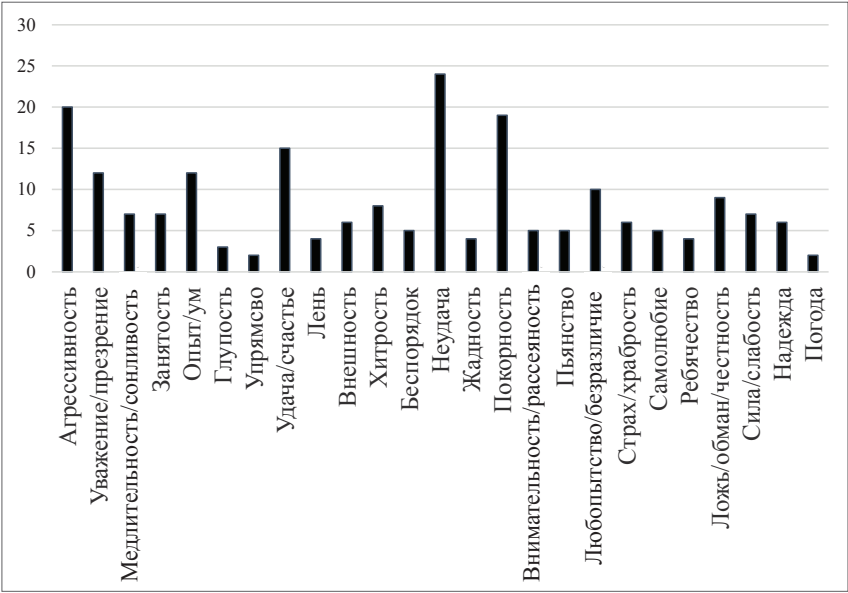

Рис. 2 / Fig. 2. Семантические группы ФЕ с компонентом-зоонимом в английском языке / Semantic groups of the phraseological units with a zoonym component in English

Источник: составлено авторами

Зоонимы могут быть вложены в культурные контексты и образы. Например, в немецком языке ФЕ *"wie die Kuh vorm neuen Tor stehen"* («установиться как баран на новые ворота») означает «быть растерянным, не знать, что делать». Фразеологические единицы *"emsig/fleißig wie die Ameisen"* («прилежный, трудолюбивый, как муравьи»), *"einen Bienenfleiß entwickeln"* («неутомимо работать как пчела»), *"eine fleißige Biene sein"* («быть неутомимой труженицей»), *"Da werden ja die Hühner verrückt!"* («Не все дома!»), *"störrisch wie Esel"* («упрямый, как осёл») вербализуют стереотип о немецкой дисциплине, прилежности или, наоборот, об упрямстве.

Данные фразеологизмы подчёркивают консервативные черты немецкой культуры и её ориентацию на стабильность и порядок. ФЕ *"wie die Katze um den heißen Brei schleichen"* и *"wie die Schlange in der Brusttasche"* характеризуют немцев как осторожных и иногда нерешительных личностей. ФЕ *"wie der Frosch im heißen Wasser"* выражает немецкую приверженность к плавному приспособлению к изменениям. ФЕ с компонентом-зоонимом «сверчок» (*Grille*) отражают страх и беспокойство, например, *"j-d hat Grillen im Kopf"* («в голове какая-то блажь»), *"sich Grillen in den Kopf setzen"* («понапрасну беспокоиться»), *"j-m die Grillen vertreiben"* («выбивать дурь из кого-либо / из чьей-либо головы»). Следует отметить, что все эти выражения используются в основном в разговорной речи.

В английском языке, например, фразеологические обороты с участием животных могут отражать следующие характеристики национальных стереотипов. Например, ФЕ *"as sly as a fox"* («хитрый, как лиса»), *"(as) crafty as a fox"* («хитрый, как лиса»), *"play (a game of) cat and mouse (with somebody)"* («играть в кошки-мышки»), *"let the cat out of the bag"* («раскрыть секрет или сделать что-то непреднамеренное»), *"as brisk as a bee"* («проворный, как пчела») могут относиться к английскому стереотипу о лукавстве, ФЕ *"as stubborn as*

a mule" («упрямый, как осёл») относится к непоколебимости, ФЕ *"as busy as a bee"* («занятый, как пчела»), *"bee that gets the honey doesn't hang around the hive"* («пчела, которая добывает мёд, не летает просто так вокруг улья»), *"be up with the lark"* («вставать с петухами, ранняя птичка») – к трудолюбию, ФЕ *"curiosity killed the cat"* («любопытство погубило кошку»), *"Care killed the cat"* («меньше знаешь – крепче спишь» / «не работа старит, а забота» / «любопытной Варваре нос оторвали») – к любопытству. ФЕ *"to kill two birds with one stone"* показывает стремление англичан добиваться двух целей одновременно, *"a leopard can't change its spots"* («человек не может изменить свою сущность») отражает внутренние характеристики человека.

Исследование зоонимной фразеологии в английском и немецком языках может также помочь выявить общие черты и различия в менталитете и культуре англо- и немецкоговорящих стран. Например, в английском языке существуют выражения *"to have a memory like an elephant"* («иметь память как у слона») или *"as quiet as a mouse"* («тихий, как мышь»), которые могут отражать особенности восприятия качеств животных и их ассоциаций с человеческими чертами.

Аналогично в немецком языке также существуют фразеологические обороты, отражающие национальные стереотипы, такие как *"treu wie ein Hund"* («верный как собака»); *"arbeiten wie ein Pferd"* («работать как лошадь») выражают приверженность немцев к пунктуальности и трудолюбию. ФЕ *"Eulen nach Athen tragen"* («не учи учёного», «ехать в Тулу со своим самоваром») подчёркивает практичность и мудрый расчёт немцев. ФЕ *"wie der Elefant im Porzellanladen"* («как слон в посудной лавке») описывает неуклюжее, грубое поведение. Это выражение может отражать немецкую предрасположенность к аккуратности и вежливости в общении. Данные ФЕ с компонентом-зоонимом отражают особенности немецкого менталитета и культуры.

В обоих исследуемых языках ФЕ "where bees are, there is honey" («где есть пчёлы, там ищи мёд»), "no bees, no honey, no work, no money" («нет пчёл – нет мёда» / «нет работы – нет денег»), "eine Biene ist besser, als ein ganzer Schwarm" («одна пчела лучше целого роя мух») отражают ценностные представления немцев о пользе совершаемых действий.

В немецком и английском языках ФЕ с компонентом-зоонимом «бабочка» (butterfly / Schmetterling) ассоциируются в общем совокупном смысле фразеологизма, с одной стороны, с лёгкостью и непринуждённостью поведения человека, например, "feel butterflies in your stomach" («чувствовать бабочек в животе»), "wie ein Schmetterling von einer Blume zu der anderen fliegen" («порхать как бабочка»), "wie ein Schmetterling hin und her flattern" («порхать как бабочка туда-сюда»). С другой стороны – с бессмысленностью (в английском языке) – ФЕ "break a butterfly on the wheel" («стрелять из пушки по воробьям») или с проявлением страха – ФЕ "have butterflies" («иметь бабочек», «мандражировать»).

Зоонимы часто используются в метафорах, что позволяет образно описывать ситуации или характеристики. В немецком языке ФЕ "Da steppt der Bär" («там танцует медведь») означает «оживлённое место, где много развлечений». Данный фразеологизм может отражать тот факт, что в немецкой культуре люди ценят активность, веселье и интенсивные переживания. ФЕ "Da liegt der Hase im Pfeffer" («вот где собака зарыта») показывает, что возникла проблема, также ФЕ "Der Fisch stinkt vom Kopf her" («рыба гниёт с головы») несёт в себе дополнительную характеристику, указывая, что неприятности начинаются с верхнего уровня или руководства, тем самым показывая немецкую требовательность к эффективному управлению и лидерству.

Примеры следующих фразеологизмов с компонентом-зоонимом не только передают смысловую нагрузку, но и от-

ражают определённые культурные особенности, которые могут быть важными для понимания немецкой национальной культуры. Фразеологический оборот "eine Natter am Busen nähren" («пригреть змею на груди») означает проявлять внимание, заботу, любовь к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью, что может свидетельствовать о готовности помочь другим людям, не задумываясь о дальнейших последствиях. ФЕ "arbeiten wie ein Dachs" («работать не покладая рук», дословно: «работать, как барсук») показывает немецкое отношение к трудолюбию. Выражение "Das ist ein Katzensprung" («рукой подать» / «это в двух шагах») означает очень близкое расстояние, буквально: один прыжок кошки, то есть показывает немецкую точность и ориентацию на детали.

В английском языке фразеологический оборот "to have a whale of a time" несёт в себе значение «наслаждаться, отлично развлекаться», буквально: иметь огромное количество времени, где зооним "whale" ассоциируется у нас с чем-то огромным, поскольку кит относится к самым большим млекопитающим на нашей планете и является таким образом ярким примером использования образности при помощи ФЕ.

Такие ФЕ, как "straight from the horse's mouth" («получить информацию от первоисточника, из первых рук»), "Every dog has its day" («у каждого человека приходит свой успех или удача»), "A good dog deserves a good bone" («по заслугам и честь») добавляют красочность и выразительность в тексты на английском языке, а также отражают культурные ассоциации и представления.

Проведённый лингвосемантический сопоставительный анализ ФЕ с компонентом-зоонимом позволяет заключить, что метафорический перенос наименования животного на человека подвергает семантическую структуру ФЕ изменениям [1]. Очевиден тот факт, что кроме прямого значения формируется и пере-

носное значение, то есть образуются два вида характеристик. С одной стороны, это качественные характеристики, которые свойственны одному конкретному животному, представляющему свой биологический вид, и переносимые на человека. Например, трудолюбие лошади, хитрость лисы, бесстрашие льва и так далее. С другой стороны, это признаки, которые

человек сам приписывает представителям царства фауны, несмотря на характеристики, свойственные им в реальной жизни. К примеру, сюда можно отнести умственные, эмоциональные и волевые характеристики. В табл. 1 представлено наличие/отсутствие таких характеристик во ФЕ английского и немецкого языков.

Таблица 1 / Table 1

Наличие вербализованных черт в ФЕ с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках / The presence of the verbalized features in the phraseological units with a zoonym component in German and English languages

Семантическая группа	Немецкий язык	Английский язык
Агрессия	+	+
Хитрость	+	+
Самолюбие	+	+
Глупость	+	+
Странности	+	–
Ложь/обман	+	+
Честность	–	+
Пьянство	+	+
Упрямство	+	+
Незрелость/неопытность	+	–
Медлительность/сонливость	+	+
Покорность/терпеливость	+	+
Трудолюбие	+	+
Лень	–	+
Удача/счастье	+	+
Неудача/трудности	–	+
Опыт/ум	+	+
Озорство	+	+
Жадность	–	+
Сила	+	+
Слабость	–	+
Любопытство	–	+
Внешность (привлекательность / уродливость)	+	+
Страх	–	+
Храбрость	–	+
Уважение	–	+
Внимательность	–	+
Рассеянность	–	+
Надежда	–	+
Беспорядок	–	+
Погода	–	+
Преувеличение физических характеристик	+	–

Источник: составлено авторами

Заключение

Цель нашего исследования заключалась в установлении национально-культурной специфики ФЕ с компонентом-зоонимом, тесно связанных с проблемами изучения индивидуального образного мышления и выявления общих черт и различий между картинами мира и ценностями отдельных этносов с использованием средств их отражения в языке, в частности на материале английского и немецкого языков как близкородственных германских языков. В ходе лингвосемантического сопоставительного анализа были выявлены интегральные и дифференциальные признаки стереотипного образа вышеупомянутых лингвокультур.

В результате анализа мы пришли к выводу, что зоонимная фразеология играет роль в формировании образов и восприятий, являясь важным элементом лингвистического и культурного контекста. Она обогащает язык, делая его более экспрессивным и выразительным, а также способствует передаче культурных норм и ценностей через язык.

Фразеология с использованием зоонимов вносит свой вклад в трактовку окружающего мира. Многие зоонимы

присутствуют в языке как часть лингвистического наследия и культурного кода и их использование связано с традициями и историей.

Используя зоонимную фразеологию, можно создать яркие образы и передать национальные особенности, отражая взгляды общества на свою культуру и образ жизни.

Таким образом, теоретическая значимость исследования направлена на более глубокое изучение семантики, структуры, коннотативных и стилистических особенностей фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецком и английском языках, а также на более детальное изучение двух языковых картин мира носителей, представленных лингвокультур. Результаты работы расширяют наши представления о взаимодействии ФЕ, транслирующих национально-культурные стереотипы.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов на практических занятиях по немецкому и английскому языкам, на семинарских занятиях по лексикологии, в лексикографической практике при составлении словарей специального типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lippman W. Public Opinion. New York: Hartcourt, Brace and Co., 1922. 65 p.
2. Гусева А. Е., Прокофьева О. В. Этнические стереотипы в текстах немецких и британских СМИ // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 6. С. 21–29. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29.
3. Никитина Т. Г. Лингвокультурологический комментарий в словаре пословиц // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 132–138.
4. Новиков А. Л., Новикова И. А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 4. 2019. С. 977–989. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-977-989.
5. Тереньтева С. С. Этнонимы как средства выражения национальных стереотипов в английском языке // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (Саратов, 27 января 2021 г.). Саратов: НОО «Цифровая наука», 2021. С. 166–168.
6. Fernandes K. Translating English WOMAN IS AN ANIMAL metaphors: Spanish native speakers' associations with novel metaphors // Linguistik online. 2021. Bd. 108. Nr. 3. P. 33–66. DOI: <https://doi.org/10.13092/lo.108.7797>.
7. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.

8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 142 с.
9. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание: XI международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 41–56.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. Скитина Н. А., Шабанова В. П. Лингвокогнитивный аспект исследования пословиц с компонентом-ихтионимом в русском, английском и немецком языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 131–143. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-131-143.
12. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007. 368 с.
13. Серегина М. А. Стереотипы лингвокультурного сообщества в зеркале немецкой паремииологии // Филология: научные исследования. 2020. № 3. С. 74–81. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.3.30062.
14. Хатхе А., Читао И., Аутлева Ф., Хуажева Н., Тешева М., Шхалахова Р. Национально-культурная специфика во фразеологии // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 49–3. С. 21–23.
15. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань: Издательство Казанского университета, 1989. 130 с.

REFERENCES

1. Lippman, W. (1922). *Public Opinion*. New York: Hartcourt, Brace and Co.
2. Guseva, A. E. & Prokofeva, O. V. (2023). Ethnic stereotypes in the texts of German and British media. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, 21–29. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-6-21-29 (in Russ.).
3. Nikitina, T. G. (2015). Linguocultural comments in dictionaries of proverbs. In: *Philology and Culture*, 4 (42), 132–138 (in Russ.).
4. Novikov, A. L. & Novikova, I. A. (2019). Ethnic Stereotypes in Intercultural Communication: Psychological and Semantic Aspects. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (4), 977–989. DOI: 10.22363/2313–2299-2019-10-4-977-989 (in Russ.).
5. Terenteva, S. S. (2021). Ethnonyms as a means of expressing national stereotypes in English. In: *New Impetus for Development: Issues of Scientific Research: Collection of Articles from the VIII International Scientific and Practical Conference (Saratov, January 27, 2021)*. Saratov: NOO «Tsifrovaya nauka» publ. pp. 166–168 (in Russ.).
6. Fernandes, K. (2021). Translating English WOMAN IS AN ANIMAL metaphors: Spanish native speakers' associations with novel metaphors. In: *Linguistik online*, 108 (3), 33–66. DOI: <https://doi.org/10.13092/lo.108.7797>.
7. Kunin, A. V. (2005). *Course of phraseology of modern English language*. Dubna: Phenix+ publ. (in Russ.).
8. Teliya, V. N. (1986). *Connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
9. Teliya, V. N. (1993). Cultural and national connotations of phraseological units. In: *Slavic linguistics: XI International Congress of Slavists*. Moscow: Nauka publ. pp. 41–56 (in Russ.).
10. Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kultury” (in Russ.).
11. Skitina, N. A. & Shabanova, V. P. (2019). Proverbs with component 'fish' in the Russian, English, French and German languages: linguo-cognitive aspect of the research. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 131–143. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-131-143 (in Russ.).
12. Leontovich, O. A. (2007). *Introduction to Intercultural Communication*. Moscow: Gnosis publ. (in Russ.).
13. Seragina, M. A. (2020). Stereotypes of linguocultural community in the mirror of german paremiology. In: *Philology: Scientific Researches*, 3, 74–81. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.3.30062 (in Russ.).

14. Khatkhe, A., Chitao, I., Autleva, F., Khuazheva, N., Tesheva, M. & Shkhalakhova, R. (2020). National-cultural specificity in phraseology. In: *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 49–3, 21–23 (in Russ.).
15. Arsenteyeva, E. F. (1989). *Comparative analysis of phraseological units (based on phraseological units semantically oriented towards humans in English and Russian)*. Kazan: Kazan University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусева Алла Ефимовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения;

ORCID: 0000-0002-8755-9346; e-mail: angst51@rambler.ru

Корчагина Екатерина Павловна (г. Москва) – аспирант кафедры германской и романской филологии Государственного университета просвещения;

ORCID: 0009-0009-5606-2060; e-mail: K.korchagina2000@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla E. Guseva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German and Romance Philology, Federal State University of Education;

ORCID: 0000-0002-8755-9346; email: angst51@rambler.ru

Ekaterina P. Korchagina (Moscow) – Postgraduate Student, Department of German and Romance Philology, Federal State University of Education;

ORCID: 0009-0009-5606-2060; email: K.korchagina2000@yandex.ru

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-110-122

КОНТРАСТНАЯ ОБРАЗНОСТЬ КАК ОСНОВА АСПЕКТУАЛЬНОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Скворцова Н. С.

Московский государственный лингвистический университет, 119034, г. Москва,

ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

e-mail: nskvortsova18@gmail.com

Поступила в редакцию 29.03.2024

После доработки 12.04.2024

Принята к публикации 15.04.2024

Аннотация

Цель. Рассмотреть когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования аспектуальной семантики видовременных грамматических конструкций английского языка.

Процедура и методы. Материалом исследования послужили дефиниции ключевых видовременных грамматических конструкций, отобранных по англо-английским словарям и учебникам по грамматике английского языка зарубежных авторов. При помощи методов компонентного, когнитивного и интерпретационного анализа значений исследуются уровни метафоризации, отражающие процесс порождения аспектуальной семантики.

Результаты. Исследование показало, что противопоставление аспектуальных значений базируется на контрастности образов, формирующих значения грамматических конструкций.

Теоретическая и практическая значимость. Разработана авторская методика анализа поуровневого конструирования аспектуальной семантики. Представлены концептуальные схемы, которые отражают контрастные образы, лежащие в основе аспектуального противопоставления.

Ключевые слова: аспект, аспектуальное значение, когнитивная грамматика, контрастный образ, концептуальная метафора, концептуальная схема

Для цитирования:

Скворцова Н. С. Контрастная образность как основа аспектуального противопоставления // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 110–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-110-122>

Original research article

CONTRASTIVE IMAGERY AS THE BASIS OF ASPECTUAL DISTINCTION

N. Skvortsova

Moscow State Linguistic University, ulitsa Ostozhenka 38 build. 1, Moscow 119034, Russian Federation

e-mail: nskvortsova18@gmail.com

Received by the editorial office 29.03.2024

Revised by the author 12.04.2024

Accepted for publication 15.04.2024

Abstract

Aim. To consider the cognitive mechanisms underlying the formation of aspectual semantics of English tense-aspect grammatical constructions.

Methodology. The research material comprises the definitions of key tense-aspect grammatical constructions, selected from English-English dictionaries and textbooks on English grammar by foreign authors. Using the methods of componential, cognitive and interpretive analysis of meanings, the levels of metaphorization reflecting the process of generating aspectual semantics are studied.

Results. The study showed that the opposition of aspectual meanings is based on the contrast of images that form the meanings of grammatical constructions.

Research implications. A methodology for analyzing the level-by-level construction of aspectual semantics has been developed. Conceptual schemes that reflect the contrasting images underlying the aspectual opposition are presented.

Keywords: aspect, aspectual meaning, cognitive grammar, contrastive image, conceptual metaphor, conceptual scheme

For citation:

Skvortsova, N. S. (2024). Contrastive imagery as the basis of aspectual distinction. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, pp. 110–122. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-4-110-122>

Введение

Категория аспектуальности обладает длительной историей изучения, которая продолжается не одно столетие. Отличительной чертой аспектологии в современном понимании является множественность подходов к рассмотрению и решению задач в изучении объёма понятия аспектуальности и содержания данной категории.

Будучи сложным объектом лингвистического познания, аспектуальность можно рассматривать как обширный семантический комплекс, включающий в себя не только грамматическую категорию аспекта, но и аспектуально релевантные классы семантики глаголов, детализирующие информацию о способах действия (зарубежные термины *lexical aspect* «лексический аспект», *Aktionsart* «тип действия»¹), а также различные средства лексики и синтаксиса, образующие контекст. Следует разделять категорию аспекта от аспектуальности в целом: в отличие от грамматической категории аспекта, аспектуальность представляет из себя функционально-семантическую категорию, она включает в себя весь спектр аспектуальных значений мор-

фологических, лексических и синтаксических средств, которые дополняют и уточняют грамматическую категорию аспекта. Аспектуальность как языковое явление отличается сложной организацией и анализируется на разных уровнях языка. При этом, проходя этап формирования на уровне лексической семантики, наиболее существенные аспектуальные смыслы оседают и фиксируются именно в морфологическом строе языка.

Первоначально аспектуальные особенности глаголов в языкознании рассматривались в исследованиях славянского вида. Отечественные учёные провели фундаментальную работу по рассмотрению основных вопросов категории вида [1; 2; 3]. Среди современных работ зарубежных авторов необходимо отметить исследования Х. Филипа, Дж. Хьюсона, Г. де Сварт, Я. Гвозданович, Кр. Майра и Гр. Карлсона, представленные в коллективном сборнике работ *Tense and Aspect* («Время и Аспект») [4]. Данные труды посвящены ключевым вопросам категории аспекта, в том числе её типологии и взаимодействию с категорией времени.

В XXI в. наблюдается качественная смена методов исследования категории аспектуальности в связи с развитием когнитивной лингвистики. Когнитивная те-

¹ Здесь и далее перевод автора статьи – Н. С.

ория языка базируется на постулате, в основе которого лежит идея о том, что язык является продуктом познавательной деятельности человека. Так, используя методы когнитивной лингвистики, учёные получили доступ к анализу концептуальной структуры категории аспекта и исследованию фрагментов окружающей действительности, концептуализируемых данной категорией.

Решение вопросов аспектуальности является важным и актуальным направлением когнитивной семантики в связи с обширной интеграцией данных когнитивной лингвистики в методику преподавания иностранных языков. Исследователи [5; 6; 7] отмечают, что положения когнитивной лингвистики следует использовать для описания грамматического устройства иностранных языков, в особенности при рассмотрении значений грамматических единиц. Полученные в нашем исследовании результаты могут быть применены не только при актуализации учебных пособий по иноязычной грамматике, но и помогут повысить качество информативности словарных статей глагольной лексики в учебных словарях. Вопросы аспектологии до сих пор остаются одной из самых сложных областей в преподавании иностранных языков в связи с тем, что знания об аспектуальных характеристиках формируются у обучающихся на базе знаний о родном языке.

На настоящий момент существует ряд научных работ, посвящённых вопросам концептуализации категории аспекта в английском, немецком, французском и русском языке [8–19]. В круг рассматриваемых проблем входят концептуальные основания морфологической, лексической и синтаксической составляющей аспектуальной семантики. Однако большинство авторов обращается к анализу окружения глагола в предложении, а не к его морфологическим особенностям. Особое освещение получила семантико-синтаксическая категория не/пределности, проявляющаяся в полной мере на

уровне предложения. В целом вопросы лексического аспекта были более детально проанализированы с применением методов когнитивной семантики: разработаны классификации, учитывающие особенности протекания и распределения действий, состояний и событий во времени и включающие наглядные схематические изображения [4; 17; 18; 20].

Грамматический аспект при этом является ядром категории аспектуальности. На морфологическом уровне репрезентированы центральные аспектуальные характеристики, важные для восприятия времени английским лингвистическим сообществом. Тем не менее выделение аспектуальных оппозиций остаётся открытым вопросом в области морфологии. Анализ литературы не позволяет выделить единый принцип выделения аспектуальных оппозиций. О. С. Рыхлова подчёркивает, что на материале английского языка «ещё не до конца исследован вопрос о том, сколько и какие видовые оппозиции представляют категорию вида» [21]. Предположительно, с применением методов когнитивной лингвистики можно рассмотреть основы формирования противоположной аспектуальной семантики с иного ракурса. Цель настоящей статьи – рассмотреть когнитивные механизмы, лежащие в основе значений ключевых видовременных форм глагола английского языка и проанализировать концептуальное устройство аспектуальных оппозиций.

Цель статьи определяет решение следующих задач: 1) выделить методику анализа концептуализации грамматической категории аспекта; 2) проанализировать дефиниционный состав двенадцати видовременных грамматических конструкций (ГК), репрезентированных в англо-английских онлайн-словарях, справочных и учебных материалах по грамматике английского языка американских, британских и ирландских авторов, и составить суммарные дефиниции каждой анализируемой ГК; 3) на основании

компонентного, когнитивного и интерпретационного анализа значений ГК исследовать основные этапы и специфику метафорического осмысления категории аспекта на грамматическом уровне путём выделения базовых концептуальных метафор и более конкретных графических концептуальных схем, которые отражают контрастную образность, предопределяющую формирование аспектуальной оппозиции.

Методика анализа аспектуальной семантики грамматических конструкций

В когнитивной лингвистике абстрактные концепты моделируются при помощи компонентного анализа значений их языковых репрезентантов. Для структуры концептов характерно наличие концептуальных слоёв, которые являются отображением результата познания окружающей действительности и наполнены концептуальными признаками. Согласно И. А. Стернину, «семы отождествляются с концептуальными признаками, семемы – с концептуальными слоями», а «способы категоризации (когнитивные метафоры) интерпретируются как когнитивные признаки» [22, с. 63]. В соответствии с данным положением значения языковых единиц представляют из себя вербализованные элементы концептуальных слоёв и признаков, при этом когнитивные механизмы образования семантики отражают когнитивные признаки концептов. Так, с помощью анализа языковых репрезентаций можно реконструировать содержание концепта и модели его формирования.

Одним из фундаментальных для нашего анализа является положение о том, что в основе формирования семантики грамматических категорий лежит классифицирующе-познавательная деятельность человека: «Функция ... морфологических категорий в организации языка как когнитивной системы состоит в систематизации определенных аспектов че-

ловеческого опыта на самом высоком уровне обобщения и абстракции» [10, с. 371]. Мы считаем, что в формировании семантики категории аспекта задействованы как перцептивные процессы, так и высшие формы мышления и памяти. Аспектуальная система глаголов английского языка концептуализирует особенности и характеристики действий, состояний, процессов и событий.

Согласно всем известной теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [23] в процессе переноса знаний об абстрактных явлениях в языковое пространство участвуют вспомогательные понятия более конкретного характера («источник»), служащие в качестве инструмента передачи свойств абстрактных явлений («цель»). Подобная метафорическая проекция, в основе которой лежат когнитивные механизмы, репрезентирует ментальную способность человека постигать идеи абстрактного характера через опыт повседневной жизни. Устойчивые схемы переноса признаков одной понятийной сферы на другую, закреплённые в языковой традиции, получили название «концептуальных метафор». Например, *Time is a Moving Object* «Время – это Движущийся Объект». Вопреки своей фундаментальности теория концептуальной метафоры в большинстве случаев применима к анализу семантики лексических и фразеологических средств языка. Предположительно, анализ семантики грамматических средств не может быть полным с опорой только на теорию концептуальной метафоры.

При анализе семантики грамматических единиц внимание лингвистов привлекает концепция когнитивной грамматики Р. Лэнекера [24], опирающаяся на идею привлечения образно-схематических моделей для исследования значений языковых единиц. Учёный считает, что семантика языковых единиц включает в себя не только концептуальное содержание, но и определённую образ-схему, репрезентирующую это содержание.

Следует выделить теоретические положения данной концепции, особо важные для нашего анализа. Во-первых, морфема наделена множеством смыслов, формирующих сеть, где выделяются прототипические смыслы и смыслы, уточняющие первые [24]. Анализируя значения ГК и их взаимосвязь, можно смоделировать такую сеть для каждой ГК, передающей определённый набор аспектуальных значений. Во-вторых, значения языковых единиц отражают определённые когнитивные области, то есть структуры знаний [24]. В соответствии с данным положением и теорией концептуальной метафоры при анализе значений ГК рассматривалась связь аспектуальных характеристик, отражённых на грамматическом уровне языка, с понятиями менее абстрактного порядка. В-третьих, семантика языковых единиц не только объективно отражает описываемые фрагменты действительности, но и формируется на основании образ-схем, характеризующихся как способ интерпретации и моделирования когнитивного содержания. Используя в речи определённые ГК, говорящий отбирает один из возможных способов описания ситуации [24]. Подчёркивается, что языковые единицы воспроизводят в сознании базовую часть концептуального содержания. В рамках базы та или иная языковая единица выделяет профиль, то есть определённый фокус внимания [25].

Основываясь на теории концептуальной метафоры и положениях когнитивной грамматики, при помощи компонентного, когнитивного и интерпретационного анализа содержания значений видовременных ГК фиксируются концептуальные метафоры (КМ), базовые механизмы, отражающие связь нескольких когнитивных областей, и далее выделяются концептуальные схемы (КС), в основе которых лежит образ-схема, кодирующая основные элементы семантики ГК.

КМ и КС репрезентируют разные уровни концептуализации аспектуаль-

ных значений ГК. КМ и КС выделяются на основании каждого отдельного значения ГК. При этом КС представляет из себя концептуальную структуру, формируемую на основе более конкретных образных компонентов, рассматриваемых в качестве неких концептуальных примитивов, складывающихся на базе объекта-источника и в дальнейшем служащих концептуальным основанием передачи его свойств. Подобные КС могут быть наглядно представлены через схематизированный рисунок, прообраз типизированной ситуации.

Ход анализа

Анализ основ формирования аспектуальных значений проходил в несколько этапов. На первом этапе определялась методика изучения концептуализации аспектуальных характеристик на грамматическом уровне и определялся соответствующий целям анализа языковой материал исследования.

Глагол и его формы характеризуются регулярностью употребления и обязательностью, а их семантика подвержена наименьшим изменениям, на грамматическом уровне отражены центральные аспектуальные характеристики. В качестве материала исследования использовались дефиниции двенадцати ключевых видовременных ГК английского языка, отобранных по наиболее авторитетным англо-английским онлайн-словарям¹, а также учебникам по грамматике английского языка американских, британских и ирландских авторов². Для нас ГК – это

¹ Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>. (далее – Cambridge Dictionary); Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com>; Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>; The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 19.03.2024).

² Azar B. S., Hagen S. Understanding and Using English Grammar; 5th ed. Hoboken: Pearson Education ESL, 2017. 495 p.; Hewings M. Advanced Grammar in Use;

типичная для каждого времени и вида «формула» соотношения вспомогательного и смыслового глагола, обладающая набором темпоральных и аспектуальных значений.

Наша классификация видовременных форм глаголов основывается на идее Н. А. Бесединой о том, что морфологические формы являются языковой репрезентацией энциклопедического знания [10]. На грамматическом уровне языка отражено не физическое время, а время протекания описываемых событий относительно момента речи, дейктического центра высказывания. Анализ проводится на уровне семантики, поэтому в работе за основу берётся трихотомия временных планов «прошедшее – настоящее – будущее», которая отражена в дефинициях ГК. В работе применяется традиционное для отечественных работ деление форм глагола на аспектуально-темпоральные группы: 1) *Present / Past / Future Simple* «Настоящее / Прошедшее / Будущее Простое»; 2) *Present / Past / Future Continuous* «Настоящее / Прошедшее / Будущее Длительное»; 3) *Present / Past / Future Perfect Simple* «Настоящее / Прошедшее / Будущее Перфектное Простое»; 4) *Present / Past / Future Perfect Continuous* «Настоящее / Прошедшее / Будущее Перфектно-длительное».

На втором этапе анализа изучались основные значения ГК, передающие характеристики различных типов действий, состояний и ситуаций. Дефиниции двенадцати ГК активного залога изъявительного наклонения сравнивались по источникам, отбирались и далее группировались, чтобы выделить суммарную

дефиницию. Для анализа отбиралась каждая схожая дефиниция, встречающаяся более чем в одном источнике. Мы рассматривали узловые значения ГК для определения доминирующих семантических компонентов, отражающих ключевые для определённого аспекта характеристики действий, ситуаций и состояний.

Стоит подчеркнуть, что анализ аспектуальных параметров тесно соотносится с вопросами темпоральности, так как обе категории отражают свойства физического времени. Темпоральность помогает соотнести и распределить отношения предшествования, одновременности и следования между описываемыми событиями и дейктическим центром на оси времени, а аспектуальность позволяет проанализировать внутренние характеристики протекания деятельности по отношению к ходу времени. Данные категории сопряжены и представляют из себя аспектуально-темпоральную систему [21; 26; 27].

На третьем этапе анализа выделялись базовые КМ, являющиеся фундаментом формирования аспектуальных значений на грамматическом уровне, и далее на основании ключевых семантических компонентов значений ГК, передающих аспектуальные характеристики, определялись КС, основу которых составляют образы, наглядно иллюстрирующие данные семантические компоненты.

Результаты анализа

Сравнительный анализ ключевых семантических компонентов значений ГК каждой аспектуально-темпоральной группы выявил, что аспектуальные и темпоральные характеристики, представленные на грамматическом уровне, особым образом формируются на основании пространственно-ориентационных свойств и параметров движения.

Познание окружающего мира прямо зависит от восприятия пространства и движения в нём. Пространственные представления создают систему координат

3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 294 p.; Murphy R. English Grammar in Use; 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 380 p.; Parrot M. Grammar for English Language Teachers; 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 470 p.; Penston T. A Concise Grammar for English Language Teachers. Greystones: TP Publications, 2005. 124 p.; Swan M. Practical English Usage. Oxford: Oxford University Press, 2017. 653 p. (далее – Swan M. Practical English Usage).

нат, с их помощью фиксируется локация событий во времени. Важна при этом и ориентация, от которой зависит направление движения в пространстве. Данные центральные бытийные категории детерминируют положение и характер движения объектов по отношению к определённой точке.

В основе формирования семантических компонентов, передающих темпоральные характеристики, лежит КМ *Time is Positioning in Space and Orientation* «Время – это Положение в Пространстве и Ориентация». Темпоральные значения отражают локализацию и порядок следования действий на оси времени¹. Семантические компоненты, передающие аспектуальные особенности событий и актов, выстраиваются, в свою очередь, на базе комплексных КМ *Aspect is Motion (Absence of Motion) with (without) Direction* «Аспект – это Движение (Отсутствие Движения) с (без) Направлением(я)» и *Aspect is Boundary (Absence of Boundary)* «Аспект – это Ограничение (Отсутствие Ограничения)». При этом основные семантические компоненты значений ГК, передающие характеристики одной аспектуальной группы, в основном базируются на одном из элементов, представленных в данных КМ. Например, значения ГК группы Perfect, формируются на основе КМ *Aspect is Absence of Motion* и *Aspect is Boundary*.

При сопоставлении ведущих семантических компонентов значений каждой отдельной аспектуальной группы (например, ведущие семантические компоненты ГК аспектуальной группы Simple в сравнении с основными компонентами значений ГК аспектуальных групп Continuous, Perfect и Perfect Continuous, значения ГК группы Continuous в сравнении со значениями ГК групп Perfect и Perfect Continuous, соответственно, и так далее)

выявилось, что в основе формирования семантических компонентов, передающих противопоставляемые в аспектуальном плане характеристики, лежат противоположные элементы комплексных КМ: *Aspect is Absence of Motion – Aspect is Motion with(without) Direction* или *Aspect is Absence of Boundary – Aspect is Boundary*.

В рамках данной статьи мы рассмотрим примеры противопоставления одной из семантических доминант значений ГК, выделяемой в рамках аспектуальной группы Simple, отдельным семантическим доминантам значений ГК остальных трёх аспектуальных групп.

1. Семантические компоненты *a single action* «однократное действие» – *an incomplete action in progress* «незавершённое действие в процессе» значений ГК, репрезентирующих аспектуальные группы Simple и Continuous, являются примером регулярного противопоставления в аспектуальной системе английского языка. В основе формирования данных семантических компонентов лежат следующие КМ: *Aspect is Absence of Boundary* и *Aspect is Absence of Motion – Aspect is Motion without Direction*. Противоположная семантика базируется на основе контрастных образов, отражающих характер движения: статика – динамика (см. рис. 1, рис. 2).

Статичный образ *точка* репрезентирует локализацию одноразовых завершённых действий в зоне прошлого, настоящего и будущего на оси времени. Подобный образ может быть ассоциирован с моментальным действием или целостной деятельностью. Примеры:

He left at the end of November «Он уехал в конце ноября».

*I will pay you back, I **promise**, when I get paid* «Я обещаю, что отдам тебе деньги, когда мне заплатят»².

*In another thirteen minutes the alarm **will go off**. This **will close** an electrical contact, causing the explosive to detonate* «Че-

¹ В основе глагольной семантики лежит линейная модель времени, на основании которой в дальнейшем в составе КС выделяется образный компонент *вектор*, поделённый на три временные области.

² Cambridge Dictionary.

Рис. 1 / Fig. 1 Концептуальная схема, репрезентирующая семантический компонент *a single action*, выделяемый в значениях ГК группы Simple / The conceptual scheme illustrating the semantic component *a single action* identified in the meanings of grammatical constructions that represent the Simple aspect

Источник: составлено автором

Рис. 2 / Fig. 2 Концептуальная схема, репрезентирующая семантический компонент *an incomplete action in progress*, выделяемый в значениях ГК группы Continuous / The conceptual scheme illustrating the semantic component *an incomplete action in progress* identified in the meanings of grammatical constructions that represent the Continuous aspect

Источник: составлено автором

рез тринадцать минут сработает сигнал. Электрический контакт замкнётся, и это приведёт к взрыву»¹.

Динамичный образ *волнистая линия* репрезентирует локализацию длительных действий и процессов в области прошлого, настоящего и будущего на оси времени. Данный образ отражает динамику протекания неоконченного действия в моменте и не имеет направления. Примеры:

I was having dinner when he called «Я ужинал, когда он позвонил».

What time's dinner? – I'm cooking now so it'll be ready in about half an hour «Когда обед? – Я сейчас готовлю еду, примерно через полчаса всё будет готово».

This time next week, I'll be taking photographs with my new camera «На следующей неделе в это время я буду делать снимки на мой новый фотоаппарат»².

2. В основе формирования семантических компонентов *a single action* «однократное действие» – *an action completed*

before a certain moment «действие, совершённое до определённого момента» значений ГК, репрезентирующих аспектуальные группы Simple и Perfect, лежит КМ *Aspect is Absence of Motion* и оппозиция КМ *Aspect is Absence of Boundary – Aspect is Boundary*. Данные семантические компоненты противопоставляются на основании контрастного образа, отражающего отсутствие/наличие временной границы, маркирующей момент, к которому совершилось действие (рис. 1, рис. 3).

Образ *точка с вертикальной границей* локализует действия, совершённые к определённому моменту в области прошедшего, настоящего и будущего на оси времени. Данный образ статичен и не имеет направления, так как передаваемое им значение отражает некий результат или факт совершения действия. Точка не соприкасается с осью времени, так как для данного значения не важно конкретное время исполнения действия, а только результат его осуществления к определённому моменту. Например:

¹ Swan M. Practical English Usage.

² Cambridge Dictionary.

Рис. 3 / Fig. 3 Концептуальная схема, репрезентирующая семантический компонент *an action completed before a certain moment*, выделяемый в значениях ГК группы Perfect / The conceptual scheme illustrating the semantic component *an action completed before a certain moment* identified in the meanings of grammatical constructions that represent the Perfect aspect

Источник: составлено автором

I'd seen all of Elvis Presley's movies by the time I was 20! «К двадцати годам я посмотрел все фильмы с Элвисом Пресли».

The company employs around 400 staff and has recently opened an office in the UK «Компания насчитывает примерно 400 сотрудников и открыла недавно новый офис».

Won't she have retired by the end of the year? «Разве она не уйдёт на пенсию к концу следующего года?»¹

3. В основе формирования семантических компонентов *a single action* «однократное действие» – *an action that started before a certain moment and still continues at this moment or finishes before this moment* «действие, которое началось до определённого момента, продолжается в этот момент или заканчивается к этому моменту» значений ГК, репрезентирующих аспектуальные группы Simple и Perfect Continuous, лежат оппозиции КМ *Aspect*

is *Absence of Motion* – *Aspect is Motion with Direction* и *Aspect is Absence of Boundary* – *Aspect is Boundary*. Данные семантические компоненты противопоставляются на основании контрастных образов, отражающих статику – динамику и отсутствие/наличие временной границы, маркирующей момент, к которому действие совершилось или во время которого ещё продолжается (рис. 1, рис. 4).

Образ волнистая линия с вертикальной границей локализует действия, начавшиеся и длившиеся до или во время и после определённого момента в области прошедшего, настоящего и будущего на оси времени. Данный образ динамичен и направлен в сторону вертикальной границы, отображая протекание действия во времени и его отношение к определённому моменту. Волнистая линия соприкасается с осью времени, так как в контексте может быть указание на отправную точку

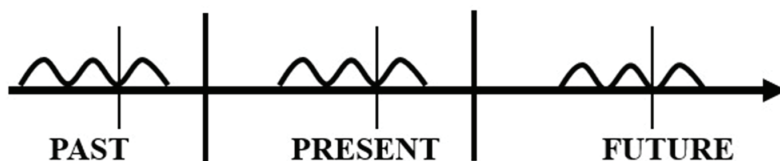

Рис. 4 / Fig. 4 Концептуальная схема, репрезентирующая семантический компонент *an action that started before a certain moment and still continues at this moment or finishes before this moment*, выделяемый в значениях ГК группы Perfect Continuous / The conceptual scheme illustrating the semantic component *an action that started before a certain moment and still continues at this moment or finishes before this moment* identified in the meanings of grammatical constructions that represent the Perfect Continuous aspect

Источник: составлено автором

¹ Cambridge Dictionary.

действия или время всего периода протекания действия с помощью предлогов *since* и *for*. Примеры:

It had been raining and the ground was still wet «Шёл дождь, земля всё ещё была мокрая».

She has been writing her autobiography since 1987 «Она пишет свою автобиографию с 1987 года».

We're late. I think they'll have been waiting for us. We'd better go «Мы опаздываем. Я думаю, они нас будут ждать. Нам пора»¹.

Заключение

Когнитивный подход к изучению представленности аспектуальных характеристик в языке позволяет учесть роль когнитивных факторов в процессах формирования аспектуальных значений и способствует нахождению новых путей изучения глубинной сущности грамматической категории аспекта, в определённой степени расширяя представление о ней.

Исследование показало, что аспектуальные характеристики транслируются в область языка через перцептивный канал: концептуализация грамматической категории аспекта представляет из себя сложный процесс, состоящий из нескольких уровней метафоризации. Исходной точкой являются системообразующие КМ, отражающие противоположные характеристики движения и особенности деления пространства по отношению к моменту речи. В основе противопоставляемых в аспектуальном плане семантических компонентов лежит оппозиция противоположных элементов КМ. Данные элементы КМ отражают оппозицию характеристик концептов-источников.

Далее процесс метафоризации может быть наглядно репрезентирован с помощью КС, в составе которых выделяются конкретные образы движения и пространственного ограничения, отражающие разные виды действий, состояний и событий, их характер протекания и

временные рамки. Данные КС являются моделями когнитивных механизмов концептуализации категории аспекта на грамматическом уровне, с помощью которых можно упорядочить и систематизировать аспектуальные значения ГК трёх времён английского языка.

Значения ГК, репрезентирующие аспектуальные группы Simple, Continuous, Perfect, Perfect Continuous, передают не только прямо противоположные характеристики действий, состояний и событий, но и различные детали, отражающие восприятие англоговорящими описываемой ситуации. Сопоставление всех аспектуальных групп друг с другом показало, что в большинстве случаев в основе различия передаваемых аспектуальных характеристик ситуаций лежит оппозиция одной из КМ, то есть или *Aspect is Absence of Motion – Aspect is Motion with (without) Direction* (группы Simple – Continuous, Perfect – Perfect Continuous), или *Aspect Absence of Boundary – Aspect is Boundary* (группы Simple – Perfect, Continuous – Perfect Continuous). В отдельных случаях в противопоставлении аспектуальных характеристик задействована оппозиция обеих КМ (Simple – Perfect Continuous, Continuous – Perfect). При этом чем больше задействовано оппозиционных КМ, тем меньше проявляется прямая противоположность аспектуальных характеристик, что объясняется сложностью образной составляющей, на основе которой происходит формирование аспектуальных значений. Однако именно когнитивный анализ значений ГК позволяет разложить подобный метафорический комплекс на образные составляющие, которые базируются на некоем контрасте (статичность – динамичность, наличие – отсутствие границы).

В целом, аспектуальные характеристики, представленные в языке, отражают интерпретацию описываемых событий сквозь призму познания окружающей действительности. Причём кон-

¹ Cambridge Dictionary.

трастная образность, лежащая в основе аспектуального противопоставления своеобразным образом, отражает дуальность мировосприятия.

Узкий круг выделенных КМ объясняется ограниченностью когнитивного

анализа морфологическим уровнем языка. В качестве перспективы дальнейшего изучения аспектуальных характеристик видится когнитивное исследование на синтаксическом уровне (на что указывают исследователи [28]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
2. Зализняк А. А., Микаэля И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. 392 с.
3. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
4. The Oxford Handbook of Tense and Aspect / ed. by R. I. Binnick. New York: Oxford University Press, 2012. 1089 p.
5. Мотов С. В. Обучение грамматике английского языка на лингвокогнитивной основе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 179. С. 32–39. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-179-32-39.
6. Рахманкулова С. Е. Современная когнитивная лингвистика в преподавании грамматики иностранного языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. № 49. С. 86–103. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-49-1-86-103.
7. Ильченко О. С. Cognitive grammar and English language acquisition: Indefinite Tenses, or when the 'observational window' is closed (Когнитивная грамматика и обучение английскому языку: *indefinite tenses*, или когда «окно наблюдения» закрыто) // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 3 (31) [Электронный ресурс]. URL: <https://rulb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.22> (дата обращения: 20.03.2024). DOI: 10.18454/RULB.2022.31.22.
8. Авраамов Г. Г. К вопросу о лингвистическом статусе категории предельности/непредельности в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3 (64). С. 66–69.
9. Баклашкина О. Н., Мельгунова А. Г., Сметанина Т. В. Когнитивный подход к интерпретации значений форм инфинитива в английском языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7-3 (109). С. 6–10. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.068.
10. Беседина Н. А. Роль морфологических категорий в организации языка как когнитивной системы // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 363–371.
11. Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистического знания и категория аспектуальность // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2008. № 2. С. 34–43.
12. Болотова Е. В. Когнитивное представление предельности в тексте (на материале немецкого языка) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 993–996.
13. Гиллеспи Д. Ч., Мурунов С. С., Брыксина И. Е., Алексич Е. В. Анализ семантических характеристик грамматических временных форм английского и французского языков в пространстве будущего времени // Язык и культура. 2020. № 51. С. 6–34. DOI: 10.17223/19996195/51/1.
14. Ширяева А. С. Когнитивные значения настоящего перфекта // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 35–38. DOI: 10.18454/RULB.2021.28.4.11.
15. Brisard F. An Account of English tense and aspect in Cognitive Grammar // Time: Language, Cognition & Reality / ed. by K. M. Jaszczolt, L. de Saussure. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 210–235. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199589876.003.0011.
16. Croft W. Verbs: Aspect and Causal Structure. Oxford: Oxford University Press, 2012. 480 p.
17. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Volume II: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991. 628 p.
18. Radden G., Dirven R. Cognitive English Grammar. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. 374 p.

19. Schmid S. D. Universal Categories, Single Language Realisations: Aspectuality in French and other Romance Languages // *CogniTextes*. 2022. Vol. 23 [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/cognitextes/2292> (дата обращения: 11.04.2024). DOI: 10.4000/cognitextes.2292.
20. Langacker R. W. Grammar and Conceptualization. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2000. 427 p.
21. Рыхлова О. С. К вопросу о категории вида в английском языке // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2007. № 6 (70). С. 4–9.
22. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. С. 58–65.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
24. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1990. 395 p.
25. Langacker R. W. *Essentials of Cognitive Grammar*. Oxford – New York: Oxford University Press, 2013. 269 p.
26. Егизарян П. Э. Лексико-грамматические средства выражения будущего в пиренейском варианте современного португальского языка (на материале печатных СМИ): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 257 с.
27. Черткова М. Ю. Типология категории вида / аспекта в разноструктурных языках мира: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005. 566 с.
28. Мирсанов Г. К. Роль квантификаторов в формировании аспектуальных ситуаций (на материале английского языка) // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Лингвистика. 2018. № 2. С. 109–117. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-109-117.

REFERENCES

1. Bondarko, A. V. (2005). *Theory of morphological categories and aspectological studies*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
2. Zaliznyak, A. A., Mikaelyan, I. L. & Shmelev, A. D. (2015). *Russian aspectology: in defense of the aspectual pair*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
3. Maslov, Yu. S. (2004). *Selected works. Aspectology. Linguistics*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury publ. (in Russ.).
4. Binnick, R. I., ed. (2012). *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*. New York: Oxford University Press.
5. Motov, S. V. (2019). Teaching English grammar on linguocognitive basis. In: *Tambov University Review. Series: Humanities*, 24 (179), 32–39. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-179-32-39 (in Russ.).
6. Rakhmankulova, S. Y. (2020). Cognitive linguistics approaches to teaching foreign grammar. In: *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 49, 86–103. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-49-1-86-103 (in Russ.).
7. Ilchenko, O. S. (2022). Cognitive grammar and English language acquisition: Indefinite Tenses, or when the 'observational window' is closed. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 3 (31). URL: <https://rullb.org/archive/3-31-2022-july/10.18454/RULB.2022.31.22> (accessed: 20.03.2024). DOI: 10.18454/RULB.2022.31.22.
8. Avramov, G. G. (2016). On the issue of the linguistic status of the category of boundedness/unboundedness in contemporary French. In: *Philology. Theory & Practice*, 10-3 (64), 66–69 (in Russ.).
9. Baklashkina, O. N., Melgunova, A. G. & Smetanina, T. V. (2021). A cognitive approach to the interpretation of the meanings of infinitive forms in English. In: *International Research Journal*, 7-3 (109), 6–10. DOI: 10.23670/IRJ.2021.109.7.068 (in Russ.).
10. Besedina, N. A. (2010). Role of morphological categories in language organization as a cognitive system. In: *Cognitive studies of language*, 7, 363–371 (in Russ.).
11. Beloshapkova, T. V. (2008). The cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge and the category of aspectuality. In: *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2, 34–43 (in Russ.).
12. Bolotova, E. V. (2015). The cognitive representation of the limit in the text (in the German language). In: *Bulletin of Bashkir State University*, 20 (3), 993–996 (in Russ.).

13. Gillespie, D. C., Murunov, S. S., Bryxina, I. E. & Aleksic, E. V. (2020). An analysis of semantic characteristics of English and French tense forms in the space of the future. In: *Language and Culture*, 51, 6–34. DOI: 10.17223/19996195/51/1 (in Russ.).
14. Shiryayeva, A. S. (2021). Cognitive meanings of present perfect in a journalistic style. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 4 (28), 35–38. DOI: 10.18454/RULB.2021.28.4.11 (in Russ.).
15. Brisard, F. (2014). An Account of English tense and aspect in Cognitive Grammar. In: Jaszczolt, K. M. & de Saussure, L., eds. *Time: Language, Cognition & Reality*. Oxford: Oxford University Press. pp. 210–235. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199589876.003.0011.
16. Croft, W. (2012). *Verbs: Aspect and Causal Structure*. Oxford: Oxford University Press.
17. Langacker, R. W. (1991). *Foundations of Cognitive Grammar. Volume II: Descriptive Application*. Stanford: Stanford University Press.
18. Radden, G. & Dirven, R. (2007). *Cognitive English Grammar*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
19. Schmid, S. D. (2022). Universal Categories, Single Language Realisations: Aspectuality in French and other Romance Languages. In: *CogniTextes*, 23. URL: <https://journals.openedition.org/cognitextes/2292> (accessed: 11.04.2024). DOI: 10.4000/cognitextes.2292.
20. Langacker, R. W. (2000). *Grammar and Conceptualization*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
21. Rykhlova, O. S. (2007). To the question of category of type in the English language. In: *Vestnik of the Orenburg State University*, 6 (70), 4–9 (in Russ.).
22. Sternin, I. A. (2001). Methodology for studying the structure of a concept. In: *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh: Voronezh State University publ. pp. 58–65 (in Russ.).
23. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago – London: The University of Chicago Press.
24. Langacker, R. W. (1990). *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin – New York: Mouton de Gruyterp.
25. Langacker, R. W. (2013). *Essentials of Cognitive Grammar*. Oxford – New York: Oxford University Press.
26. Egizaryan, P. E. (2019). *Lexical and grammatical means of expressing the future in the Pyrenean variant of modern Portuguese (based on print media)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
27. Chertkova, M. Yu. (2005). *Typology of the type/aspect category in differently structured languages of the world* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
28. Mirsanov, G. K. (2018). Role of quantifiers in the formation of aspectual situation (in the English language). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 109–117. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-2-109-117.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скворцова Наталья Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Московского государственного лингвистического университета;

ORCID: 0009-0006-2343-3644; e-mail: nskvortsova18@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia S. Skvortsova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Linguistics and Political Communications, Moscow State Linguistic University;

ORCID: 0009-0006-2343-3644; e-mail: nskvortsova18@gmail.com

[illegible]

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2024. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова

Переводчик А. Ю. Назарова

Корректор М. С. Тарасова

Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,75, уч.-изд. л. 9,75.

Подписано в печать: 30.09.2024 г. Дата выхода в свет: 07.10.2024 г. Заказ № 2024/09-04.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2